

*К 400-летию
основания
города Томска*

АМЕРИКАНСКИЙ И СИБИРСКИЙ ФРОНТИР

AMERICAN AND SIBERIAN FRONTIER

Министерство
общего и профессионального образования
Российской Федерации
Томский государственный университет
Управление культуры мэрии г. Томска

Американские исследования в Сибири
Выпуск 2

**АМЕРИКАНСКИЙ И СИБИРСКИЙ
ФРОНТИР
AMERICAN AND SIBERIAN FRONTIER**

Материалы международной научной конференции
"АМЕРИКАНСКИЙ И СИБИРСКИЙ ФРОНТИР
(фактор границы в американской
и сибирской истории)"
4-6 октября 1996 г.

Издательство Томского университета

ТОМСК - 1997

Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Американский и сибирский фронтир: Материалы междунар. науч. конф. "Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)". 4-6 октября 1996 г. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. - 304 с.

В сборник включены статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные проблемам сравнительного изучения освоения Североамериканского континента и Сибири. Исследуются вопросы аграрной колонизации, развития народонаселения. Анализируются значение конфессионального фактора в освоении новых территорий, проблемы развития коренных этносов, общие и специфические условия адаптации и сохранения этнических меньшинств. Важное место уделяется проблемам взаимосвязи духовной жизни России и Сибири в XIX - начале XX в., а также вопросам теории и практики международных отношений в XX в. Переводы статей на английский язык предоставлены авторами.

Для научных работников, учителей, студентов исторических и филологических факультетов, всех интересующихся проблемами зарубежной и отечественной истории и культуры.

Редакционная коллегия:

канд.филол.наук О.Н. Бахтина, д-р ист.наук А.Г. Жеравина, канд. ист.наук Э.Л. Львова, д-р филол.наук Ф.З. Канунова, д-р ист.наук М.Я. Пелипась (отв.редактор), канд.ист.наук А.Г. Тимошенко, канд.ист.наук Л.Н. Смолякова (отв.секретарь)

ISBN 5-7511-0920-1

A $\frac{0503010000}{177(012) - 97}$

© Сибирская ассоциация американистов, 1997

© Томский государственный университет, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник включены доклады и сообщения участников международной научной конференции "Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)", проходившей в Томском государственном университете в октябре 1996 г. Концепция определяющего влияния фактора "границы" в истории Соединенных Штатов Америки, предложенная в конце XIX в. Ф.Д. Тернером, в модернизированных вариантах остается одной из ведущих в американской историографии XX в. Начиная с самого Тернера, исследователи вкладывают разное содержание в понятие "фронт", трактуя его как "подвижную границу" между заселенной и незаселенной территориями, как "место встречи дикости и цивилизации" и т.д. Основой концепции Тернера является идея об особой роли "границы" в обеспечении политического и экономического равенства среди белых поселенцев Америки. Под влиянием окружающей среды на "границе" отмирали и трансформировались идеи, принесенные с востока Североамериканского континента. Кроме того, земли на "фронте" были местом прибежища "лишних людей". Наступление цивилизации разрушало основы социального и политического равенства на "границе", и она передвигалась дальше на запад. На новых землях восстанавливались идеалы первых переселенцев.

Труды американских исследователей XX в. углубили понимание сути процессов колонизации Америки. Но концепция "фронта" по-прежнему широко используется для изучения широкого круга проблем истории США. Об этом свидетельствует большое количество исследований по "испанскому фронту", "городскому фронту" и т.д. Идеи Тернера становились основой и для формирования внешнеполитических концепций. Так, администрацией Дж. Кеннеди был выдвинут лозунг "новых рубежей". В последние десятилетия в США наблюдается стремление использовать методологию и инструментарий концепции "фронта" в компаративистских исследованиях на материалах истории США и других стран. Эту тенденцию пытаются развить, выявляя сходство и различия в процессах освоения Североамериканского континента и Сибири, участники конференции в Томском госуниверситете.

Представленные в сборнике статьи и сообщения сгруппированы по пяти разделам. Раздел "Пути и формы освоения Америки и Сибири" открывает статья профессора Калифорнийского универ-

ситета в Беркли Ричарда Абрамса. Концепция Тернера была вариантом теории "американской исключительности" и внесла свой вклад в формирование "мифа о фронтире", получившего широкую популярность вместе с жанром "вестерна". Р. Абрамс в статье "Аляска: последний евро-американский фронт" показывает жестокую реальность освоения Аляски. Особый акцент сделан на проблеме охраны прав коренного населения этого штата в условиях "нефтяной лихорадки" 1970-х гг. Статьи А.Д. Агеева, П.Ю. Белани и сообщение Ю.М. Трибицова ставят методологические проблемы сравнительного изучения освоения Сибири и Америки.

Аграрная колонизация Сибири и Северной Америки проходила на основе исторически складывавшихся форм хозяйствования американских фермеров и русских крестьян. Если в Сибири в аграрной сфере преобладали казенная и кабинетская собственность, а также общинное землепользование, то в Америке приоритет имело частное землевладение. А.Г. Жеравина и П.Ф. Никулин уделяют внимание сходству и различиям в аграрной колонизации Сибири и Северной Америке в конце ХУП - начале ХХ в., исследуют процесс развития народонаселения в местах пионерного освоения Сибири. Сибирь с давних времен использовалась как место ссылки. Роль ссыльных в хозяйственном освоении Сибири раскрывается в статье М.Н. Шабанова. Специфику этих процессов в 30-х гг. ХХ в. показывают в своем сообщении В.П. Андреев и В.А. Демешкин. Противоречивость результатов деятельности иностранных компаний в Сибири в конце ХІХ - начале ХХ в. демонстрирует в своей статье О.Н. Разумов. Роль прессы в освоении новых территорий - предмет изучения Н.И. Гузаровой.

Религиозный фактор наряду с экономическим играл важную роль в процессе освоения Америки и Сибири. Раздел "Конфессиональный фактор в освоении новых территорий" включает статьи О.Н. Бахтиной, Е.Е. Дутчак, М.П. Черной и Л.И. Сосковец. Старообрядцы Сибири и Америки, специфика процессов их ассимиляции, роль книги в сохранении традиционных религиозных ценностей, христианизация автохтонного населения Сибири в ХУП - ХІХ вв., конфессиональные особенности Западной Сибири в 1950-х гг. - таков широкий круг проблем, поднимаемых этими исследователями.

Статьи, включенные в раздел "Коренные этносы и этнодисперсные группы", показывают, что фактор "границы", рассматриваемый в аспектах окружающей среды, психологических, со-

циальных и культурных ситуаций, предстает как структурообразующий элемент, вокруг или в рамках которого воссоздаются и сохраняются этничность, традиции, культурная самобытность, язык, образ жизни и мировоззрение. Кросскультурное исследование общины у бухтарминцев Алтая и мормонов Юты и Айдахо приводит Т.С. Мамсик к предположению об исторически конструктивной роли клана и религиозной общины в Сибири и в Америке. И.В. Октябрьская и Л.И. Шерстова обстоятельно рассматривают механизмы возникновения и воспроизводства этничности у казахов Южного Алтая и тюрков Южной Сибири. Проблемы этнодисперсных групп в Сибири, общие и специфические условия адаптации и сохранения этнических меньшинств в инонациональной и инокультурной среде изучаются в статьях Н.И. Наумовой, Л.И. Кутиловой, И.В. Нам. В.И. Смокогин выясняет возможность придания категории "фронтيرا" полноценного гносеологического статуса.

Важным аспектом колонизации Сибири было духовное и культурное обогащение края влиянием Европейской России. Вместе с тем освоение Сибири расширяло культурное сознание всей нации, способствовало формированию философско-этических, художественно-эстетических, историко-культурных представлений русского общества. Но, так же как и в Америке применительно к "человеку фронтيرا", в России сформировался и продолжает культивироваться "миф сибиряка", обладающего физическими и моральными качествами, отличными от кондиций жителей других районов России. В данном сборнике комплекс этих проблем рассмотрен в статьях ученых-филологов. Эти статьи публикуются в разделе "Человек фронтيرا: миф и реальность".

Ф.З. Канунова на примере Г.С. Батенькова показывает влияние сибирской действительности на духовное развитие декабристов. В статье И.А. Поплавской рассмотрено восприятие Сибири лицеистами пушкинского круга. И.А. Айзикова анализирует "сибирские" материалы журнала "Москвитянин" 1840-50-х гг. Статья В.А. Доманского представляет собой очерк сибирского периода жизни поэта-народника Ф. Волховского. Н.Е. Разумова пишет о значении Сибири в творчестве А.П. Чехова. Восприятие реального "человека фронтيرا" участником кружка Петрашевского Ф.Г. Толлем - тема исследования Э.М. Жиляковой. Во второй половине XIX в. получило развитие социокультурное движение сибирской интеллигенции - областничество. Областники были носителями идеалов и ценностей западнически ориентирован-

ной российской интеллигенции. Но в то же время они осознавали себя представителями самобытной сибирской культуры. Проблему разрешения возникающей таким образом конфликтной ситуации ставит Е.Г. Новикова.

В последнем разделе сборника публикуются статьи сотрудника Библиотеки Конгресса США Майкла Жюрера, М.Я. Целипаса, С.П. Цыганковой, С.Ю. Липова, Л.Н. Смоляковой, в которых рассматриваются различные аспекты теории и практики международных отношений XX в. О.А. Никифоров показывает роль государства в развитии малого бизнеса в США и России. Л.Ю. Кичигина представляет информационный материал о работе эдвайзерской службы Американского центра Научной библиотеки Томского государственного университета.

М.Я. Целипась

Сибирская ассоциация американистов, оргкомитет конференции "Американский и сибирский фронт" и редакционная коллегия сборника выражают искреннюю признательность сотрудникам Посольства США в Москве Роберту Хилтону и Залине Николаевне Дзукаевой, мэру г. Томска Александру Сергеевичу Макарову, заместителю мэра Олегу Владимировичу Попову, сотрудникам Управления культуры мэрии г. Томска Аркадию Моисеевичу Ратнеру, Галине Васильевне Бирюковой, Елене Александровне Кириченко, председателю правления Томского регионального благотворительного общественного культурно-просветительского фонда им. Н.И. Макушина М.А. Слюсаренко за помощь в проведении конференции и публикации сборника ее материалов.

РАЗДЕЛ I

ПУТИ И ФОРМЫ ОСВОЕНИЯ АМЕРИКИ И СИБИРИ

Richard M. Abrams
University of California at Berkeley

ALASKA: THE EURO-AMERICANS' LAST FRONTIER

In their intrusions into the vast continental expanses that were little known to Europeans in the 17th Century, Russians and Euro-Americans¹ alike encountered basically Stone Age peoples. Over the next three centuries, the Euro-Americans moved thousands of miles westward from the Atlantic Coast, and the Russians moved thousands of miles north and eastward into the northern borderlands of Siberia. Both had weapons and social organization that made them incomparably more powerful than the peoples they encountered. Both treated the strangers initially with all the brutality and callousness that their power permitted in eras when brutality toward "strangers" was commonplace to the point of being virtually a norm.

Not that brutality was a novelty to the native residents in either place. It would be a mistake to assume that, before the European intrusions, either the Siberian steppes or the so-called American frontier from Cape Cod to the Seward Peninsula was populated by noble, peaceloving people respectful of nature and of their neighbors. Nor would it be useful to assume that the Europeans came upon societies whose traditions, structures, and relationships with neighbors were in any way fixed and unchanging. Native cultures were in a constant state of change as a consequence of both internal developments and contact with alien cultures. Sometimes such contacts proved completely catastrophic. For example, it is plain that before the arrival of the Europeans, and continuing for decades thereafter, the Asian and North American continents had witnessed more or less continuous combat among rival clans, tribes, and linguistically diverse groups of all kinds, including not infrequent episodes of genocide -- i.e., wars or raids in which the winning side totally and completely "exterminated" the enemy; all this without either help or inspiration from the more lately arrived Europeans.

With regard to Alaska, for example, when the Europeans first came upon the Tlingit people in what is today southeastern Alaska,

they were on the verge of being pushed out of their homes by the Haida people who were expanding from their home base on the Charlotte Islands. As it happened, the Tlingits were saved when disease (mostly smallpox), brought by the Europeans, permanently weakened the Haida and put an end to their expansionist plans. The Tlingits were themselves a mostly successful warrior people for whom war served, among other things, to secure trading contacts, to bring back slaves, and to prove manhood and personal glory. War was a central feature of their culture. The Tlingits advanced the art of war to relatively high levels. When the Europeans first encountered the Tlingits, they found them using metal that they salvaged from flotsam primarily to fashion weapons against their less well situated inland enemies. They devised from wood a form of body armor. Every young male was taught that to die in combat brought great honor to a Tlingit family.

Their warrior culture made them formidable adversaries for the Russians who attempted to settle in their region. In fact, the first contact in 1741 by a Russian ship (Bering's expedition) resulted in the disappearance of the two scouting parties sent ashore; the men presumably were murdered or enslaved by the Tlingits. The Russians were never able to subdue them. To protect their sparse settlements the Russians built forts, notably at Sitka (Novo Arkhangelsk), and attempted to maintain 24-hour alerts against surprise attacks. That did not always help. The Tlingits overran the fort and settlement at Sitka in 1802, only 3 years after it was built. Two years later, a Russian warship shelled the Tlingit towns, driving them off the island, and Sitka was to remain headquarters for the Russian-American Company until Alaska was sold in 1868. Even so, the Tlingits and other Athapaskans in the area continued to harass the Russian settlers, ultimately contributing to St. Peterburg's readiness to surrender Alaska to the United States. One historian has written:

"Although Alaska has often been described as Russian America until 1868, the Tlingit actually controlled nearly all of the southeastern territory. From the Native point of view, they tolerated the Russian presence at Sitka as a means of having access to trade goods. The Russians were well armed, but so were the Indians².

Anthropologists generally classify the natives of Alaska into three groups based mostly on linguistic affinity: The Athapaskans, the Eskimos, and the Aleuts (although some argue that the Aleuts should be included among the Eskimos). The Athapaskans called Tlingits, Haida, and Tsimshians of southeastern Alaska were probably the most advanced, best organized of the Alaskan natives at the time of the

European contacts. Their religious forms, political structures, military organization, and art work showed extraordinary development. The Spanish were particularly impressed by the art of the Tlingits; many of the wood and bone sculptures that they brought back to Spain in the 18th Century still reside in the Museo de America in Madrid.

That the coastal Athapaskans had developed so refined a culture is truly extraordinary in the context of what we know generally of other societies in world history. Development of so-called high culture is almost always linked to societies that have moved beyond hunting and gathering to an agricultural economy. The expansion of economic productivity made possible by agriculture, including animal domestication, permits population growth, economies of energy and resources typical of settled populations, and more leisure time to cultivate the arts, to elaborate on religious, social and political ideas, and to perfect the material features of culture: tools, housing, utensils, textiles, ornaments, and of course weapons. Yet the Alaskan natives were primarily hunters and gatherers, they possessed no domesticated animals except dogs, and were entirely dependent on natural flora and fauna for their livelihoods.

That the southeastern natives were nevertheless able to achieve what they did owed mostly to the tremendous wealth of resources available to them. They enjoyed a relatively mild climate, because of the currents from the Sea of Japan. The ocean and rivers provided them with a superabundance of fish, including sea mammals, five species of salmon, cod, halibut, herring, and the olachen or "candlefish." Vegetable matter did not appear in their diet, except for some use of a product made from the inside of the bark of some trees, but wild berries were seasonally plentiful, and they preserved boiled mashes of them for winter use. Some land animals, such as deer, elk, moose, marmots, goats and mountain sheep were hunted for both the meat and skins, though such hunting often had significance more for ceremonial than subsistence purposes.

When Russia sold Alaska to the United States in 1867, the Euro-Americans had advantages over the Russians in their relationship with the native peoples. One advantage was that the native peoples had already been greatly weakened by epidemics that reduced their populations; this made it easier for the Euro-Americans to abuse them. Other advantages they failed to exploit. Because the Russians intended to settle the region, they sought to keep the natives both peaceful and relatively defenseless; or defenseless and therefore peaceful. That led to a policy of prohibiting the trading of guns or whisky in exchange for the furs and fish that the Russians sought. Yet little that

the Russians had besides guns and whisky truly interested the natives. No wonder that coercion and, in truth, enslavement, proved to be the Russians' chief method of getting what they wanted in Alaska. What contacts the Euro-Americans had had with the natives, on the other hand, had been primarily as traders. Less concerned than the Russians were about arming their trading partners, they readily swapped guns and whisky for pelts. They thus got along a lot better with the natives than did the Russians.

Once they became proprietors of Alaska, however, the Euro-Americans reverted to the form typical of European contacts with natives. That is, the natives became subjected to abuse and neglect. Only the fact that the American era began a century after the European Enlightenment had caused a softening of the edges of human brutality made the Euro-American and Native American relationship reasonably more humane. Even so, since the Euro-Americans failed to establish anything like a constabulary in Alaska until the turn of the century, lynch law and occasional shelling of native villages by warships represented the main instruments of local "law and order."

The two great Alaskan "Rushes" led to the transformation of the Euro-Americans' relationship with the native Alaskans - and their relationship to their own traditions. The first was the dramatic Gold Rush of 1897-98; the second was the Petroleum or Black-Gold Rush of 1968-74. Until the first Rush, Euro-Americans made up less than ten percent of the sparsely populated Alaskan peninsula and archipelagos. With the discovery of significant amounts of gold in the Klondike and east-central Alaska, the Euro population very quickly doubled. In staking their claims to the gold fields, the Euros simply ignored and brushed aside the native peoples; although because they were addicted to legalities, the Euro-Americans moved to legitimate their trespasses on native lands.

The sudden increase in the numbers of non-native people in Alaska forced the U.S. government to pay attention to this new frontier region. In keeping with traditional political practices, Euro-Americans in Alaska clamored for government aid to help them get rich. They had enough business allies in Congress to push some measures through. Eventually they would include topographical and geological surveys, government-built roads and railways, and legislation designed to empower the Euros with the means for self-government — and for shouldering aside native claims.

When Theodore Roosevelt became President in 1901, he appointed retired naval officer George T. Emmons to investigate. Emmons completed a Report that was submitted to Congress in January 1905.

Among its most important features was Emmons' understanding of the relatively successful adaptation of the Southeastern Athapascans to the Euro-Americans' intrusions. For them, the Emmons Report urged that Congress grant them full rights of citizenship, including the right to file on a mining claim, to take up land, to get a mariner's license, and to carry on with full legal cover their own forms of self-governance.

For a second group, the Aleuts, the Athapascans throughout much of the eastern and southern interior, the Eskimos along the Bering and Arctic coasts and the lower river valleys of the western Alaskan interior, their political economies were highly fragile. They especially required protection of their basic food supplies. Many were whale and walrus hunters, depending heavily on those sea mammals for food, fuel, light, shelter, and clothing. Both animals were seriously endangered by Japanese, Russian, American, and European hunters, as were the sea otters which, by 1900, were already virtually extinct. Also endangered were the caribou, a relative of the reindeer. Armed with guns, the Eskimos became more effective, and profligate, hunters. Although their "traditions" dictated that they kill only for subsistence, guns made them giddy with the thrill of the kill. During the Gold Rush years, overhunting of caribou, in part to supply the Rushers but also because of previous wasteful killing, led to real starvation among many groups of Eskimos. Federal Government intervention, bringing in reindeer along with Lapps from Scandinavia who were experienced in herding the animals, helped to avert a major catastrophe.

Of course, most of the recommendations in the Emmons Report, especially those for medical and educational facilities, received little attention during the next half century. Congress did pass the Nelson Act of 1905, which among other things reserved certain business license fees for education, stipulating however that separate schools be built for Euro-settlers and for native Alaskans. On the whole, Americans of the "Lower 48" continued to think little about the problems of Alaskans, native or newcomer. Even their efforts to do good usually proved wrongheaded. Such as the General Allotment or "Dawes" Act of 1887, which permitted native Americans, including the Alaskans, to acquire citizenship — on condition that they "severed tribal relationships and adopted the habits of civilization." Again, The Native Allotment Act of 1906 enabled natives to obtain title to 160-acre homesteads to be selected from the unappropriated and unreserved public domain; it presumed how wonderful it would be if the natives gave up their hunting, fishing, and trading culture to become farmers — in a land conspicuously lacking agricultural possibilities. The main

effect, if not the purpose, of the Act appears to have been to provide Euros with access to land they could only get if the natives were first permitted to claim it -- and then sell it. But in any case, that piece of 1906 legislation remained for almost 70 years without clear compliance law; in other words, precisely HOW title to claims by individual natives could be secured remains nebulous. That did not stop Euro-Americans in Alaska from progressively expropriating lands that they sought for mining or timber investments. It was not until 1966 that Congress gave the native Americans the right to sue in Federal court for violations of treaties and otherwise-determined native rights.

Many well-intentioned reformers, especially in the Darwinian days of cultural absolutism, believed that the best way to preserve native culture was to confine the natives to reservations. That was the principal motif running through the notorious Dawes Act of 1887 and subsequent allotment acts as well. The only alternative, so they were advised, was homesteading. Forget it! said the Alaskan natives. At a conference held in 1915, leaders of various native groups met to protest that homesteads were incompatible with their seminomadic lifestyle; and reservations would be just deadly. "We want to be left alone," one chief pleaded. "As the whole continent was made for you, God made Alaska for the Indian people, and all we hope is to be able to live here all the time." Another chief argued:

"Just as soon as you take us from the wild country and put us on reservations ... we would soon all die off like rabbits. We live on fish, the wild game, moose and caribou, and blueberries and roots. That is what we are made to live on --- not vegetables, cattle and things like the white people eat. As soon as we are made to leave our customs and wild life, we will all get sick and soon die. You used to never hear anything of consumption or tuberculosis.... We have moved into cabins ... and as soon as we have done this the natives begin to catch cold".

Nevertheless, the idea of reservations continually reappeared virtually until the revolutionary Native Land Claims Settlement Act of 1971.

If not for the developments of the 1960's and 1970's, the official population of Native Americans or "Indians" would be probably no more than half what it is today. Moreover, if not for the developments of the 1960's and 1970's, there would be little that could be claimed for the survival of Native American culture. Beaten and decimated by their conquerors' diseases and weapons, surviving Indians moved in two directions: Many different groups of them made their home on reservations, which became more or less stabilized by the 1930's.

Nearly all of these were thoroughly impoverished. Others, taking a different route, left the reservations or never withdrew to them, "assimilating" into the mainstream of American culture wherever racial prejudice did not interfere.

The process of acculturation began early with the Indians originally of the eastern U.S. By the end of the 19th Century, those who had not migrated westward - under threat of violence or by the false lure of "guaranteed" lands — had lost all of their traditional culture but a mythology of a unique past. As Western historian Nancy Oestreich Lurie has written regarding the American Indians of the eastern United States, "In cultural terms, the modern... Indians retain little more of their heritage than tribal names and a sense of common origin". The native Alaskans, especially the Eskimos, doubtlessly retained far more of their cultural heritage far longer than the natives of the continental United States. But the two "Rushes," and the "Black Gold Rush" of the 1970s especially, went a long way toward wiping out that heritage for the Alaskans as well.

The Prudoe Bay oil discovery of December 1967 transformed Alaska in more than the obvious way. Most important among many things, it was the oil companies' eagerness to exploit the treasures of Black Gold that finally brought to a head the long festering issue of settling the status of the natives and their claims to Alaska's resources.

Statehood, achieved in 1957, had brought with it expectation of rapid development. And with that expectation came anxiety among native groups that they were about to get trampled on as they did during the turn-of-the-century Gold Rush. Statehood triggered new explorations for coal and minerals. In addition, the Defense Department was preempting millions of acres of land all over the state. But the discovery of oil in enormous quantities on the Northern Slope dwarfed the concerns raised by those developments. The greatest anxiety arose over the proposals to build a 900-mile pipeline that would dissect the entire Alaskan mainland.

At first, in a business-as-usual mode, the oil companies rushed headlong to exploit their find. They had reason to believe they had all Alaskans on their side, having paid to the state \$900 million, a record, for leases. Everyone stood to get rich. How to get the oil from the Arctic to markets? Simple: build a pipeline; and to build the pipeline, build a road across Alaska. Maybe there were problems with building roads across permafrost. Maybe when they did build the road, all too hastily, it turned out to be one of the biggest fiascoes in modern engineering history. Maybe it might disturb the fauna, to say nothing of Eskimo lifestyles. Maybe there were problems with transporting oil

that comes out of the earth at 160°F. but must travel through permafrost with temperatures 10°F. or 20°F. below zero. Maybe there were problems with the fact that oil spills from accidents and earthquakes could devastate the wilderness and fisheries and cause some people to become upset about losing their livelihoods as a result.

To the oil companies, these were minor matters. Confident that they could easily overcome any opposition, the oil companies quickly bought up \$75 million in trucks and equipment and brought them to Alaska. Unable to find U.S. companies with 48" pipe for the job, and unwilling to wait for the U.S. firms to tool up, the oil men rushed to Japan and bought up everything in sight - 500,000 tons of it and brought it to Valdez.

The Alaskan developers and the oil companies neglected two very important things. First, most of the land through which the pipeline was to be installed belonged to the federal government, which had frozen usage until native claims and regulations for use could be settled. Second, probably most important: This was the 1960's, not the 1860's, or even the 1950's. The country and indeed the world had become sensitized to the consequences of environmental destruction. Whoops! The rush to develop hit an iceberg. The 500,000 tons of pipe and the \$75 million in trucks, tractors, bulldozers, and other equipment unloaded at Valdez lay stacked over hundreds of acres for four years.

Now, suddenly, the issue of natives' land claims began looming large. It was a long time since fortune hunters and missionaries from outside Alaska could simply ram their way through the native peoples to get the wealth or sainthood that they pursued. State and federal governments were now sensitive to the promises in the Organic Acts as well as in the Statehood enabling act, promises incorporated in provisions that natives were to remain undisturbed on the lands they occupied and were using. Since many, perhaps most, of the native groups were semi-nomadic, such claims could range from 640 acres (as in the Chilkoot area) to hundreds of million of acres. And now that the riches of oil were a part of the chips on the table, settlement took on a new urgency.

Overcoming centuries of distrust for one another, Eskimos and Athapascans (to use those convenient names) from all over the state began organizing. Of course, apart from what was obviously at stake, the political and social climate of the 1960s strongly encouraged groups to organize and fight for rights. In October 1966, even before the Prudhoe strike, representatives of all the native organizations and numerous individual villages met in Anchorage to form the first

Alaska-wide association, what came to be named the Alaska Federation of Natives (AFN).

Its constitution proclaimed its purpose to be: To secure the rights and benefits to which natives were entitled under the laws of the U.S. and Alaska; enlighten the general public about natives; preserve cultural values and seek an equitable solution to native claims.

Insofar as the fight for native rights aimed at deficiencies emanating from the federal government, the native groups formed natural partners with the Euro-settlers who were intent on "development" and thus confronted federal restrictions. On the other hand, ironically, it had been the more liberal members of Congress who historically had offered greater support to native groups as opposed to the special interests who had long disregarded native interests while seeking "development uber alles," especially of Alaska's extractive industries. International oil companies (British Petroleum, Humble, and Richfield-Atlantic) eager to get going on exploiting the sensational Prudhoe oil finds now joined with the natives in the interest of getting the land claims business out of the way, even if it meant keeping power out of the hands of the Alaskan state politicians.

In the end, the Prudhoe Bay oil discovery was the single most important factor in the what would become the most important measure in the history of the native Alaskans — the Alaska Native Claims Settlement Act of 1971. As one historian has written:

The result was the Alaska Claims Settlement Act of 1971. It was (is) a complicated measure, made complicated by the need to blend old claims with new, demands of development interests with those of conservationists and of the growing Alaskan tourist industry, pressure from the oil companies for SOME kind of settlement SOON, and state politicians who sought to diminish the federal role in public policy and federal land set-asides for wildlife and other conservation purposes.

Nor is there any question that the Settlement Act of 1971 owed directly to the Prudhoe Bay oil discovery and the eagerness, urgency, with which the oil companies pressed to get on with the job. As two historians have written:

There is no question that the kind of settlement achieved was due to the desire of (the oil) industry to extract the oil and bring it to market. There was the widespread belief that if only Alaskan oil could be brought to market most of America's energy problems would be solved. A quick settlement of native claims was essential because they stood in the way of oil extraction.

The Environmentalist and Civil Rights movements of the '60s also played a role. As the same historians concluded: "Various conserva-

tion groups were eager to settle the uncertain Alaskan land question and preserve large areas of pristine wilderness for the benefit of future generations.... (Meanwhile, the fight against racism) succeeded in sensitizing American society as a whole to the plight of various minorities." (Claus-M. Naske & Herman E. Slotnick *Alaska: A History of the 49th State* (1979), pp.224-225).

The Act, signed by President Nixon in December 1971, did the following: (1) extinguished native claims based on aboriginal title in Alaska in return for granting the legal title to forty million acres. (2) With some exceptions dictated by previous historical commitments, existing reserves were revoked as was applicable features of the Native Allotment Act of 1906. (3) Alaskan natives were to receive \$963 million, to be paid over a number of years, including \$500 million to come from revenues from mining operations. (4) All U.S. citizens with 1/4 or more Alaska Indian, Eskimo, or Aleut blood living as of December 1971 (again, with some exceptions) could become beneficiaries. (5) All eligible natives became stockholders in the regional business corporations set up to administer the money and land selection among the 100 million acres set aside for the purpose. (6) Native villages would choose up to 22 million acres, and amount allotted to each village dependent on enrollment in the township; the regional corporations would go next to select from the rest of the 100 million acres set aside. (Tlingit and Haida townships had more limited choices because they had earlier received a cash award from the federal government.) (7) An additional 2 million acres would be distributed to special native corporations set up in historical native places now largely occupied by Euro populations -- specifically, Sitka, Kenai, Kodiak, and Juneau. (8) The Interior Department was authorized to withdraw up to 80 million acres of land for possible inclusion in existing national parks or forests, wildlife refuges, or wild and scenic river systems.

Whatever else may be said about the Settlement Act, it effectively puts an end to the idea of restoring or preserving native culture. That culture was based on a hunting and gathering subsistence economy. The new culture rests firmly on the business corporations that provide the new economic structure of native Alaskan life.

* * *

THE DAWES ACT: High principle and base motives combined to produce an act that doomed many western tribes by destroying forever any possibility that their cultural identity might be preserved.

Advertised as "The Magna Carta for the Indian". Authorized division of reservation lands into individual family tracts for the Indians with sale of the remaining "surplus" lands for white occupancy. "Thus the final phase of the process by which the Indian was dispossessed of his landed heritage began". Underlying the "reform" was the belief that the Indians deserved to be treated as INDIVIDUALS who would enjoy the same guaranteed "property rights" as whites. "After all, private property was universally acknowledged as the essential foundation for all civilized society".

Basic premise: "That it is impolitic for our Government to treat a heathen community within our borders as an independent nation, but that they ought to be regarded as our wards" - Rev Bishop Henry B. Whipple, leader of the "reformers".

Wardship required a vigorous program of cultural absorption, "to break down the (reservation) barriers and let in the flood-tide of Christian civilization." - Lyman Abbott, 1885.

"That a few naked wandering barbarians should stay the march of civilization and improvement and hold in a state of perpetual unproductiveness, immense regions formed by Providence to support millions of human beings" was unthinkable. - Lewis Cass, "Service of Indians in Civilized Warfare, NAmRev, XXIV (Apr. 1827), 392.

The fiction that Indian tribes were in some manner "nations" fully capable of negotiating treaties to cede away their "occupancy titles" to the land long would provide a most useful conceptual device to mask, as much for the white man's own moral satisfaction as for any other reason, the process of forced expropriation behind the facade of convenient legal forms. (Ralph Goodwin, "Righting the Century of Dishonor: Indian Reform as a Reaffirmation of Conservative Values" - a reappraisal of the Dawes Act - in: "Essays on the History of the American West " (1975), p. 124.

* * *

"New Western Historians break free of the old model of "progress" and "improvement", and face up to t failure and to injury. This reappraisal is not meant to make white the possibility that some roads of western development led directly American "look bad". The intention is, on the contrary, simply to make it clear that in western American history, heroism and villainy, virtue and vice, and nobility and shoddiness appear in roughly the same proportions as they appear in any other subject of human history (and with the same relativity of definition and judgment)".

Patricia Nelson Limerick: "What on Earth is the New Western History?" in: "Trails: Toward a New Western History", p. 86.

"Old Western Historians looked past the garbage (on the trails) and saw "nature". "Where Old Western Historians see nature. New Western Historians see the debris and the consequences of human use". (Richard White "Trashing the Trails" in: *Ibid.*, p.27).

"The New Western History... will help the American West to become a more thoughtful and self-aware community than it has been, a community that no longer insists on its special innocence but accepts the fact that it is inextricably part of a flawed world". (Donald Worster "Beyond the Agrarian Myth" in: *Ibid.*, p.25).

¹ I use the term "Euro-American" to refer to people of the United States of primarily European heritage and to differentiate from Native Americans, Asian-Americans, Afro-Americans, etc.

² Wallace M. Olson. *The Hingit: An Introduction to Their Culture and History* (Heritage Research, 1991), p.56.

³ "Indian Cultural adjustment to European Civilization" in: James M. Smith "Seventeenth-Century America: Essays in Colonial History" (Chapel Hill, 1959), p.33-60; citing Gilbert, "Surviving Indian Groups". Smithsonian Institution. "Annual Reports of the Board of Regents", p. 418-419).

Lurie adds: In the 20th century U.S. "the value of Indian identity has been increased by the social isolation of dark-skinned peoples in American life, since Indians in contrast to other racial minorities have generally enjoyed a degree of prestige in the opinion of the dominant group".

Ричард М. Абрамс
Калифорнийский университет, Беркли

АЛЯСКА: ПОСЛЕДНИЙ ЕВРО-АМЕРИКАНСКИЙ ФРОНТИР*

Захватывая все более обширные континентальные земли, которые мало были известны европейцам в XVII в., русские и евро-американцы столкнулись, по сути дела, с людьми каменного века¹. В последующие три столетия евро-американцы продвинулись на тысячи миль к востоку от Атлантического побережья, а

русские - на тысячи миль к северу и западу от северных приграничных зон Сибири. Те и другие имели оружие и социальную организацию, которые делали их более сильными по сравнению с аборигенами. С самого начала и русские и евро-американцы обращались с незнакомцами очень грубо и жестоко в силу того, что такое отношение к "незнакомцам" было обычным делом и фактически являлось нормой.

Такая жестокость не была новшеством для местного населения. Было бы ошибкой предполагать, что прежде захваченные европейцами земли, или сибирские степи, или так называемый фронтир от мыса Код до полуострова Севорд были заселены великодушными, миролюбивыми людьми, относящимися почтительно к природе и к своим соседям. Следует также отметить, что европейцы пришли из обществ, где традиции, структуры, отношения с соседями уже были определены и не менялись. Местные культуры находились в состоянии постоянных изменений в результате внутреннего развития и установления связей с другими культурами. Иногда такие контакты приводили к полной катастрофе. Например, до прибытия европейцев и в течение последующих десятилетий Азия и Северная Америка были свидетелями продолжающейся вражды между соперничающими кланами, племенами, лингвистически разрозненными группами всех видов, которая не исключала редких случаев геноцида - войн или набегов, когда победившая сторона полностью истребляла своих врагов; все это уже происходило без какой-либо "помощи" европейцев, прибывших в эти места значительно позже.

Так, например, пришедшие в Тлинкит (юго-восточную часть Аляски) европейцы обнаружили, что племена тлинкитов почти вытеснены с мест обитания племенами хайда, переселившимися с территории первоначального расселения на островах Королевы Шарлотты. Тлинкиты были фактически спасены европейцами, принесшими с собой болезни (главным образом оспу), которые ослабили хайда и положили конец их планам захвата чужих территорий. Тлинкиты были воинственным народом, война для них обеспечивала торговые связи, возвращала уведенных рабов, являлась средством проявления личного мужества. Война оказала существенное влияние на формирование их культуры. Тлинкиты развили военное искусство до относительно высокого уровня. Столкнувшись с тлинкитами впервые, европейцы обнаружили, что они использовали для изготовления оружия металл, который находили в виде плавающих обломков. Тлинкиты изобрели и смастерили деревянный пандирь для защиты тела. Каждому

юноше внушали, что умереть в бою - значит принести славу тлинкитской семье.

Военная культура тлинкитов превратила их в прогивников русских, которые пытались поселиться рядом. Первые контакты с тлинкитами экипажа русского корабля (экспедиция Беринга) в 1741 г. завершились исчезновением двух разведывательных групп, отправленных на берег. Русские, вероятно, были убиты или взяты в рабство. Россия так никогда и не смогла покорить тлинкитов. Стремясь защитить свои разбросанные поселения, русские построили форт на о. Ситка (Новоархангельск), где вынуждены были сохранять полную боевую готовность круглые сутки. Но и это не всегда помогало. Спустя 3 года после построения форта, в 1802 г., тлинкиты разрушили его. Через два года русский военный корабль обстрелял города тлинкитов и изгнал их с острова, и Ситка оставался штаб-квартирой русско-американской компании вплоть до продажи Аляски в 1867 г. Тлинкиты и другие атапаски продолжали беспокоить русских поселенцев, что в конце концов заставило Санкт-Петербург отказаться от Аляски в пользу Соединенных Штатов. Один историк писал: "Аляску часто описывали как Русскую Америку до 1868 г., однако тлинкиты фактически контролировали всю юго-восточную часть этой территории. С точки зрения местного населения, русское присутствие на о. Ситка они терпели только с целью приобретения товаров. Русские были хорошо вооружены, но то же самое относится и к индейцам"².

Антропологи обычно делят местное население Аляски на три группы на основании языкового родства: атапаски, эскимосы и алеуты (хотя некоторые приводят доводы в пользу объединения алеутов с эскимосами). В период развития контактов с европейцами называвшиеся тлинкитами атапаски, хайда и цимшиан юго-восточной части Аляски были более развитыми и лучше организованными из местного населения. Формы их религии, политические структуры, военная организация и произведения искусства свидетельствовали о высоком уровне их развития. Особенно были потрясены искусством тлинкитов испанцы. Многие скульптуры из дерева и кости, привезенные ими в Испанию в ХУШ в., до сих пор находятся в Музее Америки в Мадриде.

Проживавшие в прибрежных районах атапаски создали настолько изящную культуру, что она является непохожей ни на какую другую культуру в мировой истории. Развитие высокого уровня культуры всегда связано с теми обществами, которые пошли дальше от охоты и собирательства к производящему хозяй-

ству. Благодаря ведению сельского хозяйства, включавшего и приручение животных, стал возможным рост продуктивности экономики, который привел в дальнейшем к росту численности населения, типичному для поселенцев бережливому отношению к источникам энергии и ресурсам, появлению свободного времени для развития искусств и разработки религиозных, социальных и политических идей, а также к усовершенствованию материальных составляющих культуры: орудий труда, жилищ, утвари, текстильных изделий, украшений и, конечно, оружия. Оставаясь же преимущественно охотниками и собирателями, местные жители Аляски не имели домашних животных, кроме собак, и всецело зависели от естественной флоры и фауны.

Достижения местного населения объясняются главным образом наличием огромных природных ресурсов, имеющих в их распоряжении. Относительно мягкий климат, создаваемый течениями Японского моря, благоприятствовал им. Океан и реки обеспечивали их в изобилии рыбой, морскими млекопитающими, давали им пять видов рыб семейства лососевых, треску, палтус, сельдь. Растительная пища почти не входила в их рацион, за исключением особого продукта, приготовляемого из внутренней части коры некоторых деревьев, да диких ягод в летний период, из которых они готовили пюре для зимнего использования. Местное население охотилось на оленей, лосей, сурков, горных козлов, используя мясо и шкуры животных, хотя часто охота имела большее значение для ритуальных целей, чем для добычи средств существования.

После продажи Россией Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. евро-американцы имели определенные преимущества в развитии отношений с местным населением по сравнению с русскими. Одно из преимуществ состояло в том, что местное население было ослаблено эпидемиями, сократившими их численность, это обстоятельство облегчило евро-американцам путь к покорению этих народов. Другие преимущества они не смогли использовать в своих целях. Дело в том, что русские, намереваясь заселить эти территории, старались держать местное население миролюбивым и соответственно беззащитным либо беззащитным и поэтому миролюбивым. Поэтому они стремились проводить политику запрещения торговли огнестрельным оружием и виски. Еще в меньшей степени интересовало местное население то, что было у русских, кроме оружия и виски. Нет сомнения в том, что насилие и, фактически, порабощение были главными методами достижения русскими своих целей на Аляске. Контакты евро-

американцев с местным населением главным образом носили торговый характер. По сравнению с русскими они меньше всего стремились к столкновениям со своими торговыми партнерами и охотно меняли оружие и виски на шкуры. Таким образом, они лучше ладили с местным населением, чем русские.

В то же время евро-американцы, став владельцами Аляски, сохранили типичные формы отношений европейцев с коренным населением, превратив его в предмет для оскорбления и пренебрежения. Наступление американской эры только привело к смягчению жестоких нравов и сделало отношения евро-американцев с коренным населением Америки более гуманными. Несмотря на это, после неудавшейся попытки евро-американцев установить подобие полицейского института на Аляске, основными инструментами "местного закона и порядка" стали суд линча и обстрелы местных деревень.

Две крупные "лихорадки" на Аляске способствовали трансформации отношений между евро-американцами и коренным населением. Первой была "золотая лихорадка" 1897-1898 гг., второй - "нефтяная лихорадка" 1968-1974 гг. До первой "лихорадки" евро-американцы составляли менее 10% жителей малозаселенного полуострова Аляска и его архипелагов. С открытием богатых залежей золота на Клондайке и в центрально-восточной части Аляски европейское население очень быстро удвоилось. Отгораживая участки для добычи золота, европейцы просто сгоняли местное население с обжитых мест.

Возросшая численность некоренного населения на Аляске заставила правительство США обратить внимание на этот регион. Следуя традиционной политической практике, евро-американцы Аляски требовали от правительства оказания им помощи. Они имели достаточное количество союзников в Конгрессе для принятия решений в свою пользу. Они могли задействовать топографические и геологические службы, привлечь правительство к строительству дорог и железнодорожных путей и требовали предоставления прав на самоуправление, стремясь переложить ответственность за удовлетворение требований местного населения на правительство.

Когда Т. Рузвельт стал президентом в 1901 г., он поручил бывшему военно-морскому офицеру Дж. Эммонсу проведение исследований по данному вопросу. В представленном в 1905 г. отчете Эммонса Конгрессу отмечался относительно успешный процесс адаптации юго-восточных атапасков к переселению евро-американцев. Эммонс настаивал, чтобы Конгресс предоставил

им в полной мере все гражданские права, включая право на подачу требований о предоставлении земли, получении лицензий моряков и сохранении легитимности существующих форм самоуправления.

В докладе Эммонса также отмечалось, что культура второй группы - алеутов, атапасков восточной и южной частей Аляски, эскимосов, проживающих вдоль Арктического побережья и на берегах Берингова пролива, а также в долинах рек в западной части - была более уязвимой. Они особенно нуждались в защите своих источников жизнеобеспечения. Китобойный промысел и охота на моржей служили источниками питания, тепла и света, давали материалы для изготовления одежды и убежища. Однако японские, русские и американские охотники представляли местным жителям серьезную опасность, истребляя китов, моржей и морскую выдру. Последняя к 1900 г. фактически исчезла, то же произошло и с канадским оленем. Использование огнестрельного оружия превратило эскимосов в более добычливых охотников. Уничтожение канадских оленей в период золотой лихорадки привело к голоду во многих поселениях эскимосов. Вмешательство федерального правительства - завоз северных оленей из Скандинавии - позволило избежать катастрофы.

На большую часть рекомендаций Эммонса, особенно относительно медицинской помощи и образования, мало обращали внимания в последующие пятьдесят лет. В 1905 г. Конгресс принял закон Нельсона, который допускал строительство школ отдельно для европейских поселенцев и местного населения Аляски. В целом американцы, проживавшие "южнее 48-й параллели", по-прежнему мало думали о проблемах населения Аляски, коренного или пришлого.

Зачастую попытки и усилия евро-американцев что-либо изменить к лучшему оказывались неудачными. Так, закон о всеобщем распределении земли 1887 г. позволял коренным американцам, включая жителей Аляски, получать гражданство при условии, что они урегулируют межплеменные отношения и примут цивилизованные нормы. Закон о распределении земель среди местного населения 1906 г. давал коренным жителям право на приобретение специального документа, позволяющего получать участок земли в 160 акров. Эти участки выделялись из незанятых общественных владений. Этот закон заставлял местных жителей отказываться от охоты, рыбной ловли, торговли и превращаться в фермеров. Целью данного закона было скорее обеспечение доступа к земле европейцам, поскольку получить ее они могли только по-

сле того, как местные жители станут собственниками и позже продадут эту землю. Закон 1906 г. привел к ускорению процесса экспроприации земель у местных жителей евро-американцами, которые использовали их для налаживания горнодобывающего и лесозаготовительного производства. Так было до 1966 г., пока Конгресс не предоставил коренному населению права на обращение в федеральный суд в случае нарушения договоров, определяющих их права.

Многие законодатели считали, что лучшим способом сохранения местной культуры является содержание коренного населения в резервациях. Эта идея проходила красной нитью через закон 1887 г. и последующие акты о распределении земли. Единственной альтернативой, которую они предлагали, было наделение участками земли. Лидеры различных местных народов встретились на конференции в 1915 г., чтобы высказать свой протест против наделения участками, поскольку оно несовместимо с их образом жизни. Один из вождей сказал: "Весь континент предоставлен вам, Бог создал Аляску для индейского населения, и все мы надеемся, что сможем жить здесь все время". Другой заявил: "Как только вы вырвете нас из дикой природы и поместите в резервации... мы вскоре вымрем все, как кролики. Мы живем рыбой, дичью, оленями, голубикой и кореньями. Это то, что позволяет нам жить - не овощи, не крупный рогатый скотом, не продукты, которыми питается белый человек. Как только нас заставят забыть наши обычаи и покинуть дикую жизнь, мы быстро заболеем и умрем... Мы переехали в хижины ...и наши люди стали простывать".

Тем не менее идея о создании резерваций возникала вновь и вновь фактически вплоть до революционного законодательного акта 1971 г.

* * *

Если бы не изменения 1960-х и 1970-х гг., то, возможно, коренное население Америки или индейцы вряд ли бы составляли и половину того, что имеется в настоящее время. Вряд ли сохранилась бы культура коренных американцев. Выжившие индейские племена пошли двумя путями. Либо обосновались в резервациях, которые стали более или менее стабильными в 1930-е гг. Почти все они были полностью доведены до нищеты и разорены. Либо ассимилировались американской культурой везде, где расовые предрассудки не становились препятствием.

В первую очередь процесс ассимиляции начался у индейского населения в восточной части США. К концу XIX в. не мигрировавшие в западную часть индейцы под угрозой насилия или соблазненных "гарантированными" землями утратили свою традиционную культуру, кроме мифологии своего уникального прошлого. Историк Н. Лури отметил, характеризуя индейские племена Соединенных Штатов: "В культурном отношении... индейцы сохранили из своего наследия только племенные названия и чувство общего происхождения"¹. Коренные жители Аляски, особенно эскимосы, вряд ли сохранили намного больше из своего культурного наследия, чем коренные жители континентальной части Америки. Однако две "лихорадки", "золотая" и особенно "нефтяная" в 1970-е гг. способствовали уничтожению культурного наследия жителей Аляски.

Открытие месторождений нефти в декабре 1967 г. изменило Аляску еще больше, чем прежде. Рвение нефтяных компаний разрабатывать месторождения черного золота в конечном итоге привело к началу долгого процесса по определению статуса коренных жителей и их прав на ресурсы Аляски.

Статус штата, полученный в 1957 г., принес надежду на возможность быстрого развития в будущем. Но вместе с этими ожиданиями пришло и беспокойство, как в период "золотой лихорадки". Самостоятельность способствовала началу поиска угля и минералов. Министерство обороны завладело миллионами акров земли по всему штату. Открытие месторождений нефти отодвигало на второй план возросшую благодаря такому развитию ситуацию тревогу. Однако предложение о строительстве трубопровода в 900 миль вызвало волну беспокойства, так как это могло разрушить целостность Аляски.

В обычной деловой манере нефтяные компании стремительно начали разработку месторождений, полагая, что имеют в своем распоряжении всю Аляску, заплатив 900 млн. долл. за договор аренды. Все хотели стать богатыми. Но как переправить нефть из Арктики на рынки? Построить нефтепровод, а это значит построить и дорогу, пересекающую Аляску. Возможно, будут проблемы со строительством дорог из-за вечной мерзлоты. Возможно, излишняя торопливость при строительстве дороги приведет к одному из крупнейших фиаско в истории современной инженерии. Возможно, будет оказано вредное влияние на фауну, не говоря уже об образе жизни эскимосов. Возможно, будут проблемы с перевозкой нефти, которая выходит на поверхность земли при температуре 160° по Фаренгейту, но должна пройти через слон

вечной мерзлоты при температуре 10-20° по Фаренгейту. Возможно, будут проблемы вследствие растекания нефти из-за несчастных случаев и землетрясений, что приведет к разрушению мест обитания диких животных и рыбы.

Но для нефтяных компаний все это были не столь важные проблемы. Нефтяные компании закупили на 75 млн. долл. оборудования и транспортных средств, доставив все это на Аляску. В США не было компаний, производящих трубы диаметром 48", и, не желая ждать, пока они появятся, бизнесмены поспешили в Японию, закупив сразу же 500 тыс. тонн и привезли их на полуостров Вальдес. Нефтяные компании пренебрегли двумя важными обстоятельствами, первое - основная часть земли, через которую проводился нефтепровод, принадлежала федеральному правительству, которое "заморозило" ее использование до решения вопросов, связанных с требованиями местных жителей. Второе обстоятельство, возможно более важное, возникло в 1960-е гг. Страна и весь мир осознали пагубность последствий разрушения окружающей среды. Гонка за процветание наткнулась на айсберг. 500 тыс. тонн груб и 75 млн. долл. в грузовиках, тракторах, бульдозерах и другом оборудовании, разгруженном на Вальдесе, застряли на сотнях акров земли на 4 года.

Теперь неожиданно проблема претензий местных жителей на землю стала приобретать более серьезный характер. Прошли времена, когда охотники за сокровищами и миссионеры приходили на территорию Аляски, пробивая себе путь к долгожданному богатству. Теперь федеральное правительство и правительство штата более внимательно отнеслись к обещаниям законодательных актов и закону о создании штата Аляска, провозглашавших право коренного населения оставаться на занимаемых или используемых землях без всякого вмешательства со стороны. Поскольку многие племена были полукочевыми, то их права могли распространяться на участки земли от 640 акров до сотен миллионов акров. Теперь, когда на карту были поставлены нефтяные богатства, поселение на этих землях представлялось как крайняя необходимость.

Преодолевая недоверие друг к другу, эскимосы и атапаски со всей страны начали объединяться. Именно политический и социальный климат 1960-х гг. подтолкнул племена к объединению и борьбе за свои права. В октябре 1966 г. представители всех национальных организаций и многих отдельных селений встретились в Анкоридже, чтобы создать первую всеалаяскинскую ассоциацию, которую назвали Федерация уроженцев Аляски (АФН).

Ее устав провозгласил следующие цели: сохранять права и привилегии, предоставленные коренным жителям законами США и Аляски; проводить просветительскую работу о проблемах коренных народов; сохранять культурные ценности и добиваться удовлетворения требований коренных народов.

Пока шла борьба за права коренных народов в правительственных кругах, местные жители Аляски вступили в партнерские отношения с евро-поселенцами, которые стремились к "развитию" и, таким образом, столкнулись с федеральными ограничениями. Их поддерживали члены Конгресса, ранее помогавшие аборигенам в их противостоянии особым интересам нефтяных компаний, слишком долго нарушавших права национальных групп и добивавшихся развития прежде всего добывающей промышленности на Аляске. Международные нефтяные компании, которые хотели принять участие в разработке нефтяных месторождений Аляски, поддержали требования аборигенов, стремясь скорее приступить к эксплуатации скважин.

В конечном счете открытие нефти было важным фактором для принятия закона 1971 г. об утверждении права коренных жителей Аляски. Один историк писал: "Результатом стал закон 1971 г. Это - сложный документ. Сложности его разработки были вызваны необходимостью совмещения старых и новых требований, учета мнений сторонников экономического развития на Аляске и тех, кто был против этого, потребностями туристской индустрии, давлением со стороны нефтяных компаний, которые требовали немедленно создать хотя бы какие-нибудь поселки аборигенов, и интересов политиков штата, пыгавшихся уменьшить роль федеральных структур в принятии политических решений и решений по сохранению федеральных земель в природоохранных целях".

Нет никакого сомнения в том, что принятие закона было вызвано открытием месторождений нефти и той настойчивостью, которую проявляли нефтяные компании. Два историка отмечали: "Без сомнения, закон 1971 г. обязан своим появлением желаниям нефтяных компаний добывать нефть и поставлять ее на рынок. В обществе широко распространилось мнение о том, что нефть Аляски решит большинство американских энергетических проблем".

Борьба за гражданские права и экологическое законодательство 1960-х гг. также сыграли свою определенную роль. Те же историки писали: "Различные группы защитников приложили немало сил, чтобы обратить внимание на вопрос о землях Аляски

с целью сохранения больших участков дикой нетронутой природы для будущих поколений"⁴.

Закон, подписанный президентом Никсоном в декабре 1971 г., способствовал: 1) удовлетворению требований коренных жителей Аляски о возвращении им права собственности на Аляску, а также предоставлению правовых гарантий на владение 40 млн. акров земли; 2) отмене ряда существовавших изъятий; 3) получению коренными жителями Аляски 963 млн. долл., которые должны были быть выплачены в последующие годы. Сумма эта включала 500 млн. долл. за счет налога с горнодобывающей промышленности; 4) все жители США, в чьих жилах течет кровь индейцев, эскимосов, алеутов Аляски могли стать получателями соответствующих сумм; 5) получению всеми коренными жителями права быть держателями акций или учредителями местных предпринимательских корпораций, созданных для распоряжения финансами и специально отведенными для этих корпораций землями площадью в 100 млн. акров; 6) отводу поселениям коренных жителей 22 млн. акров земли и ее распределению для всех поселений, в зависимости от численности жителей. Только после этого местные корпорации могли выбрать себе участок из оставшихся земель; 7) предоставлению особым корпорациям, которые учреждались коренными жителями в местах их исторического обитания, заселенных европейцами, дополнительно 2 млн. акров земли; 8) получению Министерством внутренних дел права на изъятие 80 млн. акров земли для возможного включения в существующие национальные парки и леса, а также в заповедники и заказники дикой первозданной природы или нетронутые речные системы.

Закон 1971 г. положил конец идее сохранения культуры коренных жителей, базирующейся на охоте и собирательстве. Формирующаяся культура стала опираться всецело на предпринимательские корпорации, которые внедрились новые экономические отношения в жизнь коренных жителей Аляски.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Перевод статьи, выполненный под руководством ст. преп. М.Э. Абушасвой, печатается в сокращении.

¹ Я использую термин евро-американец, имея в виду то население США, которое имело европейское происхождение в отличие от коренных жителей Америки, афро-американцев и т.д.

² Wallace M. Olson. The Tlingit: An Introduction to Their Culture

and History (Heritage Research, 1991), p.56.

³ Smith James M. *Seventeenth-Century America: Essays in Colonial History*. Chapel Hill, 1959. P. 33-60; Smithsonian Institution. *Annual Reports of the Board of Regents*. P. 418-419.

⁴ Claus-M. Naske & Herman E. Slotnick *Alaska: A History of the 49th State* (1979). P. 224-225 .

АМЕРИКАНСКИЙ "ФРОНТИР" И СИБИРСКИЙ "РУБЕЖ" КАК ФАКТОРЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА

Продвижение России в Сибирь, а Соединенных Штатов на запад своей страны было не чем иным, как пространственным расширением двух цивилизаций - западной, или "фаустовской", и славяно-православной, или "русско-сибирской".

Т. Рузвельт писал: "Распространение в течение последних трех столетий англоговорящих народов на незаселенные пространства стало не только самым поразительным явлением мировой истории, но и самым важным по значимости и последствиям"¹. Тогда же А. Мэхэн в книге "Влияние морской мощи на историю" косвенным образом признал грандиозное значение расселения русских и выхода России к Тихому океану. Ключевой в мировой политике Мэхэн считал северную континентальную полушару, Россию - доминантной азиатской державой, а США - продвинутым далеко на запад аванпостом европейской цивилизации и силы. Азиатское пространство между 30-й и 40-й параллелями Мэхэн рассматривал как зону длительного конфликта между сухопутной мощью России и морской мощью Англии. Теперь же, т.е. в конце XIX в., США превращаются в мировую державу будущего и на них ляжет основная тяжесть борьбы с русской мощью.

Гетерогенность и дискретность цивилизаций обусловлена, как известно, тем, что процесс антропогенеза не был гомогенным вследствие различия природных условий обитания человека.

Англосаксы - народ умеренного климата, народ морской, с сильным влиянием античной, "прометеевской", культуры. Славяне - люди сурового климата, равнинные, народ с влиянием созерцательно-православного Востока и степных кочевников. Англичане могли выбирать для расселения наиболее пригодные места во всех частях земного шара. Русская колонизация пошла в самом неблагоприятном направлении - в области еще более суровые в климатическом отношении, чем сама метрополия.

В ходе колонизации выходцами из Европы Запада Америки, а русскими - Сибири процесс антропогенеза продолжался. Движение американского "фронттира" и русского "рубежа" привело к тому, что в северной части Тихого океана они столкнулись, и

возникла граница цивилизационного разлома. В начале нового времени Англия оказалась в центре мировой торговли. России же за выход к морю пришлось бороться долгие века. Единственным водным путем, связывавшим Древнюю Русь с внешним миром, был Днепр. Но Днепру на Русь пришло православие, которое, наряду с пространством, П. Чаадаев считал главной причиной "неорганизованности" России.

Католически "организованный" Запад Америку не искал. Он искал западный путь в Индию, а была открыта Америка. Подоспевшие позже голландцы и протестантские отцы-пилигримы выбрали для поселений лучшие места. Они желали быть посредниками в торговле между Новым и Старым Светом. Земледельческие занятия и сами земли привлекали их менее всего. Когда началась организация исследовательских экспедиций на Запад, главным аргументом был поиск Северо-Западного прохода - водного пути через континент для торговли с Востоком. В 40-е гг. XIX в., не останавливаясь во внутренних районах континента, американцы начали заселять северо-западное побережье, сходное по климатическим условиям с северо-востоком.

Сибирь также никто не искал. У истоков "открытия" Сибири лежала военно-стратегическая необходимость. Сибирское ханство смертельной угрозы Московской Руси не представляло. Но пока оно существовало, безопасность восточных рубежей не была гарантирована. На протяжении двухсот лет после Мамаева нашествия русские, не имея иного способа создать "рубеж" против кочевников, на сотни верст выжигали Дикое поле - южные и юго-восточные степи. Теперь гарантией безопасности могло стать присоединение обширных территорий, достижение естественных границ, которые внушали бы уверенность в том, что с востока России опасность не грозит. Этот фактор - начиная с "покорения" Сибири Ермаком и кончая выходом землепроходцев к Тихому океану - определял движение российского "рубежа" на восток. Присоединение Сибири создало геополитическую безопасность России на последующие века. Огромные пространства трудно оборонять, но завоевать их какому-либо внешнему неприятелю еще труднее.

В Сибири русский человек в полной мере ощущал себя за "рубежом", за границей. Свое пребывание здесь он рассматривал как вынужденное и временное. Все стремились вернуться на Родину, в "Расею". Ничего подобного в виде массового явления нельзя заметить в отношении американского Запада. Напротив, человека, вернувшегося на Восток, гянуло на Запад снова.

Чем объяснить столь разительное отличие? Два фактора сыграли здесь главную роль. Первый - это неизбежность в русской народной массе патриархальных кровнородственных связей, порождавших особую привязанность к родине. Второй, напрямую связанный с первым, - привычка русского народа к патернализму, к опеке. В Сибири русский человек как бы лишился царя и отечества и только в меру собственных усилий мог сохранить истинную веру. Согласно известной легенде разбойник Ермак, "губивший безвинные души", завоевав Сибирь, не знает, что с нею делать. То есть он поступает как всякий русский человек: просит царя взять край "под высокую руку Москвы" (Дм. Кедрин. "Ермак").

Был и третий фактор, но уже производного порядка. Это имидж Запада и Сибири.

Мощнейшим двигателем эмиграции в Новый Свет и далее на Запад служила "американская мечта", которая в течение многих десятилетий аранжировалась американскими писателями, создавая привлекательный образ Запада. Западная тема в американской литературе от Ф. Купера через М. Твена и У. Уитмена до Дж. Лондона и др. формировала культ предприимчивости и успеха. В определенной мере эта литература имела рекламное значение. Движение на Запад стало литературным символом, олицетворявшим растущую мощь молодой страны. Духом оптимизма и безграничных возможностей пронизан и фольклор "границы". В ковбойском фольклоре встречаются и печальные напевы ("Песня умирающего ковбоя"), но не они определяют общее настроение.

Литература, посвященная Сибири, и сибирский фольклор окрашены в самые мрачные тона. Образ Сибири как края дикости, безысходности и inferнального ужаса формировали виднейшие русские писатели и поэты. К. Рылев создавал запавший в народное сознание образ дикой страны, где царствует роковая неотвратимость. Пушкин через свое восприятие декабристской трагедии изобразил Сибирь как один из кругов Дантова ада. Это - "мрачное подземелье". У Достоевского Сибирь - это "мертвый дом". А вот что у Чехова: "Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа, она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поет, не смеется, не миловидна..."². В Сибири же получила развитие самая печальная струя русского фольклора - тема глухоты, бесприютности, бродяжничества, сиротства и непоправимо несчастной личной судьбы и, вдобавок к этому, тема бегства, возвращения на родину, к родным и близким. В советское

время эта тема получила дальнейшее развитие - только в более сниженном виде. Была, однако, и официальная оптимистическая литература, отразившая бурный период освоения целины и создания индустрии.

Правительственная политика США в отношении Запада и Российской империи в отношении Сибири, имея разную политическую направленность, испытала влияние некоторых сходных в своей основе социальных идей, идущих из древности - от Гесиода, Вергилия и Аристотеля. Это - аграрно-эгалитаристская идеология, которая идеализировала земледельца среднего достатка, усматривая в преобладании в социальной структуре общества слоя самостоятельных сельских тружеников основу силы и процветания государства. С точки зрения Т. Джефферсона, новые массивы поселений на американском Западе - это нечто подобное греческим клерухиям. Царизм меньше всего заботился о свободе и самостоятельности сибирского крестьянина. Хотя столыпинская переселенческая и землеустроительная политика - небывалый в мировой истории пример государственной заботы об устройстве новых поселений. Несмотря на значимость переселенческих мероприятий начала XX в., история отвела им весьма короткое время. Правительственная политика в целом исходила из того, чтобы сохранить переселенцев как податное сословие. Этим и обуславливался ограничительный и регламентирующий порядок переселений.

Аграрная утопия продолжала существовать в обеих странах даже тогда, когда началось индустриальное развитие. Американский фермер по-прежнему рассматривался как средоточие основных добродетелей и принципов демократии, а русский крестьянин - как воплощение "внутреннего сокровища духа" (Н.Я. Данилевский), как носитель православной идеи. Такого фермера породил американский Запад, такой крестьянин существовал в России испокон веков и, по идее, должен был заселить всю русскую землю, включая Сибирь. Самодержавная власть желала видеть в Сибири такого же мужика, какой обитал в центре, и отнюдь не стремилась стимулировать развитие капитализма в Сибири. Центральная идея в официальной американской идеологии и народной мифологии - "предопределение судьбы" или "явное предначертание" - неразрывно связана с экспансией, с продвижением на Запад. Запад вошел в сознание американцев как символ равных и безграничных возможностей, с ним связывалось превращение США в страну, превосходящую другие во всех отношениях.

И в России можно усмотреть наличие некой официальной мифологии в отношении Сибири. Предельно лапидарное выражение она нашла в знаменитой формуле Ломоносова о том, что могущество России будет прирастать Сибирью. Но прошло почти двести лет, когда с началом великих сибирских строек, отмеченных небывалым энтузиазмом и изживанием "зарубежности", эта формула начала практически воплощаться и, подобно американской, приобрела черты мессианства, ибо рассматривалась в контексте окончательной победы коммунизма.

И на Запад, и в Сибирь ехали люди молодые и полные сил. В них видели будущее нации. Не оставшиеся незамеченными на фоне оптимистичных доктринальных предписаний проявления социальной несправедливости и нравственные пороки и там и здесь объяснялись не иначе как внешними влияниями: в американском варианте влиянием Старого Света, в советском - "старого мира" и "буржуазного Запада".

Три главных фактора определяли особенности "фронта" и "рубежа": климат, пространство и капиталы. Но сначала остановимся на общей черте, а именно на энвайронментальной детерминированности элементарных действий человека в условиях "фронта" и "рубежа". В окружении девственной природы не могло не преобладать хищническое присвоение её ресурсов, не требовавшее интеллекта, теоретической подготовки, специальных знаний. Больше всего ценилась грубая сила. Это приводило к возрождению биосоциальных законов, выразившемуся в том, что, как отмечал Л.В. Паррингтон, меньше всего ценилась человеческая жизнь, и в безмерном пренебрежении к интеллектуалам как к людям бесполезным. Принцип иерархии отсутствовал. На американском Западе это привело к триумфу индивидуалистической демократии, в Сибири также имела место тенденция к культуре простого человека. Черты простонародно-коллективистской демократии были присущи промысловым ватагам, крестьянским селам и казачьим станицам. Но эта черта не приобрела самодовлеющего значения и тем более не могла повлиять на характер социальных и политических отношений в России в целом.

Влияние сибирского климата и по сей день выражается не только в том, что он отпугивает потенциальных переселенцев. Как ни велик был приток иммигрантов в Америку, основной прирост населения давала внутренняя рождаемость. Она стимулировалась наличием огромных пространств плодородных земель в умеренных климатических зонах. Длительный процесс регенерации в северных широтах препятствует росту населения.

Что касается пространства, то Сибирь - это почти две Америки. "Американские пионеры" за один летний сезон могли, отправившись с востока, достигнуть западного побережья и построить хижины для зимовки. И, наконец - капиталы. К концу XIX в. в значительной мере благодаря европейским капиталам США имели четыре трансконтинентальные железные дороги.

Вследствие перечисленных обстоятельств главное бремя в деле освоения Сибири ложилось на государство. Отвлечение средств на обустройство огромного края, на организацию его обороны отнюдь не способствовало модернизации России. Вплоть до начала социалистической индустриализации существовал экзистенциальный страх перед Сибирью. Он заставлял людей сплачиваться в коллективы. Индивидуалистическая тенденция получила минимальное выражение. Коммунистическое сознание было способом преодоления страха. Огни ГЭС и металлургических комбинатов среди дикой природы и в условиях политического бесправия создавали иллюзию защищенности. Маяковский писал: "Здесь встанут стройки стенами./ Гудками, пар, сипи./ Мы в сотни солнц мартенами/ Воспламеним Сибирь". Понятие "рубежа", представление о Сибири как о некоей страшной запредельности продолжало существовать долго. У Пастернака "рубеж" - это "круг Сибири", у Заболоцкого - это "ворота Азии". Дм. Кедрин в 1942 г. пишет о "глухой Сибири", где "сугробы мегра в три-четыре заметаюг низкие дома". Но у того же Заболоцкого в стихах, написанных в 1936 г., проявилось и нечто новое: "В воротах Азии, в объятиях мегели./ Где сосны в шубах, и в тулупах ели, -/ Несметные богатства затая./ Лежит в сугробах родина моя". Здесь Сибирь - это уже Россия, объединенная в общее с европейским пространством понятие родины.

Ни американский Запад, ни Сибирь не создали новых цивилизаций. Запад не стал местом рождения принципиально новой демократии, и Сибирь не явилась фактором, благодаря которому приросло могущество России (материально-техническую базу коммунизма построить не удалось). Основные формы жизнедеятельности и на американском Западе и в Сибири были производными от первооснов двух цивилизаций. Как фактор саморазвития этих цивилизаций движение "фронта" и "рубежа" явилось эволюцией в расходящихся направлениях. Цивилизационный разлом расширился. Благодаря экспансии в Америке утвердились крайние формы индивидуализма и демократии. Территориальное расширение России способствовало тому, что демократии не появилось, а в политике и народной психологии получили разви-

тие почвеннически-державные черты. Если верно утверждение, что движение на запад создало современную Америку, то столь же верно, что движение на восток создало современную Россию.

Экспансия двух цивилизаций замкнула северную полусферу в единое целое. Современная цивилизационная парадигма для преодоления цивилизационного разлома требует не дивергенции, а конвергенции. Пока Россия владеет огромным пространством "сердцевинной земли", она будет существовать как особая "русско-сибирская" цивилизация. И никакая политическая или социальная революция не может изменить это фундаментальное геостратегическое положение. Поэтому преодоление цивилизационного разлома лишь только посредством модернизации России вряд ли достижимо.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Roosevelt Th. The Winning of the West. NY; L., 1896. Vol. 1. P.1;
- ² Чехов А.П. Из Сибири. Иркутск, 1985. С. 22.

ОБРАЗ ФРОНТИРА В США И РОССИИ

Одна из важнейших сторон явления американского фронта (от английского "frontier" - "рубеж, граница") - та идеологическая нагрузка, которую фронт несет в американской культуре.

Введший понятие фронта в науку Ф. Дж. Тернер называл его "не местом, но состоянием общества" (подразумевая состояние формирования). Согласно фронтальной гипотезе Тернера и его последователей, именно благодаря существованию в Америке фронта эта страна стала демократичной, а ее жители --- практичными, целеустремленными, готовыми к эксперименту и склонными к индивидуализму, --- иными словами, достойными носителями прокламируемого "американского национального характера". Тем самым фронт включается в культурный миф об Америке как стране мечты, стране нового человека.

Образ фронта родился из системы ценностей людей, заселявших Америку, из их представлений об этой стране и своей собственной миссии. Первым поселенцам США Америка виделась чем-то вроде "чистого листа", где можно было бы начать жизнь заново в соответствии со своими представлениями об идеале. При этом мечта о новой жизни на новой земле могла принимать самые разные формы.

Весьма характерен пример пуритан, основавших одну из первых американских колоний --- колонию Массачусетского залива. Они считали себя избранными Господом для "строительства Града на Холме", что означало демонстрацию всему миру образца праведной жизни. Колония квакеров Пенсильвания была еще одним "святым экспериментом"; колония Мэриленд задумывалась ее владельцем лордом Балтимором как "храм для гонимых английских католиков".

Поселенцы Вирджинии и Каролины мечтали, напротив, о мирском: о сытой богатой жизни в условиях щедрой природы. В их глазах неведомая земля представляла настоящей "скатертью-самобранкой": "Глубокое отвращение ко всякой работе гонит людей в Северную Каролину, где изобильная природа и горячее солнце позволяют им бездельничать всю жизнь... В мягкую погоду они стоят, опершись на изгородь, окаймляющую кукурузное поле, мрачно раздумывая, не стоит ли немного разогреться с мотыгой в руках, но обычно находят предлог отложить это занятие

до другого случая," --- рассказывал У. Бирд-младший, один из первых американских писателей.

Джорджия, основанная в 1732 г., была попыткой осуществления филантропической утопии Дж. Оглторпа и предназначалась для поселения "доведенных по причине несчастий или недостатка работы до крайности бедняков", правда, предварительно доказавших свое "трудолюбие и трезвенность".

Наконец, само появление американского государства было воплощением мечты его отцов-основателей об идеальном государственном устройстве. По их представлениям, небольшие размеры государства обеспечивают в нем демократию, большие — международную безопасность; так были созданы Соединенные Штаты, сильный союз небольших демократических штатов.

Итак, поселенцы Америки осознавали себя творцами своей собственной мечты. Фронтир представлялся им границей "дикости", иначе говоря, "пустоты", тех самых "открытых горизонтов", где открывалась возможность для творения. Отсюда положительный образ фронта как места проявления созидательного героизма нации, образ фронта как национальной идеи¹. Массовый образ нашел соответствующее отражение и в трудах американских историков.

Идея фронта нередко автоматически распространяется на другие страны, в которых имело место сравнительно недавнее освоение части территории, в том числе на Россию. Но представления об осваиваемой Сибири в России сильно отличаются от американских представлений об осваиваемом Западе.

Российские историки, философы — в противоположность Тернеру — нередко объясняют необходимость заселять обширные пространства необустроенность России, отставание ее в общественном развитии (С.М. Соловьев: "Преимущественно вследствие продолжения движения все элементы задержаны в своем развитии... общество как будто еще в жидком состоянии"²; В.О. Ключевский: "[Поселки] доселе своей примитивностью... производят впечатление временных... В этом сказалась продолжительная переселенческая бродячьность прежних времен"³).

Сам образ движения на восток (в отличие от ставшего девизом американского "Go West!") в России несет сожаление, недоумение: *А птицы все — на юг. И люди все — на юг. И только мы лишь — на восток* (А. М. Городницкий).

Суть противоречивости образа российского фронта как нельзя лучше раскрывается в популярной песне о Ермаке (на стихи К.Ф. Рылеева). Ее герой подводит итог своей жизни:

*Сибирь царю покорена, И мы — не праздно в мире жили! -
и тут же гибнет -- и от чего же?*

Лишивши сил богатыря

Бороться с ярою волною,

Тяжелый панцирь - дар царя -

Стал гибели его виною.

В отличие от первых американцев, осваивавшие Сибирь люди были не властны в полной мере ни над территорией, ни над собой. Большая часть переселенцев так или иначе действовали в интересах стоявшего за их спиной государства: казаки приводили ясачное население "под высокую государеву руку", работники "кабинетных земель" пополняли государеву казну плодами собственного труда, не говоря уже о множестве отправлявшихся и отправляющихся в осваиваемые районы ссыльных и заключенных. Соответственно угрюмый образ Сибири-каторги в конечном счете заслонил в общественном сознании все остальные.

Расширение территории России в направлении Сибири, таким образом, не играло первостепенной государственной идеологической роли, и не тождественно американскому фронтиру в строгом смысле этого слова. Американский фронт — символ формирования американского общества, символ нации. Освоение российской территории — лишь расширение государственной вотчины⁴.

Интересно, что образ фронта получил свое развитие в американской культуре одновременно с борьбой за независимость (первое литературное произведение о герое фронта — "Приключения полковника Даниэля Буна" Дж. Филсона — появилось лишь в 1784 г.). Граница Британской империи имела больше черт сходства с российской, чем фронт США. Так, в 1763 г. была установлена западная граница территории, где разрешалось селиться колонистам, — чтобы не лишать казну прибылей от пушной торговли с индейцами (что напоминает ряд указов не чинить вреда сибирским инородцам)⁵. Предпринимались попытки организовать цепь поселений вооруженных фермеров, обладавших рядом льгот в качестве вознаграждения за оборону границы (своеобразный вариант казачества). Это лишний раз свидетельствует о связи реального явления фронта и его образа с государственной политикой и идеологией.

И все же фронт как идеологическая доктрина, похоже, имел аналог в России, точнее в СССР. В Америке фронт символизировал строительство новой жизни как оппозицию правилам старой Европы. СССР также был попыткой построить "новый мир"

как оппозицию старому. Различие в том, что американский новый мир строился на новом месте, оппозиция получила развитие в пространстве, и ее символом стала подвижная граница, передовой вал американизации территории. В СССР декларировалось построение нового мира "на обломках" старого: оппозиция получила развитие во времени. Старое удалялось так же безжалостно, как в Америке — не американизированная дикость (включая индейцев). Советским аналогом фронтира следовало бы признать стройку: разве не стал портрет молодого строителя коммунизма в каске такой же саморекламой строя, как силуэт ковбоя — рекламой США, не сродни ли призывы на ударные стройки кличу "Go West", а место утверждений о том, что преобразующий вал фронтира прокатился по всей территории США, не заняли ли лозунги типа "Вся наша страна по существу — огромная стройка" (Л.И. Брежнев)?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После окончания эпохи "движения на Запад" фронтир стал для американцев синонимом очередной национальной задачи. Например, "нашим новым фронтиром" в 1930-е гг. называли популярную тогда общественную концепцию регионализма, а президент Кеннеди под очередным "новым фронтиром" понимал "неисследованные области науки и Вселенной, неразрешенные проблемы войны и мира, ждущие ответа вопросы бедности и изобилия".

² Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 220.

³ Ключевский В.О. Русская история: В 3 кн. М., 1993. Т. 1. С. 57.

⁴ Следует оговориться, что официальная идеология как Российской империи в разные эпохи, так и СССР пропагандировала обширность территории государства как синоним его могущества. Однако нельзя констатировать преобладание в России культура экспансии, аналогичного существующему уже несколько столетий в США.

⁵ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 495.

THE IMAGE OF FRONTIER IN THE UNITED STATES AND IN RUSSIA*

It is rather the ideological role of the frontier in America that is the main part of this phenomenon.

F.J. Turner, who was a pioneer of a frontier theme in history, called it "a stage of society rather than a place", what meant a stage of forming. According to the Turner's hypothesis of the frontier, it was due to the existence of frontier, what America became democratic and her people became individualistic, practical, purposeful, ever ready for an experiment - in other words, proud bearers of "American national character". So the frontier could be considered as a part of the cultural myth about America as a land of dream, a land of a new kind of man.

The image of frontier came from values system of those who settled America, from their ideas about the land they settled and about their own mission. The first settlers saw America as a semblance of a "lank sheet", where they could start a new life according to their conception of an ideal.

Such a dream of a new life in a new land could take different forms. A brilliant pattern was puritans who tried to realize their dream while established one of the first American colonies. They thought they were chosen by Good to build "A City on a Hill", what meant to give a lead of a pious life. The Quakers' Pennsylvania was also a "holy experiment". Lord Baltimore found Maryland as a "temple for the persecuted English Catholics".

The settlers of Virginia and Carolinas dreamed on the contrary about something temporal. They wanted to live in abundance in a land of plenty. The first writers of the American South described a generous American nature which gave Americans an opportunity to loaf through life.

Georgia was an attempt to realize the philanthropic Ogltorp's idea. He wanted "poor English men who were driven into extremes due to troubles or lack of employment" to be settled in.

At least, the appearance of the American State was itself the realizing the Fathers' dream of a perfect state structure. Their idea was what a smallscaled state guarantees democracy while a vast state guarantees an international security. So they created the strong United States, consisting of some small democratic states.

Summing, the settlers of America thought they were creators of

their own new life. The frontier was for them a border of "Wilderness", or "open skies", where occurred the opportunity to create. Hence came the positive image of the frontier as a national idea'. The frontier's image in scholars' works corresponds to the frontier image in the public culture.

The idea of the frontier is often brought automatically into other countries, where the colonization took place. The same situation we can see in Russia. However, the Russian image of colonized Siberia is far different from the American image of the colonized West.

On the contrary to Turner Russian scholars often saw a necessity in a colonization of a vast territory, the main cause of untidiness and delay of progress. ("Mostly due to the continuing movement all elements are late in their progress... society is as it would be in liquid condition." - V. Soloviov; "[Settlements] make an impression of temporality... That is the result of a long nomadic life in past times").

The Russian image of going East on the contrary to that of American "Go West!" carries some regret, perplexity:

*All birds are flying South,
And people a're going South,
But only we are moving East.*
(A. M. Gorodnitsky).

The kernel of the problem of the discrepancy of the Russian frontier could be derived from the popular folk song (to words from K.F. Ryleev) about a Siberian pioneer Ermak. The main hero of this song sums up his life:

*Sibir' i's submitting to the tsar,
And it is due to our effort...
and soon he died -- and why?
It was the heavy gift from tsar,
The armor, what was his undoer.*

(According to the legend Ermak have drowned in a river). Unlike the first Americans those who developed Siberia had a full control not over the territory neither over themselves. The majority of Siberian settlers were in any case acting to the interest of their tsar: Cossacks drought fur-trading natives under the tsar's rule", the workers of "cabinet's lands" filled up the state treasury with their products — and this is without mentioning a lot of exiles and prisoners who have been sent and are sent to regions under development. Accordingly, the gloomy image of Siberia as a penal servitude became to prevail in public consciousness.

The expansion of the Russian's territory toward Siberia was not of the paramount importance for the State's ideology. So it couldn't be

identical with American frontier in the strict sense of the word. The American frontier is a symbol of the American society, a symbol of the nation. The colonization of Siberia was only the expansion of the State's domain

It is interesting to note, that the popular image of the frontier in American culture was born at the same time with the fight for independence (only in 1784 has appeared the first literary production of frontier "The Adventures of Colonel Daniel Boone" by J. Fillson). The border of the British Empire has some more common traits with that of Russia than the frontier of the United States. For example, in 1763 there was established the West border of the territory, where there were permitted to farmers to settle in. This was made in order to maintain the profits, derived from the fur trade with Indians, which looks like some orders not to damage to the Siberian natives. They also tried to organize on the British border a line of settlements of "warlike Christian men", who would guard the interior region instead of some privileges, which looks like Cossacks' system. So we can realize how closely associated are the frontier and its image with State's policy and ideology.

Nevertheless, it seems, frontier as an ideological doctrine has its analogue in Russia, or if more accurate, in the USSR. In America the frontier was a symbol of building a new life as an opposition to the old Europe. The USSR was also an attempt to build "a new world" as an opposition to the old one. The difference is that in America they have been building a new world on a new place, so, the opposition took it place in space and the frontier, or moving border, became its symbol. In the USSR they wanted to build a new world on the ruins of the old one, and the opposition took its place in time. The Old was destroyed in the USSR so ruthlessly as the non-Americanized "Wilderness", including Indians, was destroyed in America. The stage of building and building site could be considered as a Soviet frontier. The popular selfadvertisement of the Soviet way of living was a young builder, as it was a young cowboy for the American one. The calls to the main buildings of five-year plans were in the Soviet Union just so popular as it was the call "Go West!" during the American westward expansion. Instead of the declarations such as "The hole America once was a frontier" the USSR had a slogan by L.I. Brezhnev: "All our country is in fact a vast building site".

* Переводы статей на английский язык предоставлены авторами.

¹ After the end of the "Westward movement" epoch the frontier became a sign of a new national American task. For example, "our new frontier" was the name for regionalism which was popular in the 1930th. President Kennedy understood a "new frontier" as unexplored fields of the science and the Universe, as unsolved problems of war and peace, poverty and abundance.

² We have to note, that the official ideology of both the Russian Empire and the USSR proclaimed the vast square of the State as the synonym of the State's might. However, we couldn't establish, that the ideology of expansion prevailed in Russia as it was in the United States.

ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Сибирь имеет уникальную практику освоения от заселения ее первобытными людьми, колонизации края русскими до его развития сегодня.

Огромная протяженность территории Сибири в широтном и меридианальном направлениях определяли разнообразие географических и климатических зон. При адаптации людей в этих условиях формировались различные хозяйственно-культурные типы. С древности в Сибири сложились и до прихода сюда русских существовали хозяйства таежных охотников и рыболовов, рыболовов бассейнов больших рек, охотников на морского зверя, оленеводов тайги и тундры, скотоводов степей и лесостепей¹.

В процессе освоения Сибири русскими расширялись зоны развития промыслов, возникло сельское хозяйство земледельческого направления, появились очаги добывающей и обрабатывающей промышленности. В целом же экономика Сибири носила преимущественно аграрный характер.

Колонизация Сибири русскими происходила в условиях массового притока переселенцев из центра страны, отсутствия помещичьих хозяйств, наличия большого фонда неосвоенных под земледельческое производство земель и сурового климата.

Уже в период первоначального освоения Сибири, обороны ее рубежей возникла сложнейшая проблема обеспечения служилых людей провиантом. Многим из них приходилось совмещать службу с активной хозяйственной деятельностью, в том числе и с занятием хлебопашеством. Правительство широко практиковало закрепление за служилыми людьми земельных участков вместо выдачи казенного жалования. Главная же ставка первоначально была сделана на привлечение крестьян поморских уездов европейского Севера к снабжению хлебом служилых людей. Обложив хлебным налогом крестьян Поморья, правительство обязало их доставлять провиант в Верхотурье, служилые люди сплавливали его на судах в Тобольск, откуда развозили по городам Сибири. Но из-за дальности расстояния, трудности пути, неурожая в Поморье хлеб доставлялся с большими перебоями. Служилые люди часто не получали хлебного оклада. Завоз хлеба в размере, необ-

ходимом для обеспечения потребностей в нем огромного края, оказался неосуществимым.

С продвижением же русских на восток проблема снабжения служилого населения хлебом еще более обострялась. Ее решение было подсказано самой жизнью. Заведение местной пашни повсюду, где только возможно, и заселение Сибири крестьянами стало задачей первостепенной важности.

Первоначально формирование крестьянского населения в Западной Сибири шло за счет добровольных переселений жителей поморских уездов (крестьян, промысловиков, именовавшихся тогда "промышленниками", "гулящих людей", как называли в то время тех, кто порвал с прежней сословной принадлежностью). Одновременно происходил и перевод крестьян в Сибирь насильственным путем.

Со временем существенно менялись районы выхода поселенцев Сибири. Если в XVII - XVIII вв. в Сибирь шло преимущественно северо- и лишь отчасти среднерусское население с незначительным участием народов Поволжья, Коми, то в XIX в. начало переселяться южнорусское, украинское, белорусское население².

Сельскохозяйственный опыт крестьян накапливался по мере заселения и освоения различных природно-климатических районов Сибири: степи, лесостепи, тайги, тундры. На всем протяжении длительного периода освоения Сибири русские переселенцы начинали с поиска свободных земель - пахотных и сенокосных угодий, хороших почв, источников водоснабжения.

В первой половине XVIII в. продолжалось освоение в Западной Сибири Верхотурско-Тобольского района. Тогда же начинается освоение степных пространств в местах, прилегавших к Ялуторовску, Ишиму, а также лесостепных районов Кузнецкого бассейна.

Позднее других районов Западной Сибири начал заселяться русскими наиболее благоприятный для занятия земледелием Алтай. В середине XVIII в. в момент перехода Колывано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета территория, прилегавшая к ним, была настолько слабо заселена, что тогда же созрело решение о перемещении сюда всех добровольно переселившихся в Сибирь после учета русского населения здесь в ходе I ревизии (1719 г.) и выявленных при проведении II ревизии в 1744 г. В их числе оказались не только "гулящие люди", но и лица, успевшие стать крестьянами, посадскими людьми, а также состоявшие в купеческом окладе разночинцы.

Насильственная доставка под конвоем, водворение около 2,5 тыс. пришлых по берегам Чарыша, Аляя, Убы растянулись на многие годы. В указанных местах осела и часть добровольных переселенцев из тех, кто первоначально изъявил желание переехать ближе к Усть-Каменогорской крепости из Томского уезда, Ишимского и Ялуторовского округов.

Значительным событием в сельскохозяйственном освоении Алтая явилось переселение русских крестьян в его предгорья в конце XVIII - начале XIX в¹.

В Восточной Сибири с ее более сложными для занятия земледелием природно-климатическими условиями определились специфические пути формирования крестьянства. При наличии, как и в Западной Сибири, добровольного переселения правительство значительно большее значение придавало принудительному заселению края, особенно наиболее неблагоприятных для земледельческого производства районов. Хозяйственное освоение шло по речным и сухопутным путям сообщения - по долинам рек, вдоль формирующихся трактов и проселочных дорог, в зоне контактов этих видов путей сообщения. С начала ХУШ в. в связи с разработкой серебро-свинцовых руд притекающее население группировалось вокруг очагов промышленного освоения края. Открытие Нерчинских сереброплавильных заводов оказало сильное влияние на миграционный процесс в Восточном Забайкалье. Здесь с развитием горнозаводского производства постоянно ощущалась острая нужда в хлебе для мастеровых и служащих. За неимением в достаточных размерах провианта в отдельные годы "в один день на 10 вышедших на работу мастеровых" приходилось 15 не явившихся "за бесхлебицею". Формирование крестьянства принудительным путем в этом регионе шло значительно интенсивнее, чем в других местах Восточной Сибири¹.

Еще больше трудностей встретилось на пути создания хлебопашества на самой северо-восточной окраине Сибири - в Якутии, Охотско-Камчатском крае, на побережье Ледовитого океана.

В Якутии с самого начала пытались использовать ссылку "преступников" на пашню. Но большинство ссыльных в Восточной Сибири с 40-х гг. ХУП в. до 1700 г. осели в более благоприятных для занятия земледелием местах - в верховьях Лены, Илима, Ангары.

Неудача попытки создания пашни в Якутии объяснялась не только суровостью климатических условий, но и невероятной удаленностью края, что при бездорожье крайне затрудняло перевозку ссыльных. Контингент крестьян в Якутии первоначально

формировался из той части "промышленников", которые, пережив неудачу на промыслах, превращались в "гулящих людей" без определенных занятий и оказались вынужденными "оседать" на пашню.

В XVIII - первой половине XIX в. в результате истребления ценных пушных пород зверей уже не было сколько-нибудь значительного притока "промышленных людей". С XVIII в. основным источником пополнения крестьянского населения стало принудительное переселение определенных сельскими обществами верхнененских крестьян "со всем своим домом для поселения в пашню". Со второй половины XVIII в. началось заселение Якутии провинившимися крестьянами верховьев Лены и частично и в более отдаленных мест Сибири. Наиболее интенсивное заселение шло с этого времени вдоль возникшего Иркутско-Якутского тракта. В конце XVIII в. после водворения на каждой станции по 10 взрослых мужчин прежние почтовые станции с одиночными куртами превратились в деревни, которых было тогда между Витимом и Якутском около 40. По неполным данным, в начале XIX в. на станциях проживало 1600 крестьян, в 50-х гг. XIX в. - до 3200. В середине XIX в. крестьянство Якутии пополнялось и путем перевода сюда крестьян из Европейской России, а также за счет поселения здесь ссыльных, в том числе членов религиозных сект⁵.

Крестьяне побережья Ледовитого океана были потомками вольных поселенцев, появившихся здесь в XVIII в., когда там оказались добровольно пришедшие промышленники, "гулящие люди", мещане, отставные казаки.

В Охотско-Камчатском крае первые крестьяне появились в результате перевода в 30-е гг. XVIII в. крестьян Илимского уезда и с Ангары. С 40-х гг. XVIII в. ссылка сюда прекращается. Заселение данного района русскими крестьянами шло очень медленно, о чем свидетельствует наличие уже в 20-е гг. XIX в. всего немногим более 400 душ обоего пола государственных крестьян, предпринимавших безуспешные попытки выращивания зерновых культур. В 40-е гг. XIX в., проведя опытные посевы озимых, яровых хлебов, картофеля, гречихи, овощей, агроном Кегель сделал заключение о возможности поселения на Камчатке до 10 тыс. крестьян и развития здесь хлебопашества при оказании соответствующей помощи поселенцам в расчистке лесов и снабжении их скотом. До середины XIX в. власти неоднократно и по-разному пытались подойти к решению вопроса о заселении и сельскохозяйственном освоении Камчатки⁶.

Немногочисленные русские крестьяне, переселившиеся на северо-восток Азии, явились создателями самого северного в мире земледелия. Живя в труднейших природно-климатических условиях, в районе вечной мерзлоты, они постепенно превращали места своих поселений в очаги хлебопашества и огородничества. При значительном земельном просторе в Сибири господствовало экстенсивное залежное хозяйство, переходившее по мере сокращения площадей залежных земель в беззалежное паровое хозяйство двух- или трехпольного типа с удобрением почвы. При залежной системе, преобладавшей во вновь колонизируемых районах, в первые 3-5 лет ближние поля "выпахивались", забрасывались в залежь и начиналась распашка более удаленных полей. С перемещением центров земледелия в более благоприятные районы в XVIII - первой половине XIX в. начинает преобладать залежно-паровая система, как это имело место в лесостепных и степных районах Западной Сибири.

Трехполье с элементами перелога в районе старинного русского земледелия утвердилось уже к концу XVIII в. В Сибири существовало разнообразие систем земледелия, в чистом виде здесь не получили развития ни залежная, ни паровая системы. Разнообразие систем земледелия проявилось в Сибири в крестьянских хозяйствах-заимках с появлением пашни наездом. При ней возводились со временем хозяйственные постройки, жилые дома. Такие заимки постепенно превращались в очаги создания новых деревень⁷.

В зависимости от конкретных условий района, рельефа местности, характера почв, состава сельскохозяйственных культур, климатических и погодных условий, с учетом сложившихся традиций крестьяне использовали различные способы расчистки земли, раскорчевывали леса, выбирали участки под пашню, устанавливали сроки полевых работ, разнообразные приемы вспашки и боронования. Постепенно определялись нормы высева, чередование и соотношение злаков. Дифференцированно выбирались и усовершенствовались орудия труда. Крестьяне коллективно решали вопросы пользования лесными и водными угодьями, устанавливали сроки сбора кедровых шишек, ловли птиц, рубки деревьев в лесных дачах. В крестьянской общине под контролем мира оказался весь календарь земледельческих работ. Все должны были соблюдать установленные сроки пахоты, сева, уборки урожая, а также охоты и рыбной ловли, лесных промыслов.

Значительную роль в хозяйственном освоении Сибири играли и социальные факторы. Интенсивное заселение Сибири началось

в период складывания в России предпосылок социально-экономических основ абсолютизма, когда государство проявляло особую заинтересованность в расширении земельного фонда, составлявшего его непосредственную собственность. Сибирь давала в этом плане безграничные возможности. Источником казенных доходов стало обложение аборигенного населения ясаком. Крестьяне за право пользования землей, принадлежавшей государству, должны были в его пользу выполнять повинности, формы которых менялись.

Представление же крестьян об их праве на пользование землей было в течение довольно длительного времени связано с традициями поморской деревни, не знавшей крепостничества. Из-за слабой заселенности края, острого недостатка рабочих рук в новоосваиваемом районе, в результате непрекращающегося притока переселенцев, а также под влиянием общественного сознания выходцев из Поморья, как справедливо считают многие исследователи, сибирская деревня в значительной степени унаследовала и порядок землевладения черносошного крестьянства Севера Европейской России. В течение всего XVIII в. государевы крестьяне сохраняли за собой право сдачи тягла и территориального перемещения. В XVIII-XVIII вв. имела место практика купли, продажи, заклада, захватов земель коренного населения Сибири⁹. Учитывая результаты изучения порядка распоряжения землей в Сибири А.А. Преображенским, В.А. Александровым и на основании собственных наблюдений, Н.А. Миненко пришел к выводу, что в целом социальный строй в государственной деревне был близок к поморскому черносошному варианту государственного феодализма. Он сохранял господствующие позиции до середины XIX в.¹⁰

Однако представляется неправомерным распространение данного положения и на приписную деревню кабинетского хозяйства в Сибири. В этом убеждает детальное исследование законодательных актов, отражающих частнофеодальный характер его владельческой принадлежности, а также социальную сущность приписного крестьянства¹¹.

Уже к концу XVIII в. усилиями русских крестьян Сибирь превратилась в огромную окраину России с преобладанием в ней сельских жителей, занимавшихся хлебопашеством. Последнее продолжало сохранять ведущее положение в хозяйственной деятельности крестьян Сибири и в последующие десятилетия¹².

Сельскохозяйственное освоение зауральской территории русскими сопровождалось включением в сферу земледельческого

производства коренного населения Сибири даже в тех ее районах, в которых местные жители ранее никогда не знали хлебопашества¹³. Около 600 тыс. дес. составила посевная площадь в Сибири в конце XVIII в., к середине XIX столетия она выросла до 1806 тыс. дес. Земледелием, кроме русских крестьян, занимались десятки тысяч коренных жителей Сибири, хотя для большинства из них вплоть до середины XIX в. важной отраслью хозяйства оставались добывающие промыслы. Воздействие русских крестьян на характер хозяйственной деятельности коренного населения Сибири сказалось и на развитии скотоводства - важнейшей отрасли хозяйства аборигенов. Произошло изменение структуры стада, улучшилась породность скота, возрос удельный вес крупного рогатого скота¹⁴.

Несмотря на то, что включение Сибири в орбиту сельскохозяйственного освоения огромных по размерам земельных массивов сопровождалось наступлением русских на пастбищные и промысловые угодья коренного населения, следует согласиться с тем, что присоединение Сибири к России не было для аборигенов столь драматичным по сравнению с последствиями испанских и португальских морских открытий в Новом Свете для его коренного населения¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Целевая научно-исследовательская программа "Исторический опыт освоения Сибири". Новосибирск, 1986. С. 29.

²Пундани В.В. Сельскохозяйственный опыт русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX века //Земледельческое освоение Сибири в конце XVIII - начале XX в. (трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 70.

Булыгин Ю.С. Колонизация русским крестьянством бассейнов Чарыша и Алая до 1763 г. //Вопросы истории Сибири. Вып. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. С. 16-32; Он же. Присоединение Верхнего Приобья и заселение его русским крестьянством в XVIII в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1965. С. 9; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 32. Л. 13, 16, 26; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 455, 534, 694; Д. 55. Л. 88; Сатлаев Ф.А. Колонизация Алтая в первой половине XIX в. //Вопросы истории Сибири досоветского периода. Бахрушинские чтения, 1969. Новосибирск: Наука, Сиб.отд-ние, 1973. С. 383.

⁴ Албегова Н.В. К истории хозяйственного освоения и заселения юго-восточной части Читинской области (начальный этап) // Известия Забайкальского отдела ГО СССР. Т. 5. вып. 5, 1969. С. 109-118; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 272. Л. 49; Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 279. Л. 102-105, 114, 156, 159, 192, 194, 208, 209.

⁵ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII - середине XIX в. М.: Наука, 1978. С. 112-117.

⁶ Белоножко Ю.А. Камчатская земледельческая компания (1831-1840 гг.) // Земледельческое освоение Сибири... С. 59-68.

⁷ Власова И.В. Источники для изучения земледельческого опыта русского населения Сибири ХУП-ХУШ вв. (методика и результаты картографирования) // Земледельческое освоение Сибири... С. 20-27; Пундани В.В. Указ. соч. С. 70-73.

⁸ Миненко Н.А. Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства (по материалам Западной Сибири XVIII - первой половины XIX в.) // Земледельческое освоение Сибири... С. 42-50.

⁹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. С. 88-97.

¹⁰ Александров В.А. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII в. // История СССР. М., 1977. С. 87-108; Преображенский А.А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII - начала XIX в. // Вопросы истории. М., 1977. № 5. С. 46-62; Миненко Н.А. Развитие феодальных отношений и генезис капитализма в Сибири (конец ХУП - первая половина XIX в.). Новосибирск, 1988. С. 25, 69.

¹¹ Жеравина А.Н. Законодательство дореформенной России как источник для определения природы кабинетского землевладения в Сибири // Проблемы источниковедения истории Сибири. Барнаул, 1992. С. 70-85; Она же. Социальный статус и социальная сущность приписных крестьян Сибири в середине ХУШ - середине XIX в. (по данным законодательства) // Сословия и государственная власть в России. ХУ - середина XIX в. Международная конференция. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина: Тезисы докладов. Москва 13-16 июня 1994 г. Ч. 1. М., 1994. С. 83-93.

¹² Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в ХУШ в.: Материалы по истории Сибири // Сибирь ХУП - ХУШ вв. Новосибирск, 1962. С. 153; Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (ХVI - начало ХХ в.). М., 1973. С. 100-102.

¹³ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 78-80.

¹⁴ Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 107; Башарин Г.П. История

земледелия в Якутии (XVII в.-1917 г.). Т. 2. Якутск, 1939. С. 237-290; Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. /Э.Л. Львова, В.А. Дремов, Г.А. Аксянова и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 96.

¹⁵ Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 107.

ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

Колонизация - форма освоения той или иной цивилизацией окружающей её природной и этнической среды. Главным потоком российской колонизации Сибири была, как известно, аграрная колонизация. Основным агентом и носителем русской земледельческой культуры являлся русский крестьянин. Крестьянин и крестьянское хозяйство воспроизводили на новых пространствах традиционные отношения и ценности российской цивилизации - общину, подчинение русскому монархическому государству и православную веру.

Движущей силой земледельческой колонизации был интерес русского крестьянина к земле. Она служила основой его хозяйственного, культурного и духовного бытия. Аграрное движение на малонаселенные пространства Сибири было, в представлениях русского крестьянина, легитимным, поскольку Сибирь уже входила в состав русского государства. Сама же земля, по крестьянским понятиям, принадлежала Богу, то есть фактически была ничьей. "Сесть на неё" мог любой, приложив свой труд и основав своё хозяйство. Трудовое право собственности на землю в русской общине, по существу, и было главным "колониационным механизмом" крестьянских переселений в Сибирь. Этот механизм функционировал в виде колониационной сибирской общины с заимочно-захватной и общинно-захватной формами землепользования.

Главными субъектами отношений аграрной колонизации были сословие крестьян и государство, поэтому интересы государства и крестьянства можно выделить как основные факторы аграрной колонизации сибирского края. В XVII, XVIII и первой половине XIX в., при всём значении вольных крестьянских переселений, главную роль в аграрной колонизации сыграло государство¹.

Особенно интенсивно шла земледельческая колонизация Сибири в конце XIX - начале XX в., этому в значительной степени способствовала правительственная политика, поощрявшая крестьянское переселение на земли восточных окраин. В 80-е и 90-е гг. XIX в. был издан целый ряд законодательных актов о по-

рядке переселений и землеустройстве в сибирских губерниях². Огромную роль в аграрной колонизации края, безусловно, сыграла столыпинская земельная реформа. За её годы в Сибирь переселилось более 3 млн. крестьян. Они подняли под посевы около 5 млн. десятин земли. В результате посевные площади в крае удвоились.

В пореформенный период важным стимулом самодержавия в ведении колонизационных дел являлось стремление увеличить налоговые поступления за счёт хозяйственного освоения новых земель. Очень важное значение имели геополитические соображения. И всё же фискальные государственные интересы были только внешним выражением государственной роли в аграрной колонизации Сибири. Истинная её причина лежала глубже. Как представляется, истина заключается в плоскости осмысления того, какое место занимало самодержавное государство в системе отношений русской цивилизации. Государство было её центром и организующим началом. Оно, наряду с объективными экономическими факторами, формировало социально-сословную структуру российского общества, определяло направление его развития и, что, пожалуй, самое важное, регулировало отношения сословий и социальных групп. Ни одно сословие не осуществляло своей жизни вне условий, задаваемых монархией. Без санкции государства не могло быть изменено положение ни одной сословной группы. В сфере аграрной колонизации таким императивом служило право верховной собственности государства на свободные земли. Таким образом, в России развивалась своеобразная служило-государственная цивилизация. Государство было её несущим каркасом и аппаратом управления. В дореформенную эпоху (ХУП - первая половина XIX в.) при слабости товарно-денежных отношений оно опиралось на прямую силу, использовало даже служило-крепостные отношения. При переселениях в Сибирь насильственно перебрасывались десятки тысяч государственных крестьян, разыскивались беглые помещичьи крестьяне и т.п. Денежные отношения играли лишь вспомогательную роль.

После отмены крепостного права государство не утратило своего первенства. Изменились лишь его методы управления. Будучи главным держателем денег в России, самодержавие стало опираться на товарно-денежные отношения, которые достигли достаточно высокого уровня ещё в первой половине XIX в. Правительство стало вкладывать в переселения большие деньги. Новосёлам выдавались ссуды, пособия. В конце XIX в. было создано Переселенческое управление. В 1906 г. оно фактически ста-

ло Министерством по переселениям. На местах были учреждены переселенческие районы со штатами чиновников, статистиков, землеустроителей и рабочих, создана сеть складов с инвентарём.

Огромную роль в земледельческой колонизации края сыграла построенная на деньги казны Транссибирская магистраль, поставившая дело переселений на современную основу. Затраты на её строительство составили около 1 млрд. рублей.

В сферу товарно-денежных отношений втягивалось и крестьянское хозяйство. В начале XX в., как показали самые современные исследования, рынок уже определял функционирование крестьянских хозяйств. Поэтому к традиционным причинам, которые толкали крестьян на переселение, следует прибавить и фактор товарно-денежных отношений. Богатые и средние крестьяне переселялись с целью расширения товарного производства. Разорившиеся крестьяне шли на Восток за землёй. Аграрная колонизация несла в Сибирь более высокий уровень товарно-денежных отношений: лучшую агротехнику, наём, аренду, усовершенствованный инвентарь и кооперацию. В начале XX в. товарность крестьянских хозяйств Сибири достигла 40-45 %.

В итоге аграрная колонизация многих районов Западной и Южной Сибири к началу XX в. была завершена, что нашло своё выражение в широком распространении общинно-передельных форм землепользования и во включении Сибири в систему общероссийского рынка.

Таков общий очерк факторов сибирской аграрной колонизации второй половины XIX - начала XX в. Он позволяет в рамках цивилизационного подхода в тезисной форме, не претендуя на полноту истины, попытаться сравнить североамериканскую и сибирскую аграрную колонизации. Прежде всего о том, что в них общего.

Во-первых, конечно, громадная судьбоносная роль колонизации в жизни цивилизации. Североамериканская цивилизация прямо родилась из колонизации. Колонизация - способ её бытия. Для российского общества освоение новых земель и пространств было резервом экстенсивной земледельческой культуры и стабилизатором социальных напряжений. Стремление к освоению новой природной и этнической среды проистекало также из христианского мессианства, свойственного и православию и протестантизму. Христианская цивилизация устремлялась в архаическую этническую среду, в мир народов, не имевших своих государств.

В том и другом случае земледельческое освоение было основой колонизации. Главным агентом аграрной колонизации было

мелкое, автономное фермерское или крестьянское хозяйство, основанное на труде. Крупное латифундальное землевладение в условиях земельной свободы и относительно слабого развития товарно-денежных отношений неминуемо погибало, испытывая недостаток средств производства и рабочих рук. Поэтому оно не могло быть опорой колонизационных процессов, поэтому оно защищалось обществом. В североамериканских штатах с целью защиты фермерского хозяйства был издан закон о гомстедах. В России крестьянский надел был неотчуждаемым по своейсловно-общинной природе.

Нельзя также не отметить общности черт сельского народного характера, порожденных трудностями и опасностями земледельческого освоения новых территорий. Колонизация вырабатывала в переселенце смелость, самостоятельность, независимость, предприимчивость, чувство локтя и взаимовыручки, высокую жизненную и моральную стойкость.

И всё же различия в процессах аграрной колонизации России и Северной Америки были более существенными. Они обуславливались чисто цивилизационными и историческими особенностями североамериканского (европейского по своему рождению) и российского общества. Рассмотрим, каковы они.

В отличие от России в Северной Америке главным фактором аграрной колонизации был не государственный, а общий и частный фермерский интерес. Связано это с тем, что социально-классовые группы в системе европейской цивилизации организовывали свою жизнь и регулировали социальные отношения. Государство было лишь арбитром.

Несомненно, более высокой в США была роль товарно-денежных отношений. Вообще говоря, деньги всегда были альфой и омегой американской цивилизации. Отмеченная особенность была характерна и для аграрной колонизации американского Запада.

Если в России, и в частности в Сибири, в аграрной сфере преобладали казенная и кабинетская собственность, а также общинное землепользование, то в США несомненный приоритет получила частная собственность на землю. В Сибири абсолютно преобладала общинная форма сельской колонизации, в то время как в Америке она базировалась на экономическом индивидуализме и индивидуалистическом типе личности.

Много различий было в фермерском и крестьянском хозяйствах. Крестьянское хозяйство было менее товарным. Это придавало ему автономность и устойчивость. В результате в Сибири ста-

ла возможной не фронтальная, а очаговая, "островная" земледельческая колонизация, которая позволила русскому крестьянину освоить значительно большие территории.

Фермерское хозяйство имело товарность, значительно превышавшую 50 %. Оно было более глубоко включено в систему общественного разделения труда. Поэтому на Запад рядом с фермером шли промышленник, торговец, банкир и представитель закона - шериф. Колонизация осуществлялась единым колонизационным комплексом как бы сплошной линией фронта с чётко осознаваемой границей (фронтиром). Этому способствовали и враждебные отношения с индейскими племенами с их строго очерченными территориальными границами. Земли индейцев либо покупались, либо завоёвывались. Государство следовало за колонизацией.

В сибирской колонизации понятия фронтира как границы колонизированных земель не было. Пространство для аграрной колонизации понималось открытым. Граница определялась государством. Что же касается враждебных отношений с южными кочевниками, то против них в XVII и XVIII вв. использовались казачьи линии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Сибири. Томск, 1987. С. 105-112, 121-130, 153-162, 194-211 и др.

² Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 31-53, 176-189.

³ Ковальченко И.Д. и др. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России. М., 1988.

A.N. Geravina, P.F. Nikulin

FEATURES OF SIBERIAN AGRARIAN COLONIZATION (THE XVII - EARLY XX CENTURY)

The agrarian colonization was the main direction of Russian development of Siberian lands. The peasant and his land reproduced on new territories traditional relations and values of Russian civilization - community, subordination to The Monarchy State and The Orthodox Faith.

The main momentum of the agrarian colonization was the interest (directed by the state) of the Russian peasant in the soil.

The comparative analysis of the agrarian colonization of Siberia and North America.

Firstly about the common. In the first place one should mark the huge role of colonization for civilization. The Northamerican civilization grew on ward from colonization, which the turned to be its way of existence.

For the Russian society the development of new territories was the reserve to extensive agriculture and the stabilizer of social tensions. The desire to settle new natural and ethnic territories resulted from Christian messianism, typical of the Orthodox Faith and Protestantism.

In the two cases agricultural development was the basis of colonization. Small autonomous allotments of farmers and peasants were based on family labor and formed the main part of agrarian colonization and were protested by society. The North American states adopted the Homestead Act. And in Russia a peasant parcel of land was unalienable because of its class-communitiveness. The common features of rural folk character which resulted from difficulties and danger of agricultural development should also be pointed out.

At the same time the differences in Siberian and North American colonizations were more vital. In contrast to Russia the main factor of the agrarian colonization in North America was not the state but the common and a private farmer's interest. Undoubtful priority belonged to private land ownership. In the USA the role of commodity money relations was higher. An individual farm was more commodity like than a peasant one. The latter was mainly natural and autonomous and provided opportunities for the "island" agricultural colonization of Siberia. An individual farm had productivity more than 50 per cent. It was stronger tied with the system of public labor. That is why a manufacturer, a tradesman, a banker, a sheriff went to the West together with a farmer. Colonization was a united front with a clearly seen bound ("frontier"). It was promoted by hostile relations with Indian tribes. The Siberian colonization lacked the notion "frontier". The territories were open. The boundaries were set by the state.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ В 30-е гг. XX в.

Хозяйственное освоение Сибири, особенно в XX в., стало важнейшим фактором роста экономического могущества нашего Отечества. Однако освоение неисчерпаемых природных ресурсов на Востоке страны происходило исключительно сложно и противоречиво. Это наглядно проявилось в том, что экономические методы в хозяйственном освоении края нередко уходили на второй план, а главенствующими, доминирующими становились внешнеэкономические - массовое насилие, тотальное принуждение, что особенно дало себя знать на рубеже 30-х гг. нынешнего столетия.

Отметим, что Сибирь в целом и Среднее Приобье в частности с давних времен использовались как место ссылки. Уже в первые годы Советской власти в Нарымском крае оказалась большая группа "политически неблагонадёжного элемента", отправленного сюда на "перековку" большевистским режимом. Как правило, это были представители интеллигенции, руководители и активисты партии эсеров и меньшевиков. С учётом профессиональной подготовки им разрешалось работать в учреждениях образования, медицины, даже в органах хозяйственного управления.

Ситуация изменилась в конце 20-х гг., когда репрессии приняли массовый характер, коснулись практически всех социальных групп населения, прежде всего крестьянства, пострадавшего от "коллективизаторского неистовства" большевистского руководства. Экспроприация немалой части крестьянства во имя извращенно понятой идеи "социалистического будущего" имела своей непосредственной целью ускорение темпов хозяйственного строительства страны. Поэтому значительное число "раскулаченных" крестьян как "спецконтингент" была направлена на ударные стройки первой пятилетки. В Западной Сибири это были новостройки Урало-Кузнецкого комбината (рудники, угольные шахты, объекты стройиндустрии, химические, металлургические заводы и пр.). Их трудовой вклад в создание гигантов индустрии в должной мере ещё не оценён историками.

Большая часть "раскулаченных" была депортирована в малообжитые районы среднего Приобья на спецпоселение, где в 1932 г. была образована особая территориальная единица - Се-

верный (Нарымский) округ с центром пос. Колпашево. На территории округа осуществлялся особый режим управления возложенный, на спецкомендатуры ОГПУ-НКВД.

Уже к осени 1931г. здесь насчитывалось 215 тыс. переселенцев (для сравнения: в южных спецкомендатурах Западно-Сибирского края - 81 тыс.). Потoki принудительной миграции существенно изменили демографическую ситуацию в Западно-Сибирском крае: население северных районов выросло со 119 тыс. до 300 тыс., т.е. почти втрое, а промышленных районов Кузбасса - почти удвоилось. Статистика Сиблага свидетельствует о том, что 2/3 спецпереселенцев составляли местные "сибирские кулаки", в северных комендатурах их доля достигала 9/10. В 1932г. численность и дислокация спецпоселений не изменилась, а в следующем году число спецпереселенцев даже несколько уменьшилась. Эта так называемая плановая убыль (смертность, побеги, передача на иждивение родственников нетрудоспособных и пр.) была незамедлительно восполнена новой волной массовой депортации, связанной главным образом с "чисткой" городов и приграничных территорий от "лишенцев" и деклассированных элементов¹. Однако спецпоселения Нарымского округа не потеряли своего преимущественно крестьянского облика.

По своему правовому и социальному статусу спецпереселенцы 30-х гг. заметно отличались от переселенцев до- и послереволюционного десятилетий. Они имели большое сходство с административно-ссылными или сосланными на поселение, которые принудительно выселялись из мест прежнего проживания.

В местах спецпоселений был особый режим управления и проживания, существенно ограничивавший свободу передвижения и занятия трудовой деятельностью. Постановление СНК СССР от 1 июля 1931 г. "Об устройстве спецпереселенцев" закрепило за ОГПУ право административного надзора за спецпереселенцами, организации их труда и быта. Комендатуры ОГПУ в спецпоселениях выполняли обычные административные функции, которые имели советские органы в сельской местности, а также специальные, оперативные - выявление недовольных, пресечение протеста, создание сети осведомителей и т.д.

Секретные документы ОГПУ регламентировали все стороны жизни обитателей спецпоселений. Спецпоселенцы не могли менять место жительства и квартиру, отлучаться за пределы поселка без разрешения, в обязательном порядке, в строго установленные сроки должны были отмечаться в комендатуре. Создав условия насилия и бесправия для сотен тысяч людей, власть требова-

да лояльного к себе отношения. Так, спецпоселенцы обязывались "точно проводить в жизнь все постановления и указания как поселковой администрации, так и местных советских органов и Советского правительства"². И всё это длительное время выдавалось за систему "трудового переноспитания кулачества".

В экстремальных условиях Нарымского Севера спецпоселенцы были поставлены на грань физического выживания. Смертность приняла массовый характер. Процесс депопуляции был приостановлен только к концу 30-х гг.

Даже в этих чрезвычайных условиях спецпереселенцы смогли сохранить лучшие крестьянские черты - трудолюбие, хозяйственную сметку, жизнестойкость и т.д. Они смогли воспринять и использовать черты уклада жизни и ведения хозяйства старожильческого и отчасти аборигенного населения.

К 1938 г. хозяйственная жизнь округа стабилизировалась. Спецпереселенцами Нарыма было раскорчёвано и расчищено от мелколесья 138600 га земли, осушены значительные площади болот, в таёжных дебрях, не имевших коммуникаций, проложены грунтовые дороги протяженностью 3812 км (в том числе тракты Богородск - Галка, 165 км и Суслово-Тегульдэт, 162 км)³. Появилась новая для этих районов отрасль хозяйства - земледелие. Создана хозяйственная инфраструктура, действовало 8 МТС со значительным парком сельскохозяйственной техники, окрепло общественное животноводство. Значительное развитие получили промыслы (заготовка леса, кедрового ореха, пихтового масла, добыча рыбы и пр.). Но экстремальные природно-климатические условия крайне отрицательно сказывались на результатах труда. Усилиями спецпереселенцев была создана и социальная инфраструктура (сеть учреждений народного образования, культуры, медицины).

Социально-экономический эксперимент, осуществленный правящим режимом, показал утопичность и крайне низкую эффективность хозяйственного освоения северных территорий внешнеэкономическими, силовыми методами. Решив задачи карательного характера, режим не смог создать эффективно работающую хозяйственную систему. Усилия и жертвы сотен тысяч спецпоселенцев оказались во многом напрасными.

Отмена мер принуждения в середине 50-х гг. вызвала массовый отток населения, что привело к быстрой деградации созданных хозяйственных структур, предопределило серьёзные трудности в последующем освоении этих территорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 - начало 1933 г. Новосибирск, 1993. С. 4.

² Там же. С. 70.

³ Земсков В.П. Судьба "кулацкой ссылки" (1930-1954 гг.) //Отечественная история. 1994. № 1. С. 124; Гомский областной центр хранения документации новейшей истории (ГОЦХДНИ). Ф. 607. Оп. 1. Д. 465. Л. 76.

V.P. Andreev, V.A. Demeshkin

DEPORTEES AND ECONOMIC MASTERING OF NEW LANDS ALONG THE CENTRAL PART OF OB-RIVER IN 1930'

The expropriation of a big part of peasants' households on the verge of thirties was aimed at speeding-up a socialist construction. One part of dispossessed kulaks as a special contingent was sent to the new construction projects of the first five-year plan, but the major part of them was deported to the few populated regions, including Naryim okrug (region), where they lived in special so-called settlements, under a separate regime and control provided by commendant's offices of People's Commissariat of Internal Affairs (Secret Police). By the autumn of 1931, the number of deportees was 215 thousand people.

The deportees found themselves on the verge of physical extinction, under the extreme conditions of Naryim. The death rate was very high. But even under such extreme conditions the deportees had preserved their best peasant features, they were able to take up and bring into their life the experience of old-timers and indigent residents in agriculturing and way of living.

By 1938 the economic life in that region had become stable. The deportees had stubbed out and freed of the low forest 138.600 hectares of land; 3.812 km of earth roads were built by them. A new for Naryim region branch of economy, such as agriculture, had appeared.

Collective live - stock breeding had got firmly established. There were 8 acting machine and tractor stations. Different handicrafts had been developed considerably. Social infrastructure had been created (there was a net of educational, cultural and medical institutions). Having finished with punitive measures the ruling regime turned to be unable to establish an effective economic system in the settlements of the deportees. Most of pains the deportees sacrificed were vain. The abolition of punitive measures in the middle of 50th caused the entailed the degradation of economic structures, created earlier and predetermined serious difficulties in the future developing of new lands.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ГОРНОПРОМЫШЛЕННОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX в.

Проблема иностранного капитала в дореволюционной Сибири давно привлекает внимание исследователей. В последние годы она приобрела новый импульс, вызванный переходом России к рыночной экономике, активизацией ее внешнеэкономических связей, созданием свободных экономических зон, совместных предприятий и т.д. Интерес к истории хозяйственного освоения Сибири, в том числе к участию в нем иностранного капитала, продиктован также возрастающей ролью этого региона в экономике нашей страны и всего мира.

Проникновение иностранного капитала в сибирскую промышленность началось во второй половине XIX в. и наиболее интенсивно происходило после строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. Этому способствовали экономическая отсталость края, дефицит капитала, как местного, сибирского, так и российского в целом, богатейшие природные ресурсы, дешёвая рабочая сила и - как результирующий фактор - высокая норма прибыли.

Политика русского правительства по отношению к иностранному капиталу в восточных районах страны была сложной и противоречивой. Для иностранных предпринимателей и компаний в Сибири существовали определённые территориальные ограничения на занятие горной промышленностью, им запрещались операции в южных пограничных районах Забайкальской области, Иркутской и Енисейской губерний и Алтайского округа царского Кабинета (Томская губерния). Однако это запрещение не носило категорического характера и на практике применялось сравнительно редко. В целом политика привлечения иностранных инвестиций в Россию, активно проводимая в 1890-х - начале 1900-х гг. министром финансов С.Ю. Витте, его сторонниками и последователями, была в значительной мере распространена и на Сибирь. Министерство финансов приняло ряд мер с целью заинтересовать зарубежные деловые круги возможностями выгодного помещения капитала в Сибири. Например, по инициативе самого Витте департамент торговли и мануфактур подготовил к Всемирной выставке в Чикаго (1893 г.) книгу "Сибирь и великая Сибирь-

ская железная дорога" - общий очерк природных богатств, состояния и перспектив экономики этого края. Она была выпущена одновременно на английском и русском языках. К Парижской выставке 1900 г. была издана книга "Россия в конце XIX в." (сначала на французском, а затем уже на русском языке), в которой заметное место отводилось Сибири. В этой выставке участвовал Комитет Сибирской железной дороги; в его отделе экспонировались различные издания и материалы, свидетельствовавшие о больших возможностях для капиталовложения в сибирскую промышленность.

Наряду с правительственной политикой немаловажным фактором, влиявшим на приток иностранного капитала, являлась позиция господствующих классов России по вопросу о целесообразности, допустимых масштабах, направлениях и формах привлечения зарубежных инвестиций. Против иностранного капитала выступало консервативное дворянство, особенно черносотенные круги, решительно отвергавшие все, что ускоряло капиталистическое развитие страны. Разные дворянские организации, газеты "Новое время", "Московские ведомости", "Сибирская правда" и др. развернули в 1907-1908 гг. псевдопатриотическую кампанию против "мирного завоевания" Сибири. Примерно с таких же позиций выступали и некоторые группы российской буржуазии, опасавшиеся конкуренции со стороны иностранного капитала, прежде всего московская буржуазия, интересы которой выражал октябристский "Голос Москвы".

Однако в целом проникновение иностранного капитала в Сибирь встречало благожелательное отношение российской буржуазии, которая старалась с его помощью компенсировать нехватку капитала внутри страны.

Вместе с тем российская буржуазия стремилась не допустить преобладания иностранного капитала, направить его в выгодное ей русло, подчинить своему контролю, сохранить за собой ведущие позиции и большую часть прибылей. Представители деловых кругов России неоднократно высказывались, например, против иностранного предпринимательства в "чистом" виде, т.е. в форме акционерных обществ, учрежденных за границей. Наиболее желательной формой привлечения иностранного капитала в сибирскую промышленность они считали участие иностранцев в акционерных компаниях, учрежденных непосредственно в России.

Следовательно, в целом объективные и субъективные условия не препятствовали, а скорее даже благоприятствовали внедрению

иностранный капитал в экономику Сибири. Но общий инвестиционный климат в регионе - как для иностранного, так и для российского капитала - был все же неоднозначным. Наряду с благоприятными факторами здесь имели место и неблагоприятные, сдерживавшие предпринимательскую активность, особенно в промышленности (малочисленность населения, неразвитость путей и средств сообщения, отдаленность многих месторождений полезных ископаемых от коммуникаций и населенных пунктов края, слабая геологическая изученность края, наличие целого ряда обременительных формальностей и ограничений для частного предпринимательства вообще и т. д.) Например, немало проблем для предпринимателей было связано с заявкой и отводом приисков и рудников. Из-за бюрократической волокиты и т.п. процедура получения отвода, как правило, занимала от одного до двух лет (за границей - не более двух месяцев).

Заграничные денежные рынки по разным каналам получали обширную информацию о природных ресурсах и перспективах помещения капитала в Сибирь. В частности, в Лондоне были созданы специальные инженерные бюро, которые изучали состояние русских горнопромышленных предприятий, просматривая их отчеты и балансы, направляя своих представителей для обследования предприятий на месте. Стремясь действовать наверняка, иностранные капиталисты проводили тщательную разведку, искали более выгодные объекты эксплуатации, учитывали всю совокупность условий приложения капитала.

Проведенная разведка дала двойственные результаты. Все зарубежные эксперты высоко оценили природные богатства края, отметили их разнообразие и неразработанность. "Сибирь богата минералами всех видов, а особенно золотом, но до сих пор все производство ведется почти тем же способом, что и сто лет тому назад", - сообщал в 1899 г. петербургский корреспондент лондонского "Экономиста"¹. Американский бизнесмен А. Гервик в одном из интервью заявил: "С одной стороны, я пришел в дикий восторг от Сибири и ее богатств, с другой - был глубоко опечален тем, как распоряжаются этими богатствами"². Зарубежные эксперты отмечали и неблагоприятные условия помещения капитала.

Иностранный капитал внедрялся в сибирскую промышленность в тесном взаимодействии с российской буржуазией. Например, доступ к месторождениям полезных ископаемых, к различным горнопромышленным объектам заграничные предприниматели получали в основном путем покупки или аренды при-

исков, рудников и т.д. у русских владельцев. Это было проще и удобнее для иностранцев в чужой стране, в далеком труднодоступном крае, без знания местных условий, без связей с администрацией. Однако этот путь имел и существенные недостатки, неудобства. Преследуя свои корыстные цели, стремясь нажиться на иностранцах, русские владельцы приисков, рудников и т.п. нередко предлагали им неприемлемые или невыполнимые условия. К тому же многие из них пытались спекулировать площадями, не представлявшими никакой ценности в горнопромышленном отношении, заявленными и застолбленными без предварительной разведки или уже выработанными.

Отношения между заграничными и российскими предпринимателями складывались не всегда удачно для иностранцев. Так, в 1896 г. американец Г.Г. Аллен заключил договор с томским золотопромышленником Н.Н. Вяткиным о приобретении у него золотого прииска в Ачинско-Минусинском горном округе, если он (прииск) окажется "благонадежным к разработке". Аллен уплатил Вяткину в качестве задатка 3 тыс. руб., а в целом стоимость прииска была определена в 30 тыс. руб. Однако эта сделка вскоре расстроилась. Прииск оказался выработанным. Аллен потребовал вернуть ему задаток, но Вяткин отказался¹.

Любопытный факт приводила в 1903 г. газета "Сибирская жизнь". Местные золотопромышленники пытались продать иностранцам "пустую" (т.е. ничего не содержащую) площадь. Они попросили рабочих незаметно подсыпать в пробные шурфы золотосодержащего песка, добытого совсем в другом месте. К счастью для заграничных покупателей, рабочие вместе с песком нечаянно просыпали в шурфы махорку, и это вызвало подозрения. Обман раскрылся, и сделка не состоялась. Рассказав об этом случае, газета правильно сформулировала одно из главных правил здорового, не спекулятивного предпринимательства: серьезные бизнесмены не будут вступать в дело с людьми, не имеющими "элементарной деловой честности"⁴.

Надо отметить, что и с иностранной стороны в Сибирь нередко направлялись не предприниматели с "серьезными намерениями", а дельцы без сколько-нибудь значительного капитала, со спекулятивными стремлениями, подчас даже со скандальной репутацией. Например, в 1900 г. концессию благовещенского предпринимателя Н.А. Першина на кабинетских землях в Нерчинском округе приобрел некий Г.Г. Слэд, который оказался всего лишь "агентом-посредником без собственного капитала и с весьма ограниченным кредитом". Он действовал вместе с неким Э. Робот-

гамом, известным тем, что в течение нескольких лет 17 раз он обвинялся в банкротстве и в 1893 г. был признан несостоятельным должником. Как выяснилось вскоре, оба они, по сути дела, являлись подставными фигурами крупного биржевого дельца-спекулянта Гудея, прославившегося целым рядом афер и также признанного банкротом. Репутация их была настолько скандальной, что в дело с концессией Першина вмешалось русское правительство и расторгло эту сделку⁵.

Проникновение иностранного капитала в сибирскую промышленность происходило в разных формах. Можно выделить 3 основные формы: 1) иностранный неакционерный капитал; 2) иностранные акционерные общества; 3) иностранное участие в российских акционерных компаниях.

Простейшей организационной формой иностранного неакционерного капитала являлись единоличные (единовладельческие) предприятия. В горной промышленности Сибири выявлено около 30 отдельных предпринимателей-иностранцев. Учетны владельцы и арендаторы приисков и рудников, а также лица, имевшие заявки на золотосодержащие и прочие площади и дозвоительные свидетельства на разведку полезных ископаемых. Крупных капиталистов среди них почти не было. Подавляющее большинство принадлежавших им приисков и рудников не разрабатывалось. Всего 7 иностранных единоличных предприятий вели добычу золота, к тому же в течение короткого времени (от одного года до четырех лет) и в незначительных размерах. Лишь одно из них и только один раз дало более 1 пуда золота в год (в 1904 г. прииск американца Б.С. Маккормика в Красноярско-Ачинском горном округе)⁶.

Главной целью иностранцев было приобретение в той или иной форме месторождений полезных ископаемых, прежде всего золота, и передача их крупному капиталу. Наиболее яркий в этом отношении пример - деятельность американца Д.Ф. Китинга. Приобретя ряд приисков, он пытался привлечь для их разработки английский акционерный капитал, организовав в Лондоне 2 общества⁷. Бурную активность иностранцы проявили накануне первой мировой войны. В 1911-1914 гг. они подали свыше 200 заявок на золотосодержащие площади. Однако подавляющее большинство этих заявок остались нереализованными.

Иностранный капитал в горной промышленности Сибири был представлен также в форме различных неакционерных компаний. Чисто иностранных компаний было немного. Крупнейшей из них являлась австрийская компания "Турн-и-Таксис и Жаннэ", осно-

ванная в 1902 г. в Вене. Австрийский князь А. Турн-и-Таксис и его компаньон доктор права И. Жаннэ получили обширные концессии на кабинетских землях в Алтайском и Перчинском округах. На Змеиногорском руднике (Алтай) они оборудовали одну из первых в Сибири золотоизвлекательных фабрик (для извлечения золота из серебряноцинковых руд). Максимальная годовая добыча золота этого предприятия составила 15 пудов, а всего за 1905-1913 гг. им было добыто более 62 пудов золота. В последние три года своей деятельности компания являлась крупнейшим золото-промышленным предприятием округа⁸.

Несмотря на сравнительно высокую техническую оснащенность этого предприятия, деятельность австрийских концессионеров во многом носила хищнический характер. Они фактически снимали "сливки" - добывали и перерабатывали только самые богатые по содержанию золота руды. Выплавка серебра и других металлов их почти не интересовала.

Заметного, хотя и кратковременного результата достигла английская торгово-транспортная фирма "В.Г. Моллер К". В 1914 г. она установила первую драгу в главном золотодобывающем районе Сибири - Ленском горном округе и добыла более 10 пудов золота (5% общей добычи округа)⁹. Производительность этой драги вдвое превысила соответствующий средний показатель по России в целом. По количеству "дражного" золота Ленский горный округ в 1914 г. опередил все сибирские округа, кроме Енисейского. Однако развить успешно начатые операции фирме не удалось.

В целом иностранный неакционерный капитал не сыграл сколько-нибудь существенной роли в сибирской горной промышленности. Иностранные предприниматели и участники неакционерных компаний, за редким исключением, персонифицировали вывоз мелкого капитала, миграцию капитала, неотделимую от личной эмиграции капиталовладельцев, а то и просто эмиграцию без капитала.

С конца 90-х гг. XIX в. в Англии и некоторых других странах стали возникать акционерные общества для действий в горной промышленности восточных районов России. Русско-японская война и первая российская революция временно приостановили иностранных капиталистов. Но уже в конце 1906 г. в Лондоне вспыхнула настоящая грипповая лихорадка. По данным русской и зарубежной прессы, только за год здесь было учреждено около 60 акционерных обществ с совокупным капиталом 4,5 млн. руб. для операций в зауральской горной промышленности¹⁰. По

словом лондонского корреспондента "Берлинской ежедневной газеты", это учредительство приобрело "характер прямо-таки истерического рвения"¹¹.

Большинство этих акционерных обществ учреждались не для производственной деятельности, а лишь для поисков выгодных объектов капитала (приисков, рудников, концессий и т.д.), для предварительной разведки месторождений полезных ископаемых и т.п. Главными движущими мотивами учредительства часто являлись спекуляция и учредительская прибыль. К тому времени акции английских компаний в Южной Африке и других регионах в основном стабилизировались и поле деятельности для биржевых спекулянтов значительно сузилось. Поэтому такой "новый" район, как Сибирь, сразу привлек их внимание и стал объектом многочисленных махинаций.

Спекулятивный характер многих английских акционерных обществ был настолько очевидным, что они не нашли поддержки в широких финансовых кругах и не смогли собрать сколько-нибудь значительного капитала. За этим внимательно следила британская деловая пресса. Например, "Экономист" откликнулся на появление сомнительных компаний такими характеристиками: "еще одно сибирское рискованное предприятие", "чистая авантюра" и т.д.¹² Откровенно спекулятивные общества встретили негативное отношение и со стороны русского правительства.

После 1907 г. волна спекулятивного ажиотажа постепенно стала спадать, учредительство приобрело более равномерный, относительно спокойный характер, хотя стремление к спекуляции, несомненно, имело место и в последующие годы.

Всего же до первой мировой войны в Англии образовалось 80-85 акционерных обществ, имевших своей целью участие - в той или иной форме - в зауральской, преимущественно сибирской, горной промышленности. Известно также несколько акционерных компаний, учрежденных в других европейских странах (Голландия, Франция, Германия).

Большинство учрежденных за границей обществ, не собрав капитала или не получив разрешения русского правительства на открытие операций в России, довольно быстро прекратили свое существование. К действиям в горной промышленности Сибири было допущено всего 13 иностранных акционерных обществ с совокупным номинальным капиталом 48190 тыс. руб. Почти все они были английские - 17 обществ с капиталом 46590 тыс. руб. (96,7 %), а также 1 нидерландское с капиталом 1600 тыс. руб.

(3,3%)¹¹. Первым, в 1899 г., было допущено Нидерландско-Сибирское общество золотых приисков "Минусинск", последним, в 1913 г., - Соединенное общество сибирской эксплуатации. Явное преобладание британских компаний объясняется в первую очередь тем, что именно добыча драгоценных и цветных металлов (основной профиль сибирской горной промышленности) являлась главной сферой приложения английского капитала за границей.

Начали действовать 14 иностранных обществ с капиталом 33720 тыс. руб. По составу акционеров многие из этих "иностраных" компаний являлись смешанными: наряду с иностранными капиталистами в них участвовали и российские.

Не все из допущенных компаний полностью реализовали свои капиталы. Как правило, акции выпускались и оплачивались постепенно, по частям. В большинстве случаев этот процесс остался незавершенным. Внесенный (оплаченный) капитал зарубежных акционерных обществ можно определить примерно в 20 млн. руб.

Большинство иностранных компаний действовало в золото-промышленности - 10 обществ с совокупным капиталом 28025 тыс. руб. В сравнительно крупных масштабах вели добычу золота Нерчинское золотопромышленное общество (до 12 пуд. 31 фун.), общество "Новая Центральная Сибирь" (до 7,5 пуд.), Акционерное общество Алтайских золотых концессий (до 5 пуд. 31 фун.) и Русская горнопромышленная корпорация (до 27,5 пуд.).

Одно заграничное общество - "Енисейская медь" - действовало в меднорудной промышленности (годовая выплавка до 50,6 тыс. пуд.).

Иностранное предпринимательство в "чистом" виде постепенно угасало. К 1917 г. почти все акционерные, как и неакционерные, компании прекратили свою деятельность в горной промышленности Сибири. Осталось практически одно общество, учрежденное за границей, - Русская горнопромышленная корпорация, в которой к тому же примерно 1/3 акций принадлежала российским финансовым группам.

Одной из форм проникновения иностранного капитала в сибирскую горную промышленность было его участие в российских (учрежденных в России) акционерных компаниях. Выявлено иностранное участие в 6 обществах: Российском золотопромышленном обществе, Ленском золотопромышленном товариществе, обществе "Драга", обществе "Сибирская медь", Акционерном обществе Кузнецких каменноугольных копей и Риддерском

горнопромышленном акционерном обществе. Это были крупнейшие горнопромышленные предприятия Сибири (в 1917 г. они составляли 25 % общего числа и около 50 % капитала всех российских компаний, действовавших в этой отрасли. Почти во всех из них большая часть акционерного капитала контролировалась российскими капиталистами. Лишь в Риддерском обществе контрольный пакет акций находился в руках иностранцев (Л. Уркарт, Г. Гувер, К. Скотт и др.). Накануне и в годы мировой войны доля иностранного участия в российских компаниях сократилась.

Таким образом, иностранный капитал внес весомую лепту в промышленное развитие дореволюционной Сибири, хотя его удельный вес в этом районе был все же ниже, чем в ряде других регионов страны и по России в целом. Роль иностранного капитала была противоречивой. С одной стороны, восполняя в определенной мере недостаток российского капитала, он способствовал развитию капитализма и частного предпринимательства, становлению более зрелых форм промышленного и финансового капитала. С другой стороны, проникновение его нередко сопровождалось усилением спекулятивных тенденций предпринимательства, ростом фиктивного капитала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The Economist. 1899. № 2906. P. 647.

² Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. (Томск). 1901. № 17. С. 291.

³ Там же. 1897. № 3. С. 58.; № 7. С. 163.

⁴ Сибирская жизнь. (Томск). 1903. 23 янв.

⁵ The Economist. 1901. № 2994. P. 45; Вестник золотопромышленности... 1901. № 3. С. 46-47; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2590. Л. 8, 18-19; Д. 2675. Л. 1; Ф. 23. Оп. 25. Д. 281. Л. 7.

⁶ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1904 году. СПб., 1907. С. 140-141, 144-145.

⁷ История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 346; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2619. Л. 1, 3, 7; Ф. 23. Оп. 12. Д. 1348. Л. 1, 4-14; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 428. Оп. 3. Д. 1852. Л. 1-3; Д. 2005. Л. 1; Д. 2586. Л. 1-3, 5, 7-8, 16-18.

⁸ Лукин А.А. Концессии австрийского князя А. Турн-и-Таксис в Алтайском горном округе // Краевед Кузбасса. Вып. 3. Новокузнецк, 1970. С. 68-70, 72-75; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1905 году. СПб.,

1908. С. 108-109, 112-113, 227; ... в 1906 году. СПб., 1909. С. 92-95, 207; ... в 1907 году. СПб., 1910. С. 86-89, 209, 212-213; ... в 1908 году. Ч. 2. СПб., 1910. С. 88-89, 94-95, 239-243; ... в 1909 году. СПб., 1912. С. 92-93, 256; ... в 1910 году. СПб., 1913. С. 76-79, 213, 216-217; РГИА. Ф. 468. Оп. 25. Д. 384. Л. 35; ГААК. Ф. 160. Оп. 74. Д. 705. Л. 46-57; ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 471. Л. 76-77; Д. 506. Л. 436-439 (подсчет).

⁹ Горные и золотопромышленные известия. 1914. № 15. С. 341; 1915. № 17. С. 237-238. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 446. Л. 4-5, 11-16, 18-19, 21-22, 25-27, 72-73; Д. 1828. Л. 68.

¹⁰ Золото и платина. 1908. № 1. С. 17; № 5. С. 105; 1909. № 1. С. 17.

¹¹ Berliner Tageblatt. 1906. 4 Dezember.

¹² The Economist. 1906. № 3301. P. 1954.

¹³ Подробнее см.: Разумов О.Н. Иностранные акционерные общества в горной промышленности Сибири периода империализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 107-116; Он же. О деятельности иностранных акционерных обществ в сибирской горной промышленности в конце XIX - начале XX в. // Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники. Вып. I. Томск, 1991. С. 89-104.

O.N. Razumov

THE FOREIGN CAPITAL IN THE SIBERIAN INDUSTRY (THE LATE XIX - EARLY XX CENTURY)

The spread of forcing capital into Siberian industry began in the second half of XIX and increased after the building of Transsiberian railroad. Economical backwardness, shortage of capital, the richest natural recourses, cheap labor recourses and - as the result - high profits, conducive to that process. The policy of Russian government according to a forcing capital in the eastern part of country was complicated and contradictory. There were some territory limits for forcing businessmen and companies which had a deal with mining industry; they were forbidden for any actions in south frontier areas of Trans-Baical region, Irkutskaja, Eniseyskaja and Tomskaja provinces. However, that order hadn't a strong character and was seldom used in

However, that order hadn't a strong character and was seldom used in practice. Russian bourgeoisie was rather favorable for forcing capitals.

There were three main forms of the forcing capital spread into Siberian industry: 1) forcing non-joint stock, 2) forcing joint-stock companies, 3) forcing participation in Russian joint-stock companies.

Within the Siberian mining industry there were about 30 individual forcing businessmen, and only few of them were important ones. The great part of their mines wasn't exhausted. Only 7 individual enterprises extracted gold during the short period (1-4 years). The amount wasn't considerable. But it must be admitted that once the mine of American businessman V.C. MacCornic got more than 16 kg of gold per year (1904, Krasnoirsksk-Achinskminig region). The main purpose of the foreigners was to acquire the deposits of natural recourses (and above all gold) in any forms and then to sell them to the big capitalists. The best example of it was the activity of D.F. Kiting (am.). Having buy a number of mines, he tried to attract an English capital for their exhausting and organized two companies in London.

The peak of forcing activity was noticed on the eve of the second World War. In 1911-1914 they submitted more than 200 applications for gold-mines. But many of them weren't demanded.

In the Siberian mining industry the forcing capital was also presented in the different forms of non-joint stocks. The number of pure forcing companies was small.

In spite of rather high-technical equipment which was used in the enterprises, the activity of Austrian concessionaires had as a rule deprecatory character. Actually, they "took the cream" - extracted and processed only the most rich in gold ores. And they were not interested in the smelting of silver and other metals.

The forcing joint-stock capital appeared in Siberian mining industry at the end of XIX. There were 18 foreign joint-stock companies (founded abroad) with a joint nominal capital at the amount of 48190 thousand rubles. One of them was clutch with a capital 1600 thousand rubles (3,3%), and the rest were English - 17 companies with a capital 46 590 thousand rubles (96,7%)

One more form of the forcing capital spread into Siberian industry was its participation in Russian joint-stock companies (founded in Russia).

РОЛЬ ССЫЛЬНЫХ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ОСВОЕНИИ СИБИРИ В XVII-XIX вв.

Освоение новой территории - это сложный процесс, имевший в каждой стране свои характерные черты. В нём, как правило, принимает участие целый ряд социальных групп при большей или меньшей поддержке государства. Вероятно, можно констатировать следующую особенность процесса освоения Сибири русским населением: в XVII-XIX вв. правительство настойчиво пыталось использовать для этой цели людей, совершивших те или иные преступления. Подобная политика может быть названа "штрафная колонизация".

С момента своего появления в конце XVI в. ссылка в Сибирь была призвана исполнить целый ряд функций. Она позволяла удалить из Центральной России людей, совершивших преступления, но помимо этого данный вид наказания рассматривался государством как средство для земельной колонизации восточных окраин Российской державы. Колонизационная задача читается даже в самом названии одного из видов ссылки, существовавших в XVII в., - "ссылка на пашню"¹. Постановка данной цели объяснялась, по-видимому, не столько абстрактным желанием правительства обустроить недавно приобретённые территории, сколько вполне конкретным стремлением обеспечить хлебным жалованием служилое население Сибири.

Для того чтобы земельное освоение Сибири силами ссыльных преступников шло пусть не в высшей степени успешно, но хотя бы удовлетворительно, очевидно, необходимо наличие следующих условий: во-первых, государство должно создать юридические и экономические предпосылки, или, точнее, стимулы, для того чтобы ссыльный занимался именно честным трудом, в данном случае земледелием, во-вторых, абсолютно необходимо желание самого преступника выполнять возложенную на него функцию, и наконец, отношение старожилого населения к ссыльным должно быть хотя бы не враждебным. Представляется интересным ответить на вопрос: допустимо ли говорить о наличии вышеназванных условий в XVII - XIX вв., а значит, можно ли отметить определённый вклад ссыльных в дело земельной колонизации Сибири.

Прежде всего, следует определить те местности Западной Сибири, куда направлялись ссыльные в XVII в., это и будут районы, где предпринимались попытки "штрафной колонизации". Особенностью размещения ссыльных в XVII в. было то, что не было четко локализованного региона, обозначенного правительством как место ссылки. В связи с этим ссыльные направлялись практически во все города и остроги Западной Сибири. Источники сохранили сведения о наличии ссыльных в окрестностях Кузнецка, Тобольска и Туринска, Томска² упоминаются города Пелым, Тюмень, Мангазея, Тара, Сургут, Берёзов. Следовательно, можно предположить, что вся территория Западной Сибири была районом, где предпринимались попытки земледельческого освоения силами ссыльных.

Можно сказать, что государство в XVII в. создавало ряд условий для того, чтобы ссыльные занимались земледелием. Во-первых, особенностью ссылки XVII в. была немедленная приписка преступника в определённое сословие сразу же по прибытии его на место отбывания наказания, например ссыльный "на пашню" приписывался в "пашенные крестьяне". В "Отписке воеводы Иркутского..." от 1681 г. ссыльные именуется "ссыльные крестьяне", "ссыльные люди крестьяне" и, наконец, прямо "пашенные крестьяне", что, по-видимому, свидетельствует о причислении их в крестьянское сословие³. Об этом же свидетельствует фраза из "Грамоты Кузнецкому воеводе..." от 1648 г.: "... выдавать замуж за ссыльных людей за пашенных крестьян..."⁴. Вышесказанное позволяет достаточно уверенно предположить, что юридический статус ссыльного преступника, который ему обеспечивало государство, существенно не отличался от статуса пашенного крестьянина, не совершавшего преступлений. Ссыльный, прибыв в Сибирь, получал своеобразную "амнистию", что само по себе являлось неплохим условием для занятия честным трудом.

Существовали и экономические стимулы к земледельческой колонизации: ссыльный получал помощь от казны: "...а твоего государева жалованья дано им (ссыльным) в подмог на десятичную пашню, на лошадиную покупку и на всякий деревенский завод, на четь десятины по два рубли с полтиною, а всего дано им на две десятины двадцать рублей денег"⁵. Данное пособие именовалось "жалованьем", то есть, вероятно, оно было безвозмездным. Государство не бросало людей на произвол судьбы, но помощь оказывалась только при соблюдении одного жёсткого условия - обработки "государевой пашни", даже расчёт пособия вёлся, исходя из размеров именно этого участка. Следовательно,

ссыльный был вынужден заниматься земледелием, если хотел получить пособие, и тем самым вносил вклад в освоение региона. Таким образом, государство в XVII в. создавало условия, точнее заставляло ссыльных участвовать в решении колонизационных задач.

Неоднозначен ответ на вопрос о желании самого ссыльного заниматься земледелием. С одной стороны, очевидно, что преступник, оказавшийся в Сибири не по своей воле, к тому же познавший способ получения "лёгких денег", не склонен заниматься честным, но тяжёлым трудом. Но с другой стороны, особенности российского законодательства XVII в. заставляют взглянуть на ситуацию несколько иначе.

Во-первых, большинство преступлений, наказываемых ссылкой в XVII в., не относятся к разряду серьёзных тяжких деяний, совершенных закоренелыми преступниками. Соборное уложение 1649 г. карает ссылкой за хранение и курение табака, корчемство, уклонение от уплаты тягла, за более серьёзные деяния следовали и более суровые, чем ссылка, наказания⁶. Исходя из этого, можно предположить, что большинство ссыльных XVII в. не были до такой степени правдиво испорченными людьми, которые уже не способны к честному труду.

Немаловажной особенностью законодательства XVII в. являлось назначение ссылки не только самому преступнику, но и всем членам его семьи. То есть человек прибывал в Сибирь не один и был вынужден заботиться о семье, а значит, заниматься земледелием. Со всей ясностью особенности ситуации XVII в. проявляются в сравнении с более поздним периодом, в частности с XIX в., когда законодательство стало более справедливым и наказание нес только сам преступник, но государству уже было сложнее заставить одиночку обрабатывать землю или даже просто вести оседлую жизнь.

Таким образом, можно допустить, что именно в XVII в. среди ссыльных было больше, чем когда-либо, людей, если не горевших желанием, то хотя бы не имевших отвращения к земледельческому труду.

И наконец, следует рассмотреть отношение старожилов к ссыльным в XVII в. Источники позволяют отметить, что старожилое население Западной Сибири относилось к ссыльным довольно настороженно. Это проявлялось в нежелании старожилов выдавать своих дочерей замуж за ссыльных, что потребовало даже вмешательства государя. В "Грамоте Кузнецкому воеводе..." 1648 г. он под угрозой штрафа предписал: ...старым пашенным

крестьянам дочерей своих и племянниц выдавать замуж за ссыльных холостых людей..."⁷. Но, по-видимому, всё же нельзя говорить о жёсткой враждебности по отношению к ссыльным, так как для неё в XVII в. еще не было реальных оснований. Прежде всего, не было земельного голода, который создавали бы ссыльные в Сибири, что резко настроило бы против них старожилов. По данным П.А. Словцова, при общей численности русского населения Сибири к 1662 г. в 70 тыс. душ мужского пола ссыльных среди них насчитывалось 7400 душ⁸. Очевидно, что в этой ситуации нельзя говорить о земельном голоде. Следовательно, не было неизбежного антагонизма между ссыльными и сибирской крестьянской общиной, что создавало условия для вживания людей в новую среду.

Итак, можно отметить, что в XVII в. в Сибири существовали условия для участия ссыльных в земельной колонизации региона. Поэтому, не отрицая ведущей роли "вольной колонизации", вероятно, следует отметить определённый, если не значительный, то, во всяком случае, заметный вклад и "штрафной колонизации" в экономическое развитие Сибири.

Видимо, можно говорить о заметной роли ссыльных в земельном освоении Сибири и в XVIII в. В это время сложился комплекс условий, создавший основу для проведения "штрафной колонизации" с удовлетворительными результатами. Прежде всего, важно отметить, что в XVIII в. в основном прекратилась практика "распыления" ссыльных по всей территории Сибири, что наблюдалось на всём протяжении XVII в. Соответственно можно констатировать отказ государства от бесплодных попыток охватить земельной колонизацией силами ссыльных всё пространство региона. В XVIII в. политика "штрафной колонизации" с нарастающей силой начала проводиться именно в южной зоне Западной Сибири. Ярчайшим образом это проявилось с 60-х гг. XVIII в., когда основной поток ссыльных направлялся в означенную часть Западной Сибири, точнее говоря, ссыльные размещались в Омском, Ишимском, Курганском, Каинском, Томском и Тарском уездах.

Очевидно, что названные лесостепные регионы с их почвами и климатом более чем, например, районы Пелыма и Сургута, подходят для земельного освоения. П.А. Словцов дал наилучшую аттестацию почв Барабинской степи: "Почва тамошняя... по существу своего тучного состава она очень пригодна для хлебопашества". Районы, куда направлялся основной поток ссыльных в XVIII в., лежат между 55° и 58° северной широты, то есть в

климатической зоне, дававшей возможность выращивать все основные культуры: ячмень, рожь, даже пшеницу. Уровень агротехники XVIII в. не позволял выращивать в Сибири ячмень и рожь севернее 62°, а пшеницу - севернее 58°¹⁰. Следовательно, размещая ссыльных преимущественно в районах с лучшими в Западной Сибири условиями для земледелия, правительство создавало неплохую предпосылку для осуществления "штрафной колонизации".

Вторым важным фактором, обеспечивавшим участие определенной части ссыльных в земледельческом освоении Сибири, являлся состав ссыльных. В XVIII в. сложился довольно специфичный состав людей, сосланных на поселение в Сибирь: большую, если не подавляющую часть ссыльных составляли крестьяне, причём не совершившие серьёзных уголовных преступлений, то есть это были люди, привычные к хлебопашеству и не испытывавшие к этому занятию отвращения, характерного для закоренелых преступников. Подобный состав ссыльных сложился после выхода указа от 13 декабря 1760 г., по которому помещичьи и государственные крестьяне могли без суда ссылаться в Сибирь с формулировкой "за предрозостные поступки"¹¹. Необходимо подчеркнуть, что число ссыльных, названных помещиками преступниками, действительно впечатляет. Сибирский губернатор Чичерин доносил, что только в 1771 г. прошло на поселение 6000 человек и около 4000 ещё в пути¹². По данным Тобольской казённой палаты, в 1781 г. в Омском, Ишимском, Курганском, Каинском округах находилось 9624 души мужского пола "посельщиков" (как называли сосланных по воле помещиков), что составляло 12,5% русского населения этих мест. А в Томском и Тарском уездах в это же время проживала 3571 ревизская душа посельщиков¹³. Следовательно, эти люди даже численно являлись довольно мощной силой, способной внести вклад в освоение новых земель.

Не следует забывать, что названный указ предусматривал ссылку с семьей, что служило весомым стимулом к занятию земледелием.

И наконец, участию ссыльных в освоении новых территорий способствовало отсутствие земельного голода на юге Западной Сибири в XVIII в. Это устраняло почву для конфликтов со старожилами и способствовало адаптации ссыльных к новой среде.

Конечно же, не стоит идеализировать ссыльных XVIII в. и утверждать, что все они горели желанием участвовать в земледельческой колонизации, тем более после обязательного телесного

наказания и мучительно долгого пути в Сибирь, но нельзя отрицать и того, что в XVIII в. существовали условия для того, чтобы те, кто желал или не питал отвращения к сельскому труду, могли заняться земледелием. Всё это способствовало тому, что определенная часть ссыльных XVIII в. смогла внести свой вклад в земледельческое освоение Сибири.

В XIX в. ситуация начала в достаточной степени резко изменяться. Роль ссыльных в земледельческом освоении Сибири заметно ослабла, их вклад можно назвать незначительным. Подавляющее большинство ссыльных преступников в XIX в. не принимало участия в земледельческой колонизации. О неустройстве ссыльных, об их нежелании или невозможности по ряду причин нормально вести хозяйство говорят данные о наличном составе поселенцев. В 1832 г. в Каинском округе (Томская губерния) проверка показала наличие лишь 60,2% ссыльных от всех приписанных к округу, а в некоторых волостях налицо было лишь 46-50% состава ссыльных¹⁴. Трудно не согласиться с мнением Н.М. Ядринцева: "Нам предстает картина потерянного и неизвестно куда девавшегося народа, умершего или погибшего в бегах. Картина крайне неутешительная"¹⁵. В докладе Томского губернского правления 1831 г. содержится жёсткий вывод: "Безошибочно можно утверждать, что и двадцатая часть ссыльных не получила прочного водворения... Есть примеры, что некоторые из них расквашивались в своих поступках, делались добрыми хозяевами и достигали избыточного состояния. Но примеры сии весьма редки. Большая же часть... не только не делается добрыми хозяевами, но часто впадает вновь в преступление".

Власти пытались найти причины создавшегося положения. Легче всего было обвинить местное начальство: "Волостное начальство слишком ограничено для надлежащего за такими людьми надзора, земская полиция удалена и редко бывает на месте... некому внушить ссыльному необходимость улучшать своё хозяйство и радеть о земледелии" (1825 г.)¹⁶. "Волостные правления... не обращают внимание на поведение ссыльных, на то, чтоб они занимались работами и старались заводить домами. По большей части сии посельщики ведут праздную жизнь и к работам их никто не принуждает" (1830 г.). "В Волостных правлениях ведутся около 40 разных книг, и из них 5 данные от Экспедиций от ссыльных. Но они ведутся крайне небрежно... Волостное начальство не настаивает, чтобы ссыльные водворялись" (1858 г.)¹⁷. Представляется, что причины неучастия ссыльных в процессе земледельческой колонизации в XIX в. отнюдь не ис-

черпывались "перадением начальства". Очевидно, существовал целый комплекс факторов, приводивших к закреплению означенной ситуации.

Прежде всего, необходимо назвать особенности политики правительства в отношении ссыльных. Желая стимулировать занятие земледелием, государство в XIX в. расширяет объёмы льгот и помощи сосланным по сравнению с периодом ХУП-ХУШ вв. Сосланному на поселение полагалась ссуда на покупку семян, лошади, сельскохозяйственных орудий, размер которой определялся, исходя из сложившихся цен. Например, в 1830 г. в Томской губернии ссыльный получал сумму в 57 руб. 24 коп.¹⁸ Лошадь в 1829 г. стоила 20-30 руб., корова - около 12 руб. Надо учесть и льготы от податей, предусмотренные для ссыльнопоселенцев: первые 3 года человек освобождался от всех податей, следующие 7 лет платил половинный оклад подушных и оброчных денег, получал освобождение от рекрутской повинности на 20 лет (ст. 738 "Устава о ссыльных").

На первый взгляд названные меры действительно должны помочь человеку заняться честным трудом. Но фактический эффект был противоположным, так как пособия и льготы стимулировали иждивенческие настроения среди ссыльных. Дело в том, что получение ссуды и льгот в XIX в. жестко не обуславливалось обязательным занятием земледелием, во всяком случае, официальная делопроизводственная документация не содержала указаний на необходимость соблюдения данного условия, которое четко обозначалось в документах XVII в. и в меньшей степени XVIII в. Образно говоря, в XIX в. государство предоставляло помощь, чтобы ссыльный пахал землю, а в предшествовавшее время - только если ссыльный пахал землю. Таким образом, момент принуждения к занятию земледелием в XIX в. был устранён.

Другим немаловажным фактором отчуждения ссыльных от земледельческой колонизации был возникший именно в XIX в. конфликт со старожилым населением. Ссыльный в это время начал представлять угрозу экономическим интересам сибирской крестьянской общины, ущемляя её в земельном вопросе. Любому ссыльнопоселенцу по закону следовало выделить 15 десятин земли, пригодной под пашню. В Сибири действительно был запас свободных земель, но документы говорят о том, что он был отнюдь не безграничным и каждый ссыльный сокращал его. "Ежели положить, что и далее в Томскую губернию будут поступать на поселение по 2500 душ в год, то вся свободная земля, имеющаяся теперь при старожилых селениях и предназначенная

для водворения ссыльных, занята будет менее чем в 14 лет и тогда невозможно будет помещать поселенцев..." - таков вывод Томского губернского правления, изложенный в докладе 1 апреля 1830 г. Через несколько лет положение ещё более обострилось, доклад Томской экспедиции о ссыльных от 5 октября 1836 г.: "В Спасской волости не только нет свободной земли, но даже из тех 17 625 десятин, которые необходимы для приписанных уже поселенцев, есть только 3 547 десятин"¹⁹.

В данной ситуации можно объяснить враждебное отношение сибиряков к ссыльным, ведь каждый поселенец урезал тот фонд, из которого могли быть наделяемы дети и внуки крестьянина. Подобное отношение к ссыльному являлось претрудом к вживанию в новую для него среду и делало невозможным нормальное ведение хозяйства.

Понимая бесперспективность проведения политики "штрафной колонизации" при означенной позиции старожилов, государство нашло, казалось бы, верный выход - устройство так называемых "казённых поселений". В этих отдельных от старожилов поселениях ссыльным создавались, казалось бы, все условия для земледелия: им выдавались дом, инструмент, лошадь, семена и т.п. Кроме того, предоставлялись налоговые льготы. Но и эти "тепличные" условия не сработали, вскоре "казённые поселения" проявили свою несостоятельность и неспособность решать задачи земледельческой колонизации. В докладе смотрителя казённых поселений Каинского округа от 11 июля 1829 г. говорилось: "Поступило в оклад 266 душ ссыльных в казённых поселениях. В 1828 г. казначейство почтает недоимок за ними на 2 886 руб. 50 коп. Каковую сумму по расстройству поселенцев волостное начальство взыскать надежды не предвидит, ибо всему волостному обществу известно, что по крайней мере третья часть поселенцев находится в бегах, да под судом и в бродяжничестве не меньшее число, а домообзаводством обзавелись и упражняются в хлебопашестве 72 человека, кои только и могут оплачивать подати и повинности"²⁰. "Причина описанного положения, вероятно, кроется уже не во внешних силах, а во внутреннем психологическом состоянии ссыльных XIX в. Именно в XIX в. у подавляющего большинства из них отсутствовала мотивация к занятию не только земледелием, но и честным трудом вообще. Состав ссыльных в XIX в. существенно отличался от состава ссыльных в XVII-XVIII вв. Большинство ссыльных XIX в. были людьми, совершившими довольно серьёзные уголовные преступления, они уже познали способ получения "лёгких денег" и испытывали

отвращение к труду. Определённым образом на мировоззрение ссыльных повлияла "арестантская община", и в результате формировался человек, который, не стеснясь, на вопрос П.Ф. Якубовича: "Не лучше ли честно жить?" отвечал: "Это землю то есть пахать? Зёрнышко в землю положить, полтора вынуть? Нет, уж спасибо. Пускай честные этим занимаются!"¹. Данное заявление ярко иллюстрирует мировоззрение большинства этих людей.

Следует добавить, что в XIX в. отменена ссылка с семьей, и это справедливое решение обернулось тем, что был устранён ещё один стимул к занятию земледелием.

Таким образом, в XIX в. сложился комплекс факторов, тормозящих вовлечение ссыльных в процесс земледельческой колонизации (особенности льготной политики государства, состав ссыльных, отношение к ним старожилов). Именно в XIX в. политика "штрафной колонизации" ярчайшим образом проявила свою несостоятельность. Если в XVII - XVIII вв. существовали условия для достижения хоть каких-то результатов в проведении данного курса, что и позволяет, видимо, говорить о заметной роли ссыльных XVII-XVIII вв. в земледельческом освоении сибирского региона, то в XIX в. сложилась обстановка, не позволявшая даже надеяться на какой-либо значительный результат "штрафной колонизации".

В Северной Америке, в отличие от России, освоение новых территорий проходило без применения принудительного труда преступников, это связано, по-видимому, с изначальной ориентацией системы наказаний США на тюремное заключение. Отсутствие ссылки в системе наказаний позволило избежать соблазна использовать этот институт в целях колонизации, а значит, и уйти от множества проблем, связанных с необходимостью постоянно изыскивать способы повышения эффективности процесса освоения территории силами ссыльных, которые непрерывно и в основном безуспешно пытались решать правительство русского государства на протяжении XVII-XIX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1862. Т. 8. № 5.

² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1941. Т. 4. С. 60; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. № 562; Дополнения к актам историческим... С. 275.

- ³ Дополнения к актам историческим... Т. 8. №. 109.
- ⁴ Акты исторические... С. 60.
- ⁵ Дополнения к актам историческим... Т. 8. №. 109.
- ⁶ Российское законодательство X - XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 134, 204, 252.
- ⁷ Акты исторические... С. 60.
- ⁸ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 180.
- ⁹ История Сибири. Москва; Новосибирск, 1965. Т. 2. С. 189-190.
- ¹⁰ Словцов П.А. Указ. соч. Кн. 2. С. 160, 181.
- ¹¹ Российское законодательство X - XX вв. Т. 5. С. 498.
- ¹² Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири ХУШ - нач. ХХ в. Новосибирск, 1975. С. 46.
- ¹³ История Сибири. С. 189-190.
- ¹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Л. 346-354.
- ¹⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1882. С. 171.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 8. Л. 4. 149.
- ¹⁷ Там же. Л. 138; Ф. 3. Оп. 2. Д. 795. Л. 7.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 8. Л. 96.
- ¹⁹ Там же. Л. 95.
- ²⁰ Там же. Л. 96. 73.
- ²¹ Якубович П.Ф. В мире отверженных: Записки бывшего каторжника. М., 1933. С. 189.

M.P. Shabanov

THE ROLE OF THE EXILES IN SIBERIAN AGRICULTURE (THE 17th- 19th CENTURY)

Development of new territory - this complex process, having in each country characteristic features. In this process, as a rule, whole number of social groups participates with greater or smaller support of state. Probably, it is possible to ascertain the following peculiarity of process of development of Siberia by Russian population: in 17th-19th. The Russian government persistently tried to use for this purpose of the people, making this or that crimes. The similar policy can be named "penal colonization".

From the moment of occurrence in the end of 16th the exile in Siberia must to execute the whole number of functions. It permitted to

delete from central Russia criminals, but besides this kind of punishment was considered by state as a means for rural colonization of the east part of Russia. The colonization task is read even in name of one of kinds of the exile, existing in 17th "the exile for plug". The statement of this purpose was explained aspiration to supply the grain salary for state officials and army in Siberia.

That agricultural development of Siberia by forces of the exiled of criminals went let satisfactory, obviously, presence of the following conditions is necessary: the first, the state should create the legal and economic preconditions, that the exiled was busy just with honor labor, in this case by agriculture, secondly, desire of the criminal is absolutely necessary to carry out function assigned on him. And, at last, the relation between the local rural population and exiles should be though not hostile.

It is represented interesting to answer question: whether is allowable to speak about presence of above named conditions in 17th-19th, so whether it is possible to note the contribution of the exiles to agricultural development of Siberia. First of all, it is necessary to determine those districts of Western Siberia, where the exiled in 17th were directed., it will be the regions, where attempts "penal colonization" were undertaken.

By peculiarity of accommodation of the exiles in 17th, was the fact, that was not located region, designated by government as a place the exile. In this connection the exiled were directed practically to whole cities and forts of Western Siberia. Hence, it is possible to assume, that the whole territory of Western Siberia was region, where attempts of agricultural development by forces of the exiled were undertaken.

Peculiarity of the exile in 17th there was the immediate addition of a criminal in some estate at once after the arrival of him on the place of punishment, for example, the exiled "for plug" was attributed in "plug peasants". It permits rather confidently to assume, that the legal status of the exiled criminal, which to him the state provided, did not much differ from status of a peasant, not making of crimes. The exiles, having arrived in Siberia, received original "amnesty", that on self was good condition for employment of the honor labor.

Existed and economic stimulus to agricultural colonization: the exiled received the help from the state treasury. State not leave of the people on arbitrariness of fate, but the help was given only with one condition - processing of the "state land", even account of the size of a grant was depend on the sizes just of this site. Hence, the exiled was compelled to be busy with agriculture, if wanted to receive a grant, and by that brought in the contribution to development of region.

The answer to question on desire of the exiles is ambiguous to be busy with agriculture. On the one hand, it is obvious, that the criminal, appearing in Siberia not on will, besides he used to receive "easy money", is not declined to be busy honor, but hard, labor. But on the other hand, peculiarity of the Russian legislation of 17th force to look at situation a little bit otherwise. First, majority of crimes, punished by the exile in 17th, do not concern to category of heavy crimes, done by terrible criminals. The Sober Charter 1649 punished by the exile for keeping and smoking of tobacco, unlegal making a wine, evasion from taxis, for more serious crimes punishments were more severe, than the exile. Proceeding from it, it is possible to assume, that the majority of the exiled in 17th were not up to such degree the spoiled people, which are already not capable to honor labor.

The important peculiarity of the legislation of 17th was the assignment of the exile not only for criminal, but also for all members of his family. That is the person arrived in Siberia not one and was compelled to care of family, so to be busy with agriculture.

Thus, it is possible to admits that just in 17th among exiles was more, than ever, people, if not in great degree desire to be busy of the rural labor, then not having of disgust to this occupation.

It is necessary to consider the attitude of the local rural population to the exiles in 17th. It is impossible to speak about hard hostility in relation to the exiles, because for it in 17th there were no real basis. First of all, there was no ground famine, which was made by exiles in Siberia, that would sharply set up against them the local rural population.

So, it is possible to note, that in 17th in Siberia there were the conditions for participation of the exiled in the rural colonization of region.

Probably, it is possible to speak about appreciable role of the exiled in agricultural development of Siberia and in 18th. There was the complex of conditions, creating an a basis for conduction of "penal colonization" with satisfactory results. First of all, it is important to note, that in 18th the practice of "dispersion" of the exiles on whole territory of Siberia has basically stopped, that was observed on an extent of 17th accordingly, it is possible to ascertain a refusal of state from fruitless attempts to capture of rural colonization by forces of the exiled all space of region. In 18th the policy of the "penal colonization" with increasing force began to be carried out just in southern zone of Western Siberia. Regions, where a main flow of the exiled in 18th was directed, lay between 55 and 58 northern breadths, that is in that climatic zone, which permitted to grow all main cultures: barley,

rye, even wheat. Placing of the exiled mainly in regions with best in Western Siberia by conditions for agriculture, the government created good precondition for realization of "penal colonization".

The second important factor, ensuring participation of a part of the exiled in agricultural development of Siberia, was structure of the exiles. 18th there was the rather specific structure of the people, banished in exile in Siberia: large, if on overwhelming, part of the exiles were peasants, which did not make serious criminal offenses, that is it were the people, who are customary to agriculture and not testing to this occupation disgust. The similar structure of the exiles has developed after making of the decree of December 13 1760, on which private and the state peasants could without court refer in Siberia with formulation "for impertinent acts". It is not necessary to overlook, that the named decree provided the exile with family, that served as a stimulus to employ by agriculture.

And, at last, the participation of the exiled in development of new territories was promoted by absence of ground famine in the south of Western Siberia in 18th, it eliminated ground for conflicts with the local rural population and promoted adaptation of the exiled in the new environment,

Certainly, is not necessary to idealize the exiles of 18th and to assert, that all of them burned by desire to participate in the rural colonization, especially after compulsory corporal punishment and painfully long ways to Siberia, but it is impossible to deny, that in 18th there were the conditions that exiles, who desired or not disgust for agricultural labor could take up agriculture. It promoted that a part of the exiled in 18th could bring in contribution in agricultural development of Siberia.

In 19th the situation begins to change in sufficient degree sharply. A role of the exiled in agricultural development of Siberia became weak, their contribution is possible to name insignificant. The overwhelming majority of the exiled of criminals in 19th did not accept participation in the rural colonization. About bad life of the exiles, about their unwillingness or impossibility on number of the reasons normally make the rural work speak the data on cash structure of exiles. At 1832 in Kainsk district (Tomsk region) the check has shown presence only 60,2 % of the exiled from all attributed to the district, and in some villages presented only 46-50 % of exiles.

The authorities tried to find the reasons of a created situation. It was easiest to accuse local authorities. But there was whole complex, of the factors, resulting in fastening this situations.

First of all, it is necessary to name peculiarities of policy of gov-

ernment concerning exiles. Desiring to stimulate employment by agriculture, state in 19th expands the size of privileges and help for exiles in comparison with period of 17th-18th. On first sight, the named measures should really help the person to take up honor labor. But the actual effect was opposite, as a grant and the privileges stimulated laziness among the exiles. Reception of the loan and privileges in 19th was not caused by compulsory employment by agriculture, any case, official documentation did not contain the instructions on necessity of observance of the given condition, which was designated in documents of 17th and in smaller degree of 18th. Generally speaking, in 19th the state gave the help in order to the exiled plug the ground in future, and in previous time - only if the exiled plug the ground. Thus, moment of compulsion to employment by agriculture in 19th was lost.

Other important factor of alienation of the exiled from rural colonization was arising just in 19th was the conflict with local rural population. The exiled at this time began to represent threat to economic interests of Siberian country community, restraining it in ground question. It is possible to explain the hostile attitude of Siberian inhabitants to the exiled, you see, each exiles has cut down that fund, from which the children and grandsons of a peasant will receive the land in future. The similar attitude to exiled was an obstruction for him to living in new environment and made impossible normal running of a economy.

It is necessary to add, that in 19th the exile with the family was canceled and this fair decision has turned back by that was deleted the stimulus to employment agriculture.

Thus, in 19th there was the complex of the factors, braking participation of the exiled in process of rural colonization (peculiarity of preferential policy of state, structure of the exiled, attitude to them of native rural population). Just in 19th the policy of "penal colonization" has displayed inability to keep the agricultural development.

In Northern America, as against Russia, development of new territories passed without application of compulsory labor of criminals, it is connected, as appear, with orientation of system of punishments USA on prison conclusion. Absence of the reference in system of punishments has allowed to avoid temptation to use this institute for the purposes of colonization, and to leave from set of problems, which continuously tried to decide government of Russian state on extent 17th-19th.

ТЕХАС И ПРИАМУРЬЕ - ПРИМОРЬЕ: РЫВОК США И РОССИИ К "ТЕПЛЫМ МОРЯМ"

Сравнение механизма включения этих территорий в состав указанных стран может показаться натянутым: куда чаще сравнивают продвижение навстречу друг другу - к Тихому океану - русских землепроходцев в Сибири и американских "людей фронта". Однако в нашем случае кое в чем даже больше похожего: почти одна эпоха, то же восточное побережье страны (пусть для США - Атлантического, а для России - Тихого океана), земли у закрытых водных пространств (Мексиканский залив, Охотское и Японское моря), в обоих случаях отнимались земли у значительных по масштабам и признанных на международной арене государств. И США и Россия сделали территориальные приобретения незадолго до крушения у себя устаревших социальных институтов - рабовладения и крепостничества соответственно. Еще одно общее: на рубеже XIX-XX вв. обе страны на "южно-приморском" направлении отняли у соседей новые земли: США - Пуэрто-Рико и др., Россия - Ляодунский полуостров.

Совершенно разными мерками историческая наука СССР меряла успешную экспансию своей страны и подобные действия США. В течение десятилетий историки в СССР без скольких-нибудь серьезных расхождений и без заметных изменений оценок не столько защищали Мексику, сколько резко обличали США за весь процесс перехода в их руки бывшего мексиканского Техаса. Знали, конечно, что еще Испания, затем и независимая Мексика приглашали и наделяли землей североамериканских белых поселенцев с чернокожими рабами в глубоко ошибочном расчете на выгоду для себя, а когда мексиканские власти спохватились, то допустили не менее грубую ошибку, спровоцировав сепаратистские настроения в Техасе шараханьем от уступок к неудачному применению оружия. Знали, что часть коренных мексиканцев и индейцев поддерживает стремление техасских поселенцев уйти из-под мексиканской власти. Наконец, понимали, что главная причина американо-мексиканской войны 1846-1848 гг., в результате которой к США отошли Техас и ряд других мексиканских земель, состояла в стремлении правящих кругов Соединенных Штатов к захвату этих территорий.

Однако ничего этого советскому читателю - неспециалисту, видимо, знать не полагалось. В советских энциклопедиях всеячески делали упор на якобы насильственный захват техасских угодий североамериканскими рабовладельцами: "В 1836 г. провозгласил свою "независимость" Техас, в котором крупные земельные владения были в предшествующие годы захвачены рабовладельческими плантаторами из южных штатов США". А так стало выглядеть международное положение Техаса: "Рабовладельцы провозгласили Техас в 1836 г. "самостоятельной" республикой, находившейся фактически под господством США". Сугубо для краткости обратив взор на энциклопедии, уверяем, что антиамериканская направленность характерна даже для наиболее солидных монографий в СССР, касающихся американо-мексиканских отношений в 20-40-х гг. XIX в.³

Совершенно иное отношение историков Советского Союза к тому, что в середине XIX в. Россия основательно продвинула свои рубежи на Дальнем Востоке за счет земель, которые Китай в конце XVII в., располагая здесь военным превосходством, вынудил Россию договорно признать ей не принадлежащими, а недавно созданные здесь русскими опорные пункты - убрать. После резкого обострения двусторонних отношений в связи с начавшейся в Китае "культурной революцией" во второй половине 1960-х гг. советские историки писали: "К концу 50-х на повестку дня в русско-китайских отношениях встал вопрос о возвращении России территорий на Дальнем Востоке, временно утраченных ею по Нерчинскому договору 1689 г. Для постановки этого вопроса Россией имелись следующие основания..."⁴. Обратим внимание на стиль - "о возвращении" и "временно утраченных" - словно речь шла о русском Смоленске, который не раз оказывался под властью Речи Посполитой. В начале 1980-х годов такая же оценка применялась относительно присоединения к Российской империи нижнеамурских земель.

Автор ни в коей мере не антипатриот России, более того, в свое время отдавал дань коммунистическим амбициям Кремля глобального масштаба. Прекрасно осознаю, что после принятия Пекином принципиального решения отказаться от роли "младшего брата" в советско-китайском альянсе в КИП не могли не иметь место имперские антироссийские перехлесты той же государственно-пропагандистской природы, что и антикитайские перехлесты СССР, и что в рамках отнюдь не только "исторической" полемики из Москвы не могли не отвечать Пекину той же монетой.

Лишь в последние годы в России делаются попытки более-менее непредвзято оценивать не только китайскую, но и советскую государственную политику искажения исторической правды. Например: "В условиях обостряющегося конфликта китайские научные и научно-популярные публикации по пограничному вопросу и истории русско-китайских отношений были однозначно восприняты советской стороной как "научное подкрепление" китайским территориальным притязаниям". Соответствующая позиция руководства СССР вызвала острые публикации советских историков, носившее во многом, как и статьи китайских ученых-обществоведов того времени, отпечаток конфронтационного подхода"⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большая Советская Энциклопедия. М., 1950. Т. 2. С. 270.

² Там же. М., 1956. Т. 42. С. 381.

³ История США: В 4-х т. М., 1983. Т. 1. С. 340.

⁴ Новая история Китая. М., 1972. С. 1.

⁵ Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае (80-90 гг. 20 в.) // Российский научный фонд. Московское отделение. Научные доклады, 1994. № 23. С. 10-11.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВОЕНИЕ ФРОНТИРА
(американская и сибирская пресса и её роль в освоении
новых территорий)

Известно, что информационное освоение американского фронта осуществлялось вне жёсткого правительственного контроля и в большой степени способствовало развитию и укреплению институтов демократии. Газеты на американском Западе, отмечал Д. Бурстин, начинались как рекламные издания и постепенно превращались в источники новостей. Газеты, по оценке этого историка, росли не пропорционально численности населения, а исходя из активности поселенцев, опираясь на их инициативу. Уже в середине 80-х гг. XVIII в. первые печатные станки были переправлены через Аллегань. Издание газеты зачастую становилось первым предприятием в новых городах¹.

Отсутствие государственной поддержки, а нередко и подписки оставляло надежду лишь на предприимчивость издателей. Несмотря на то, что не все печатные издания "выживали", количество газет росло быстрыми темпами. Например, в Сан-Франциско всего за три года количество газет увеличилось с 1 до 12. В Миннесоте к концу 1857 г. более 40 городов и посёлков имели свои типографии. В Висконсине в сер. XIX в. действовало около 100 типографий, а в 23 городах этого штата выходило 42 печатных издания². Газеты издавались даже в небольших посёлках с числом жителей 700 человек.

Таким образом, уже в то далёкое время закладывалась ситуация, развитие которой привело к тому, что в XX в. четверть ежедневных газет, издававшихся в мире, приходилась на США. Особенно следует отметить развитие местной, штатной прессы. Из 1800 выходивших в стране в сер. XX в. ежедневных газет более 1500 издавались в городах с населением менее 100 тыс. человек. Развитие прессы способствовало достаточно быстрому приобретению новыми территориями статуса штатов.

Информационное освоение Сибирской границы осуществлялось в иных политических условиях. До конца XVIII в. печатные издания поступали в Сибирь, как правило, из Центральной России. Лишь через 200 лет после похода Ермака, в 1789 г., вследствие известного указа Екатерины II о вольных типографиях (1783г.) в Сибири появилась первая типография. Однако уже че-

рез семь лет, в соответствии с правительственным распоряжением о запрещении деятельности вольных издательств, она перестала существовать.

До середины XIX в. Сибирь не имела своей периодической печати. Только в 1857 г. стали издаваться казённые газеты в губернских городах (Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске и т.п.). В это же время зарождалась частная сибирская пресса. Однако крупных неправительственных изданий были считанные единицы, это иркутская газета "Сибирь" (1875-1887 гг.), "Сибирская газета" в Томске (1881-1888 гг.), "Восточное обозрение" в Иркутске (1882-1906 гг.). Все они под разными предлогами были закрыты правительством¹.

Конец XIX в. - начало XX в. отмечен подъёмом политической и социальной активности населения, что отразилось на росте и расширении сети периодических изданий. В 1913 г. в Сибири издавалось 86 газет и 31 журнал¹.

Победа и утверждение коммунистов у власти обусловили упразднение частной прессы. За годы советской власти была создана государственная система периодической печати, хорошо структурированная и иерархично выстроенная. К 70-м гг. пресса стала весьма отлаженным механизмом советской региональной политики. К этому времени население Западно-Сибирского региона насчитывало немногим более 12 млн. человек⁵. Местные организации коммунистической партии, составлявшие чуть более 5% общей численности населения, располагали почти 400 печатными органами. По количеству газет и их тиражам Западно-Сибирский район занимал соответственно 5-е и 6-е места среди регионов РСФСР и 1-е место - среди районов Сибири и Дальнего Востока⁶. В редакциях местных газет сотрудничали 2850 штатных журналистов⁷.

В связи с особой ролью региона ЦК и местные органы КПСС разрешили здесь издание новых газет, и их общее число достигло к середине 70-х гг. 430, причём третья часть новых изданий приходилась на Тюменскую область, там же более чем на половину выросли тиражи местной печати, тогда как по региону их рост составил 29%, а по стране - 15,5%.

Как правило в каждой области выходили 2-3 областные и городские газеты, несколько десятков районных и многотиражных заводских газет. Партийные организации стремились шире распространять периодику через подписку, наибольший рост которой также отмечался в Тюменской области (27,3%), Кемеровской (23,5%) и Омской областях (22,8%)⁸.

Следует отметить, что печать рассматривалась исключительно как средство партийно-политической, идеологической и организационной работы партийных комитетов и информационное освоение края подчинялось задаче социалистического строительства и коммунистического воспитания трудящихся.

Печать находилась под жёстким партийным контролем. На заседаниях бюро областных, краевых и городских комитетов партии систематически рассматривались вопросы руководства средствами массовой информации. Большое внимание уделялось подготовке, переподготовке, воспитанию журналистских кадров, совершенствованию сети периодических изданий, регулированию тиражности газет, утверждению тематических планов редакций. На особо важные участки направлялись временные редколлегии, которые готовили и выпускали газеты-листочки, такие, например, как "Тюменская правда" на газовом комплексе "Медвежье", "Тюменская правда" на Самотлоре", "Красное знамя" на строительстве нефтепровода Александровское - Томск - Анжеро-Судженск, "Кузбасс" на Запсибе и др.

Судя по документам, парткомы не видели особого смысла в значительном расширении средств массовой информации, они всё чаще ставили вопросы повышения действенности уже имевшихся печатных изданий. Причём отсутствие рынка, монополия государства на издание печатной продукции, отсутствие свободы прессы и закона о печати не могли не повлиять на содержание понятия "действенность печати", подразумевавшего достижение непосредственного результата вследствие выступления газеты. От редакционных коллективов требовали организационной работы журналистов и актива после газетных публикаций. Традиционными становились рубрики "По следам наших выступлений", "После критики", "Возвращаясь к напечатанному" и т.п. При редакциях открывались общественные приёмные, принимавшие население по различным вопросам, и, следует отметить, это был реальный канал связи газетчиков с населением.

Неизменным требованием парткомов оставалось развитие рабселькоровского движения. Зачастую усилия журналистов расстрачивались на "организацию материалов общественных авторов", всё шире практиковалось "заавторство". Однако в единичных случаях поддержка редакций приводила к тому, что из рабочих корреспондентов вырастали настоящие профессионалы-журналисты. Показательна в этом отношении судьба токаря томского завода "Сибэлектромотор", лауреата премии Союза журналистов СССР В.И. Сомова.

Большие надежды возлагались на печать как на организатора социалистического соревнования, пропагандиста передового опыта, борца с нарушителями дисциплины труда. Так, в областной газете "Красное знамя" (Томск) около 40 % передовых статей были посвящены вопросам организации соревнования, в кемеровской газете "Кузбасс" - около 30 %⁹. Много усилий было потрачено на распространение соревнования "по личным комплексным планам повышения производительности труда", "из отстающих - в передовые", в центре внимания было соперничество бригад лесозаготовителей, горняков, строителей и т.д. Вместе с тем на страницах газет появлялось немало "сделанных" журналистами починков. Иногда дело доходило до абсурда, когда написанное корреспондентами "письмо передовиков производства" об очередном начинании даже не согласовывалось с его мнимыми авторами.

Таким образом, нельзя отбрасывать значение прессы в развитии соревновательности трудовых коллективов, однако многие вопросы приходилось решать средствами, чуждыми ей как общественному институту. Сведя роль печати к экономическому вестнику, к некоему подручному средству парторганов, парткомы не допускали серьёзной и глубокой политической информации, аналитических материалов о социалистическом соревновании. Скрытыми оставались проблемы коренных народов Сибири, симптомы социального недомогания в посёлках "покорителей Севера", реальные корни бесхозяйственности, экологические вопросы, распределение доходов, которые получала страна от продажи сибирской нефти и газа, и т.п.

Профессиональный состав журналистов региона оставлял желать лучшего. Лишь около 50 % редакционных работников имели высшее образование и лишь 9-18 % - специальное, журналистское¹⁰.

Особенно неблагоприятным было положение с кадрами в районной и заводской печати. Исключение составляли редакции северных районов Тюменской области. Партийные комитеты изыскивали возможности укрепления их выпускниками вузов. В Ханты-Мансийском национальном округе более 60% газетчиков имели высшее образование, в том числе - около 60% специальное, журналистское. В ямало-ненецкой окружной газете "Красный Север" сотрудников с высшим образованием было 66,6%, а в редакциях нижевартовской и сургутской газет - более 80 %¹¹.

Для большинства редакций сохранялась проблема закрепления кадров. Нередки были случаи, когда редакции, особенно рай-

онных газет, обновлялись полностью в течение года. Низкий профессионализм, отсутствие нормальных бытовых и производственных условий, жёсткий партийный контроль подпитывали это явление. Политические условия не благоприятствовали росту престижа журналистского труда.

Таким образом, пресса советской Сибири являлась важнейшим каналом коммунистического воспитания. Проблему информационного освоения региона ей приходится решать в посткоммунистическое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М., 1993. С. 163-174.

² Там же. С. 170-171.

³ История Сибири. Москва: Новосибирск, 1965. Т. 2. С. 332, 495; Т. 3. С. 390.

⁴ Там же. Т. 3. С. 396.

⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. М., 1971. С. 16-17.

⁶ Печать СССР в 1971 г. М., 1972. С. 182-184.

⁷ Союз журналистов СССР между III и IV съездами. М., 1977. С. 222-223.

⁸ Печать СССР в 1975 г. М., 1976. С. 7.

⁹ Кузбасс (Кемерово). 1975. 5 марта; Омская областная партийная организация в IX пятилетке. Омск, 1976. С. 1-7; Блокнот агитатора (Тюмень). 1975. № 7. С. 21.

¹⁰ Подсчитано автором по фондам партийных архивов.

¹¹ Подсчитано автором по фондам партийного архива Тюменского обкома КПСС.

РАЗДЕЛ II

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ОСВОЕНИИ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

О.Н. Бахтина
Томский госуниверситет

КНИГА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ПЕРЕСЕЛЕНЦА В СИБИРЬ (на материале старообрядческой книжности Сибири)*

Роль и значение старообрядцев в освоении сибирских земель русским населением изучены еще недостаточно, хотя известно, что уже в XVII в. их было много в Сибири¹. Не случайно в начале XVIII в. Петр I издал специальный указ, запрещающий ссылку туда раскольников². Благодаря исследованиям новосибирских археографов, сегодня можно более или менее детально представить пути миграции старообрядцев из Центральной и Северной России в Сибирь. Гонимые законом, они часто уходили от преследований в глухие районы тайги (в том числе и томской тайги) и, таким образом, становились первопроходцами. Религиозные мотивы ухода в новые земли естественно пересекались с социально-политическими, но значительно реже - с чисто экономическими, хотя старообрядцы на сибирском Севере жили крепко, приспособлявая земледелие и огородничество к суровым условиям края. В старообрядческих скитах большое место уделялось хозяйственной деятельности: охоте, рыболовству, изготовлению посуды, обуви, одежды и т.д. При этом они старались сохранить свой традиционный бытовой уклад и, самое главное, традиции в духовной жизни. Около старообрядческих скитов в тайге часто появлялись небольшие поселения и заимки, чему способствовало и то, что многие русские старожилы в Сибири также придерживались прежней веры. Русская культура, перенимая у коренного населения кое-что из способов хозяйствования, в то же время сохраняла свою сущность, не смешиваясь с культурой хантов и селькупов. Основой духовной культуры любого народа является вера. Старообрядцы в Сибири стремились сохранить и сохраняли основы православия, религиозность в целом была теснейшим образом соединена со всем укладом жизни русского крестьянина.

"Уцерковление" начиналось с первых дней жизни человека его крещением и заканчивалось отпеванием после смерти. Именно в крестьянской среде сформировалось бережливое отношение к труду как исполнению долга перед Богом. Верующий человек не мог плохо хозяйничать на земле, потому что Земля была созданием Божиим, которое необходимо сохранять и за которое следовало благодарить Творца в ежедневных молитвах.

Особое отношение в крестьянской среде было и к книге, оно сохранилось и у переселенцев. "Одно из самых больших заблуждений относительно старой деревни - представление о неграмотности крестьян, об их оторванности от книжной культуры"³. Действительно, как показывают современные исследования, крестьяне знали, ценили и любили книгу, хотя порой и скрывали свою грамотность⁴. Объективным источником, свидетельствующим о жизни книги в крестьянской среде, являются старообрядческие библиотеки, владельческие записи и вкладные, читательские пометы на книгах, в которых содержатся данные о принадлежности книги и о характере ее чтения.

Например, "Сия книга Новгородской губернии Ялуторовской округи... села Нозина крестьянина Стелена Багатова. Списал его сыну родному Степан Багатов"; или: "сия книга крестьянина Гобольской губернии Ялуторовской округи Шитровской волости и села Петра Степанова Собенина..."; или: "Сие принадлежит Гороховской округи села Красного крестьянина Григория Иванова сына Трусова оное патерик"⁵; или: "Лета 7170 (1662) февраля в 15 день дал сию книгу, глаголемую Маргарит ... души их поминати на панихидах и за пресвитерами... и на литургиях и во всяко время вне же молитв к Богу во царствии небесном помазуй бо мастию благоуханною друга своего сам благоуханием, а кто сию книгу глаголемую Маргарит восхочет взяти имяиуя своюю да убоитца святым Духом реченного словеси..."; или: "Лета 7152 (1644) году августа в 4 день заволоцкие стрельцы Семенова праказу Понтелеевича Дубровина пятидесятники и десятники и все рядовые двести пятьдесят человек отдали сию книгу глаголемый Апостол под Заволочьем в Новгородском стану в дом Николы чудотворцу на устьи Великой реки на мельнице по своей души и по своих родителей впрок безотнимочно. А подписал сию книгу глаголемый Апостол Заволоцкой Преображенской церковной диячок Баска Андреев по их велению"; или: "Книжица сия достохвальная (Иоанн Златоуст. О священстве.) только перевод с оригинала не слишком ясен. Милостивому государю батюшки Анисиму. Читал сию книгу села Каркадинова церкви Иерусалим-

ская Божия Матери недостойный священник Иоанн Мелодиив месяца декабря 1825 года".

Многие исследователи отмечают, что основу крестьянского чтения составляет духовная литература. М.М. Громыко приводит архивные данные, поступившие в 1898 г. в Бюро Тенишева из разных мест. Крестьяне читали Евангелие на русском языке, жития святых. Из житийной литературы наиболее распространенными были Страдания св. Мучеников Киприана и Юстины, Житие св. Евстафия Плакиды, Житие и чудеса св. Иоанна, епископа Новгородского, Житие св. Мучеников Гурия, Соймона и Авива. Читали творения отцов церкви - Ефрема Сирина, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Гихона Задонского, молитвенники, святцы и т.д. Корреспонденты статистического отделения Владимирской земской управы собрали также 283 ответа на вопрос о том, какие книги находят "полезными и желательными" сами сельские жители. Результат анкеты в процентах: "божественные" книги - 60,8; сельскохозяйственные - 17,9; исторические - 11,5; повести и рассказы - 3,6; сказки, и прибаутки - 2,2; "ремесленные" - 1,1; учебные - 1,1; прочие - 1,8. Молодежь увлекалась светскими произведениями, особенно историческими сочинениями⁶. Об этом писала и Е. К. Ромодановская в связи с изучением круга чтения русских переселенцев в Сибирь в XVII в.⁷

Приведенные данные несомненно свидетельствуют, что в крестьянской среде всегда сохранялось серьезное отношение к книге как источнику мудрости, истинного знания, кладезь вечных ценностей. Такое отношение к книге характерно для православия вообще. Не случайно и в древнерусской литературе так широко была представлена учительная литература. В.П. Адрианова-Перетц в своем исследовании "Человек в учительной литературе Древней Руси" подчеркивала, что эта литература оказывалась, как это ни парадоксально на первый взгляд, ближе к жизни, чем любая другая. "Эта литература заглядывала в самые сокровенные уголки души человека. Она тоже учила должному и предостерегала от недостойных поступков, но учила, пристально вглядываясь в действительность..."⁸. Иван Ивин, также изучавший круг чтения человека из народа, бывший сам из крестьян, отмечал, что в народе всегда существовал серьезный взгляд на книгу. Он разделял духовно-нравственную литературу, литературу вечных идеалов, которую в большинстве своем и читал народ, и художественную. "Наши изящные авторы творили под влиянием болезненных общественных явлений, непонятных народу... для народа

прежде всего нужны духовные книги, без коих он никогда не обходился и не обходится, а затем такие, которые вызываются потребностью самой жизни"⁹.

В силу этой традиции закономерно, что и в среде русских переселенцев в Сибири должны были быть книги. Это и подтвердило в 60-е г. XX в. археографическое открытие Сибири, когда "оказалось, - как писал Д.С. Лихачев, что русские переселенцы везли с собой наряду с самым необходимым для первоначального своего устройства книги, книги и книги, а затем в своей многогрудной жизни на новых землях усиленно занимались перепиской книг и созданием своей собственной новой крестьянской литературы"¹⁰.

Н.Н. Покровский, подробнейшим образом исследовавший историю сибирского старообрядчества в XVIII в., отмечает в крестьянской литературе этого времени глубокую связь между крестьянским побегом и традициями пустынножительства, имевшими раннехристианскую основу и разрабатываемыми в творениях крупнейших писателей первых веков христианства¹¹. Идеи ухода из греховного мира в безмолвный храм природы, прокормления трудами рук своих и т.д., безусловно, были близки беглецам в глухую таежную Сибирь. Приводя описание пустыни (старообрядческого скита), Н.Н. Покровский пишет о соответствии их византийскому канону: "Безлюдье, величественная и прекрасная природа, неизбежно настраивающая обитателя одинокой кельи на созерцательный лад..."¹². Закономерно, что в рукописных сборниках крестьянской старообрядческой литературы мы встречаем традиционных авторов византийской и древнерусской литературы, выписки из сочинений отцов церкви (например, состав сборников ИБ ТГУ, ОРК, В-5406, В-5691, В-5576).

Основываясь на этих традициях, старообрядцы создавали и оригинальные произведения различных жанров, но прежде всего это послания, полемические сочинения по догматике, жития, истории согласий и т.д. В целом эта крестьянская литература представляет нам напряженнейшую атмосферу духовных исканий русского народа.

О теснейшей связи старообрядчества с крестьянской литературой писал в 60-е гг. XX в. В.И. Малышев, изучая письменность Усть-Цилемского края. Он первый начал собирать и описывать это огромное рукописное наследие¹³. Показательно следующее замечание В.И. Малышева: "Прочно державшееся в Усть-Цилемском крае старообрядчество поддерживало интерес к рукописной книге"¹⁴, благодаря чему к началу XX в. весь реперту-

ар читаемых старообрядцами книг практически сохранился и свидетельствует о широких интересах читателей: кроме произведений древнерусской и старообрядческой литературы, встречаются и переводы западноевропейских сборников, и лубок, и исторические сочинения нового времени, и собственные сочинения книжников нижней Печоры.

Таким образом, старообрядческие центры действительно играли большую роль в распространении и формировании книжной культуры крестьянского населения Сибирского края. Самое главное - старообрядцы сохраняли особое отношение к книге, чтению ее как "фундаменту освоения мира в нравственных категориях", необходимому акту нравственного становления человека. Так же как древнерусский книжник, старообрядец видел спасение человека, его души не в слепой вере, а в "рассмотрении", в "разуме". "Чтение старообрядца - это попытка и путь гармонизировать свои отношения и с "миром земным", и с "миром божественных существ". А образец этого идеального мироустройства складывается в процессе освоения той культурной традиции, того культурного опыта духовных предшественников, который кумулируется исключительно в книгах"¹⁵.

Показательным примером работы с книгой является библиотека сибирского старообрядческого книжника А.Н. Нифантова, хранящаяся в настоящее время в Томском областном историко-архитектурном музее и насчитывающая 26 книг (XVI-XX вв.). Эта библиотека крестьянина-старообрядца поморского согласия свидетельствует о глубоком и внимательном прочтении книг владельцем, так, они имеют многочисленные (до 300 в одной книге) разнообразные пометы. В библиотеке преобладают книги "душеполезного чтения". Это сочинения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Учительное евангелие, Добролюбие, Книга о вере и другие.

Например, "Книга о вере" - памятник литературы XVII в., сложной и переломной эпохи в жизни России. "Книга о вере" очень популярна в православной среде вообще. Это сборник догматических статей, написанных в разное время и в разных местах по поводу униатского отступления русской церкви. "Книга о вере" была издана в 1648 г. Московским печатным двором по инициативе царя Алексея Михайловича и его духовника Стефана Вонифатьева. Эта книга является обязательной в доме каждого грамотного старообрядца. В экземпляре "Книги о вере", принадлежавшем А.Н. Нифантову, есть пометы на полях и в тексте, они многочисленны и разнообразны. Наиболее часто встречаются

слово "зри", рука с указующим перстом, отчеркивания и подчеркивания красным, синим, простым карандашами, красной и черной тушью. Видимо, владелец книги обращался к ней неоднократно и в разное время. Наибольшее количество помет (24) в главе "О юнитах". Для А.Н. Нифантова уния означала отступление от веры истинной. В этой главе особой круглой печаткой, сделанной красной тушью, А.Н. Нифантов отмечает наиболее важные для него в смысловом отношении куски текста. Например: "Злою, нехристианскою проповедью преспевали (о римских духовных лицах)... удаляхуся от людей... великое множество молодых детей без крещения, больных без причащения и умерших без погребения было...". Или: "Чудо что Господь Бог русскую землю в веру христианскую привести благословен... чудо что тот же Бог разоренную от отступников церкви русской земли святыню вознести благословен..." и т.д. В целом работа с книгами А.Н. Нифантова подтверждает наблюдения других исследователей о стремлении крестьян-старообрядцев сознательно определить для себя истину, которая и обеспечивала бы уверенность, душевное спокойствие, глубокую нравственную силу.

Не случайно русские переселенцы в далекую Сибирь везли с собой книги, "многопудовую книжную кладь". Они видели в них основу сохранения и развития своего духовного, нравственного здоровья, что было важнейшим условием освоения далекого сурового края.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 96-01-00364.

¹ Бардина П.Е. О роли старообрядцев в русском освоении Сибири //Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 64-67.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. С. 513.

³ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 272.

⁴ См.: Бахрушин С.В. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке //Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII веке. М.; Л., 1951. С. 90.

⁵ См. подобные примеры в кн.: Старопечатные книги Гомского историко-архитектурного музея: Каталог /Сост. О.П. Бахтина. Новосибирск, 1996. С. 82, 86, 108 и др.

⁶ Громько М.М. Указ. соч. С. 300.

⁷ Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973. С. 10-30.

⁸ Адрианова-Перетц В.П. Человек в учительной литературе Древней Руси //Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л., 1972. Т. 27. С. 3-68.

⁹ Иван И. О народно-лубочной литературе. К вопросу о том, что читает народ (Из наблюдений крестьянина над чтением в деревне) //Русское обозрение. 1893. № 9-10.

¹⁰ Лихачев Д.С. Археографическое открытие Сибири //Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 3.

¹¹ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест уралосибирских крестьян старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

¹² Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири в XVIII в. //Крестьянство Сибири XVIII - нач. XX в.: Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975. С. 23.

¹³ Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники ХУI-XX вв. Сыктывкар, 1960.

¹⁴ Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописи ХУП - XX вв. //ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 564.

¹⁵ Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература: к проблеме типологии чтения //Археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 39.

**THE BOOK AS A GUARDIAN OF EVERLASTING VALUES
FOR THE FRONTIER MAN**

There was a particular attitude to the book among peasants. "One of the biggest delusion regarding the ancient village is an idea about the illiteracy of peasants about their isolation from the literary culture"¹. Indeed, according to the latest researches, peasants knew and loved the book though sometimes concealed their literacy. The possessors nodes on the books in which can be found an information about the belonging of the book and about its reading are an objective source showing the book's life in peasant environment.

Russian settlers in Siberia took their books with them. That fact was proved in the 1960s by the archeographic discovery of Siberia, when "it turned out - as D.S. Lihachev wrote - that together with the most important things for their primary arranging, Russia settlers carried with them books, books and books, and then during their difficult life on new lands, were occupied with copying the books and with creation of their ownnew peasants literature"².

By the beginning of the 20th century all the repertoire of the books which were read remained. Their themes and problems give an evidence of the wide interests of readers from peasants, besides, the works of old Russian and oldbelievers' literature we can also meet the translated anthologies of western European literature, popular prints, historical works of new times and works of the booklovers.

In reality the oldbelievers' centers played an important role in spreading and forming the literary culture of peasant population of the Siberia lands.

¹ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 272.

² Лихачев Д.С. Археографическое открытие Сибири //Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 3.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ И СИБИРИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ¹

Раскол русской православной церкви имеет более чем трехсотлетнюю историю. Он давно перерос рамки исключительно догматических разногласий и превратил старообрядческое население в особую культурную общность, сохраняющую свои отличительные черты и по сей день. Проявление историко-культурной специфики старообрядческих общин прослеживается на самых разных уровнях: как в различиях между постройками старообрядцев и их соседей¹, так и в оценке старообрядцами и сибиряками, считающими себя православными, современных политических событий².

Общепризнанна роль старообрядцев как собирателей и хранителей древнерусской книжности, причем старообрядческие собрания рукописных и старопечатных книг находятся в постоянном обращении внутри конфессионального сообщества, активно читаются, изучаются и комментируются. В архиве археографической экспедиции Томского университета находится копия письма с просьбой выслать книгу (автор письма - старец Киприан, живший в районе с. Красный Яр Томской области): "...Пишу тебе, я вот что хочю сестрица моя может бы вы мне одолжили на времичко книги почитать гранографа (Хронограф. - Е.Д.), мне очень охота почитать, посылочкой бы выслали, а потом бы мы обратно вам выслали господь даст почитали бы мы и обратно вам отослали мне как в жар пить хочется так охота почитать не важно как бы оно плохо не написана ходь бы я поглядел бы господь бы дал мне на старость утешение..."³. Наверное, не поддаются исчислению все сборники выписок и поучений о пользе чтения, составленные в старообрядческой среде.

Но не менее важно значение староверия как носителя некоторых ментальных установок русского средневековья. Это позволяет исследователям не только подойти к проблеме самосознания человека прошедших исторических эпох, но и проследить функционирование механизма культурного наследования в традиционном обществе, поскольку вся история раскола связана с хранением и передачей традиции.

Именно поэтому староверие нередко трактовалось как сугубо консервативное явление русской культуры. В то же время исследование истории старообрядчества позволяет несколько уточнить этот тезис. Столь долгое сохранение старообрядческими общинами религиозной и культурной инаковости было бы проблематичным, если бы староверие не обладало рядом существенных, смыслообразующих признаков. Во-первых, речь идет о возрождении утраченной традиции без видимой непосредственной связи с прошлым, во-вторых, о гибком сочетании традиций и новаций как в области догматики, так и в сфере бытового поведения. Многими исследователями справедливо отмечается, что проникновение "новин" в значимые сферы жизни протекает по-разному в старообрядческих согласиях и толках. Каждое из направлений староверия (независимо от места проживания его представителей) предлагает непохожие пути выживания "древлего благочестия" с обусловленными историей согласия, отличными друг от друга способами аргументации. Поэтому общую картину истории раскола может составить лишь история отдельных его течений, которые существуют в разных географических регионах.

Провести историко-культурное сравнение старообрядческих поселений Сибири и США позволяют, во-первых, мощная отечественная традиция изучения старообрядчества, представленная именами А.П. Шапова, А. Пругавина, П.Н. Покровского, А.И. Клибанова, К.В. Чистова, Н.С. Гурьяновой, А.И. Мальцева и многих других⁴; во-вторых, исследования американских ученых Р. Морриса, Р. Робсона, результаты которых опубликованы в материалах международного симпозиума 1990 г. в Новосибирске, посвященного проблемам истории и культуры старообрядческих поселений на разных континентах⁵; в-третьих, документы по истории старообрядческих поселений, которые хранятся сегодня в фондах томских архивов (ГАТО, ТОЦХДНИ), и материалы археографической экспедиции Томского университета, которая ведет обследование старообрядческого населения Томской области.

Старообрядцы и Сибири и Америки являются населением пришлым. Первый отток старообрядцев из европейской части России на окраины страны и за рубеж произошел в конце XVII в., когда во время правления царевны Софьи Алексеевны в 1685 г. были приняты так называемые "12 статей". В результате, религиозная дискриминация последователей "старой веры" вылилась в массовые казни и преследования. В последующие царствования династии Романовых гонения на старообрядцев были более или менее постоянны, соответственно продолжалось расселение ста-

рообрядцев на территории Сибири, на Кавказе, в Европе, Азии и Америке.

Вследствие удаленности американского континента проникновение сюда старообрядцев начинается довольно поздно - лишь во второй половине XIX в. Несмотря на то, что старообрядцы, приехавшие в Сибирь, и старообрядцы, приехавшие в Америку, попали в разные условия проживания (оказались различными языковая среда, уровень жизни и тип мышления окружающих их людей), но в самом механизме расселения староверов на территориях США и Сибири наблюдается немало сходных черт.

И в Сибирь и в Америку приезжали старообрядцы, не составлявшие единой компактной группы, они были родом из разных мест и принадлежали к различным направлениям староверия. Довольно часто старообрядцы переселялись к уже существовавшим колониям родственников и единоверцев, предварительно установив контакты, чаще всего по неофициальным каналам. В Сибири, особенно это касается малозаселенных территорий, старообрядцы селились в отдалении от основных транспортных и водных путей. Часть таких заимок на территории Томской области существует и по сей день. Нам неизвестны аналогичные формы поселений староверов в США.

По мнению Р. Морриса, сохранению традиционного уклада в старообрядческих общинах способствовали расселение в глухих местах и сведение контактов с окружающим миром до минимума. Действительно, доминантой любого старообрядческого верования является убеждение в правильности собственной веры, провозглашается и доказывается отличие своей модели поведения от действий представителей «антихристового мира». Причем перечень явлений и предметов, которые принадлежат к «миру антихриста», значительно варьируется в зависимости от радикальности старообрядческого согласия и толка. Например, в странническом согласии, которое считается одним из самых радикальных направлений староверия, во второй половине XX в. обсуждались вопросы: можно ли «истинным православным христианам странствующим» ездить в общественном транспорте, употреблять в пищу продукты, купленные в магазине, и т.д.⁶

Любое старообрядческое согласие в идеале стремится к абсолютной замкнутости. Но далеко не всегда идеальные конструкции удается сохранить в реальной жизни. Поэтому весьма важным представляется рассмотрение вопроса о том, что именно в быту и вероучении старообрядцы пытаются сохранить в «первозданном виде», а что считают возможным приспособить к

современной жизни. И здесь старообрядческие общины должны решить актуальную для себя проблему: как соблюсти равновесие в отношениях с окружающим миром. Современные теоретики старообрядчества прекрасно понимают, что абсолютная замкнутость неизбежно ведет к культурной стагнации либо к физическому самоуничтожению, излишняя же открытость угрожает потерей культурной самобытности.

Следовательно, для старообрядцев, живущих и в Сибири и в США, при всем различии их образа жизни и окружения главным вопросом остается сохранение культурных традиций.

Существует несколько уровней, которые в состоянии обеспечить преемственность поколений и культуры в целом⁷. В первую очередь это человек с его знаниями, формами общения, индивидуальными характеристиками, хозяйственными навыками. История старообрядчества знает немало доказательств тому, как пример одного человека обращал в веру и укреплял убеждения многих.

Второй уровень, обеспечивающий передачу традиций, предполагает регулярные культурные контакты и связи. Томским археографам нередко приходится слышать о том, что добровольная хозяйственная помощь старообрядческой общине со стороны местного населения и даже представителей власти приводила последних к обращению в веру. Наиболее интересным в этом смысле является рассказ жителей с. Пчелка Бакчарского района о Ф.Г. Соколове, бывшем председателем колхоза в годы Отечественной войны и ушедшем в общину старообрядцев-странников в преклонном возрасте⁸. Жители с. Новоселово Колпашевского района убеждены, что семья Тиуновых, переселившаяся в тайгу в конце 30-х гг. XX в., приняла "старую веру" только потому, что жившие там старообрядцы дали им семян⁹. Иными словами, первоначальным толчком стали хозяйственные потребности семьи, которая не выдержала бы собственной вынужденной изоляции, но в дальнейшем материальная выгода отступила на второй план, и старшее поколение семьи Тиуновых в 80-е гг. было известно томским археографам как убежденные и искренне верующие люди.

Третий уровень, на котором идет передача культурного наследия и опыта, представлен некоторыми институтами и идеями. Совместные богослужения и обрядовая практика являют собой исключительную возможность для обучения молодого поколения и неопитов. Особо следует сказать об институте брака. Как считает Р. Робсон, для старообрядцев поморского согласия в Пен-

сильвании браки долгое время были главным способом для ограничения контактов с внешним миром. Если старообрядец вступал в брак за пределами общины, то он автоматически становился изгоем, при этом негативное отношение распространялось и на родителей. Р. Робсон упоминает о том, что родители детей, вступивших в брак вне общины, должны были падать ниц на пороге церкви перед каждым входившим прихожанином (такая практика существовала до 1940-х гг., но и позже к браку с иноверцем относились неодобрительно).

История современной томского старообрядчества дает не менее любопытные примеры. Смешанные браки между представителями разных направлений староверия могут привести к тому, что вся семья принимает старую веру определенного направления. Заметим, что случаи, когда браки между православными и старообрядцами приводят к тому, что семья в целом становится православной, редки. Гораздо чаще сегодня встречается такая ситуация: один из супругов считает себя старообрядцем, а второй - православным.

Четвертый уровень - это конкретные социальные структуры, например община со своей внутренней иерархией. Казалось бы, стремление четко очертить социальные и конфессиональные связи должно способствовать сохранению культурной самобытности. Но материал, представленный в работах американских исследователей, и наблюдения томских археографов позволяют предположить обратное.

Часть старообрядческих общин в Орегоне отказывается от беспоповской практики, объясняется это вполне приземленными мотивами: священник всегда может отпустить грех. Безусловно, такие явления снижают изначальную оппозиционность старообрядческих вероучений, что в конечном счете ведет к размыванию культурной самобытности.

Аналогичные процессы происходят сегодня и в странническом согласии на территории Сибири. Культурной доминантой странничества стало учение о побеге, согласно которому в мире царствует антихрист и спасение веры ставится в зависимость от ухода из этого мира. Один из толков странничества - "статейники" - смог создать достаточно влиятельное, централизованное сообщество, устроенное по образцу православной церкви. В толке неплохо налажены связи между различными территориями ("пределами"), существует своя иерархия в управлении, но в то же время традиции древнерусской книжности постепенно утрачиваются: крайне мало для письма используется полуустав; чаще

всего даже признанные лидеры в толке пишут современной скорописью. (Примером может служить коллекция рукописей старообрядцев-странников из Новокузнецка, хранящаяся в фонде сектора археографии Института истории (СО РАН).) Однако те страннические толки, которые управляются избираемыми членами общины наставниками и предпочитают жить вдали от населенных пунктов, и традиции древнерусской книжности, и взгляды на окружающий мир сохранили в более полном объеме. (Примером может служить община странников-безденежных, живущая в окрестностях с. Красный Яр Томской области.)

Одним из факторов, который ведет к ассимиляции старообрядческого населения в США, Р. Моррис и Р. Робсон называют современное образование. Американская педагогика, построенная на принципах воспитания инициативности, индивидуализма, поощряющая стремление к самовыражению, конечно, в корне противоречит сложившейся системе воспитания в старообрядческих семьях, где главным законом жизни провозглашается послушание. Поэтому неудивительно, что родители часто прерывают обучение детей. И молодежь, в свою очередь, стремится выйти из-под опеки старших и безболезненно усваивает американские стандарты жизни.

В этом случае сравнение сибирских и американских материалов позволяет сделать следующие выводы. Безусловно, разрыв связи между поколениями присутствует и в большинстве семей старообрядцев России. И во многом подобный разрыв оказался спровоцированным не столько принципами педагогики, сколько государственной школьной политикой: все дети обязаны учиться, а подозрение на религиозную оппозиционность семьи советскому режиму могло иметь самые трагичные последствия. Следует учитывать и то, что советская педагогика в основном повторяла принципы традиционного крестьянского обучения, где главными моментами являются дисциплина, послушание и ориентирование ребенка на запоминание, а не осмысление материала. История сибирского старообрядчества дает еще один показательный пример: в преклонном возрасте подавляющая часть выходцев из старообрядческих семей и, казалось бы, не имеющая ничего общего со своими родителями, возвращается к вере отцов.

Сравнение двух моделей старообрядчества в Сибири и США позволяет заметить еще одну интересную деталь. Экономическое благополучие и отсутствие преследований со стороны государства могут привести к возрождению интереса у старообрядческих общин к проблемам вероучения, а также к желанию восстановить

обрядовую практику в полном объеме. На чем основываются подобные факты, сегодня сказать достаточно сложно. Вероятно, для этого необходимо ответить на вопрос, где заключена причина явления: в области психологии либо в области истории культуры.

Изучение истории старообрядчества и в России, и за рубежом сегодня продолжается рядом научных коллективов, и возможно, что сравнительная историко-культурная характеристика старообрядческих поселений Америки и Сибири способна прояснить многое. Процессы ассимиляции традиционной старообрядческой культуры в США (как, впрочем, и любой иноязыковой среде) идут гораздо динамичнее, нежели в Сибири. Старообрядцы, живущие в США, по выражению Р. Робсона, смогли сохранить религиозное единство, но утрачивают культурную самобытность. Старообрядцы Сибири пока еще сохраняют и то и другое в первую очередь потому, что они существуют в родной языковой и культурной среде. Но тем не менее жизнь и вероучение старообрядческих общин сибирского региона неизбежно подвергаются модификации, что диктует необходимость скорейшего описания и изучения старообрядческой культуры в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 96-01-00364.

¹ См. об этом: Бардина И.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995.

² Бакчар // Архив археографической экспедиции Томского унта. Тетр. 9. С. 7.

³ Там же. Красный Яр. Тетр. 6. С. 19.

⁴ Щапов А.И. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1906; Пругавин А. Раскол-сектантство: Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа. М., 1887; Покровский Н.И. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев. Новосибирск, 1974; Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVIII-XIX вв. М., 1967; Гурьянова Н.С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988; Мальцев А.И. Старообрядцы-странники второй половины XVIII - первой половины XIX в. Новосибирск, 1995 и др.

⁵ Моррис Р. Мир молодых старообрядцев в Орегоне // Тради-

ционная материальная и духовная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 17-22; Робсон Р. Культура поморских старообрядцев в Пенсильвании // Там же. С. 27-33.

⁶ ИИ СО РАН. Собр. рукоп. № 24/86; Красный Яр // Архив археографической экспедиции... Тетр. 6. С. 18.

⁷ См. об этом: Сванидзе А.А. К проблеме преемственности и взаимосвязей цивилизаций // Цивилизации. М., 1995. Вып. 3. С. 199-202.

⁸ Бакчар // Архив археографической экспедиции... Тетр. 9. С. 10.

⁹ Там же. С. 12.

E.E. Dytchak

OLDCEREMONIAL SETTLEMENTS OF AMERICA AND SIBERIA: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE HISTORICAL AND CULTURAL CHARACTERIZATION

The schism of the Orthodox Church has more than three hundred year history. Long ago it outgrew the frames of exclusively dogmatic discrepancies and turned oldbelievers into particular cultural community which retains its features today. We can trace the historical and cultural features of the oldfaith communities on different levels: differences between buildings of oldfaith and there neighbors, and interpretation of oldbelievers and Siberians (considering themselves the orthodox believers) of current political events.

The role of oldbelievers as gatherers and keepers of ancientrussian books and their collected handwritten and oldprinted books are now in circulation inside of confessional society, are actively read, studied and commented on.

And the meaning of oldfaith as transmitter of medieval mentality is not less important. The oldfaith has some essential features: first of all the revival of the lost traditions without any visible direct connections with the past. Secondly, the flexible combination of traditions and innovations in dogmatism and in everyday behavior.

Many researchers correctly mark that the penetration of "innovations" in vital spheres of life goes in different ways in oldfaith communities. That is why only the history of its separate trends can form the common picture of schism history.

The oldbelievers of Siberia and America were newcomers. Because of the remoteness of American continent the penetration of oldbelievers from Russia began rather late, only in the second part of the 19th century. The oldbelievers of Siberia and America were in different conditions of living (different language surroundings, the living standard and the way of thinking of the people around them). But in spite of this in the mechanism of their settlement on the new territories of America and Siberia there are a lot of common features.

The oldbelievers were not in united group when came to Siberia and America. And often they move to already existed colonies of their relatives and coreligionists. The main question for the oldbelievers of America and Siberia with all the differences in their way of life is the retention of cultural traditions.

There are several levels which can provide continuity of generations and culture on the whole.

In the first place a man with his knowledge, way of communications, household skills. The second level which can provide continuity of cultural traditions can be worded as the kinds of activities including regular cultural contacts and connections. The third level is represented in institutes and ideas (combined religious service, rituals, the institution of marriage). The fourth level is formed by concrete social structures, for example, a community with its inner hierarchy. It should be marked that the desire to outline clearly social and confessional connections sometimes leads to the reverse results: a centralized community turns into association where cultural distinctiveness are gradually disappearing.

The comparison of American and Siberian findings allows one to make the following conclusions. Certainly the gap of connections between generations in families of oldbelievers exists in Siberia and in the USA. But the gap was provoked by the School policy rather than by principals of upbringing and education: all children were obliged to study and suspicions in religious opposition of families to soviet regime could have tragic consequences.

The history of Siberian oldbelieving gives one more significant example. At an advanced age the majority of persons originally emigrate from oldfaith families having nothing in common with their parents returns to their fathers faith.

The comparison of two models of oldbelieving on different continents allows one to mark an interesting detail. Economical welfare and absence of persecution on the part of the state may lead to the revival of the interest to the problems of teachings and desire to restore ceremonial practice in full volume.

РОЛЬ ХРИСТИАНИЗАЦИИ В РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ (XVII-XIX вв.)

Американский фронт и русская колонизация Сибири характеризуются общим свойством - подвижностью границ государства по мере продвижения населения на новые земли. Но исход пуритан в Новую Англию произошел в результате конфликта, разрыва с метрополией, когда "новая цивилизация рождалась... из того отрицания, какое Новый Свет привносил в обыкновения Старого"¹. Русские же переселенцы были носителями государственной идеологии и государственных интересов. Центральная и местная власть опиралась в деле освоения новых территорий на народные массы, которые получали, в свою очередь, правительственную защиту и помощь. Интересы государства и народа (при всех издержках), как правило, совпадали.

В статье на основании комплексного анализа опубликованных исторических, этнографических и археологических данных рассматривается такая неотъемлемая часть колониационного процесса, как христианизация автохтонного населения Сибири. Проблема христианизации сибирского региона до сих пор не стала предметом специального обобщающего исследования. Изучались некоторые аспекты проблемы, по отдельным народам, в ограниченных хронологических пределах, в основном второй половины XIX - начала XX в., не опускаясь ниже XVIII в.

Анализ христианизации должен быть комплексным в соответствии с многомерностью самого процесса. Принципиальное значение для его характеристики имеют объективные критерии. Существенны для оценки христианизации основные пути проникновения идей православия в местную этнокультурную среду: через государственно-церковные органы и путем распространения вместе с русскими переселенцами и русской культуры.

Критерий количества новокрещенцев из числа местных жителей придает христианизации едва ли не тотальный характер. Так, в первой половине XVIII в. при царе Михаиле Федоровиче около Нарыма возникла целая деревня Новокрещеново, в которой поселились новообращенные остяки². Однако вряд ли принцип "поголовного охвата" является достаточным и объективным мериллом оценки в силу своей формальности.

Важным критерием христианизации являются методы, с по-

мощью которых идеи православия внедрялись в автохтонную среду. Взвешенная оценка предполагает обязательность критики способов осуществления христианизации, которая должна учитывать широту используемых средств и степень их эффективности.

Набор методов был разнообразным. Активно использовались средства религиозного убеждения, материальная заинтересованность - практика одаривания деньгами, ценными вещами, предметами православного культа. Возможным свидетельством подобной практики является трехстворная икона с центральным образом святого старца Антипия, обнаруженная при раскопках позднесредневекового могильника Барклай¹. Роль материального стимула должны были играть льготы в обложении новокрещенных ясаком, хотя в действительности это не всегда соблюдалось, а причисление крестившихся инородцев к русским селениям или перевод их в разряд оседлых приводили к увеличению выплачиваемых налогов¹. Крещение давало коренным жителям Сибири возможность попасть в ряды привилегированного сословия "государевых служилых людей", что повышало их социальный статус и давало материальные блага. Целу распространения христианства должны были служить многочисленные миссии, школы, семинарии, обучение миссионеров языку сибирских народов для чтения проповедей в местной среде, перевода религиозных текстов, подготовка проповедников-аборигенов и т.п.

Методами убеждения и пропаганды, социального и материального поощрения правительственно-миссионерская деятельность не ограничивалась. В арсенал средств входили угрозы, штрафы за невыполнение православных обрядов и крайняя форма религиозной нетерпимости - уничтожение идолов, жертвенных мест, причем нередко руками самих новообращенных. Например, так было разрушено "языческое капище" на острове Вайгач, в 1984 - 1987 гг. ставшее предметом археологического исследования⁵.

Существенную роль в процессе христианизации играл субъективный фактор - личность проводников идей православия (миссионеры, представители местной администрации, русские православные люди) и носителей идей язычества (шаманы, коренные жители). Конкретный человек вносил свою индивидуальность в межличностные отношения и, конечно, в отношения по поводу религии тоже, так как религия, по определению С.А. Токарева, "одна из форм отношений между людьми"⁶.

Среди негативных моментов процесса колонизации имели ме-

сто вымогательство, совершение незаконных церковных обрядов и коммерческих сделок, пьянство и т.д., которые приводили к драматическому развитию событий вплоть до убийств священников и новокрещенных "за измену вере отцов", к пассивному (челобитные о бесчинствах, перенесение языческих святилищ в глухие места, перекочевки в отдаленные от миссий районы) и активному сопрогивлению (прямые выступления)⁷.

Наглядный пример враждебных отношений по поводу религии был получен при раскопках коми-пермяцкого языческого святилища XV в. Внутри святилища было обнаружено захоронение ребенка в корытце из луба, покрытого берестой. Археологические данные свидетельствуют о ритуальном убийстве младенца-новокрещена, совершенного местным населением. В затылочной части находилось отверстие, пробитое топором, в височной части - отверстие от наконечника стрелы. Под костяком лежал медный русский крест⁸. Состоялся "обмен ударами": коми-пермяки продемонстрировали неприятие христианства, совершив ритуальное убийство, русские ответили сожжением языческого "капища". Такова трагическая страница противоборства языческой и православной веры в истории русской колонизации Урала XV в., имевшее продолжение позднее и на сибирских просторах.

Характерна противоречивая реакция местной и особенно центральной администрации на подобные случаи. Власть вынуждена была маневрировать между задачей сохранения мирной обстановки, обеспечения регулярности в сборе ясака и необходимостью наказания виновных, часто прибегая к полумерам, чтобы продемонстрировать свою справедливую силу, но не "ожесточив" и не спугнув новокрещенцов⁹.

Было бы неверным сводить христианизацию к методам ее внедрения или к формам взаимоотношений между носителями разных религиозных верований. Определяющим в оценке христианизации Сибири является степень ее результативности, т.е. то, насколько глубоким было влияние православия на религиозное и обыденное сознание в местной социально-культурной среде, причем не только аборигенной, но и русской.

Рассмотрим, как отразилось влияние христианства в такой консервативной части традиционной культуры, как погребальный обряд, в котором преломляются различные сферы жизни общества и который наиболее жестко связан с мировоззрением, поскольку моделирует фактически весь жизненный цикл¹⁰.

Эволюцию погребальной обрядности, исчезновение одних и появление других элементов, изменение их смысловой нагрузки с

наибольшей полнотой можно проследить при сочетании археологических и этнографических данных. Этнография делает возможным непосредственное наблюдение обряда, его исследование на основе информации посетителей этнокультурной традиции, однако имеет узкие хронологические рамки. Археологический анализ позволяет сделать более глубокий и широкий хронологический зондаж. Вместе с тем археология имеет дело не со всем погребальным обрядом, а лишь с его материализованной и, кроме того, фрагментарной и трансформированной частью. В ряде случаев раскопки поздних археологических памятников ХУШ-ХІХ вв., совпадающие с этнографической современностью, позволяют сделать комплексную реконструкцию погребального обряда, повысив ее информативность и точность, и выявить соотношение в нем традиционных и новых элементов. Следует сказать об ограниченном количестве раскопанных погребальных памятников автохтонного населения ХУП - ХІХ вв. Неполнота археологических материалов, трудности их совмещения с этнографическими данными позволяют сделать только предварительные выводы. В аборигенных погребениях ХУП - первой половины ХУШ в., возможно, рубежа ХУШ - ХІХ в., следы христианской погребальной обрядности отсутствуют.

Фиксация на памятниках ХУШ-ХІХ вв. новых черт - грунтовый характер захоронений, углубление могильной ямы, появление гробов, в том числе и классической, суживающейся к ногам, формы, использование гвоздей и крепежных скоб, ориентация погребенного головой на запад, наличие нагельных крестов, икон, свечей, отсутствие сопроводительного инвентаря в отдельных могилах - свидетельствуют, по мнению исследователей, о христианизации коренного населения¹¹. Не оспаривая права авторов на подобную точку зрения, следует отметить недостаточную разработанность аргументации и прямолинейность интерпретации перечисленных нововведений. Вызывает сомнение не их новизна по отношению к традиционным формам обрядности, но однозначное толкование их смысла как предметов православного культа, хотя возможны и иные варианты объяснения.

Известно, что металлические кресты, наряду с металлическими бляхами, подвесками, медальонами, монетами, жетонами и т.п., почитались как амулеты, защищавшие от злых сил, болезней. Ценность таких предметов была весьма высокой, аборигены расплачивались за них соболями и песцами, не считая, по всей видимости, такой обмен неэквивалентным. Постоянный, значительный спрос удовлетворялся за счет привоза и специального

промысла - русские мастера изготавливали разнообразные украшения - амулеты по заказным формам и мотивам. Эта практика складывается задолго до колонизации Сибири, не позже XII в., когда в самом Новгороде Великом специально для торговли с "чуждскими" племенами было налажено производство таких изделий по привозным образцам¹³.

Кроме привычного магического значения в глазах сибиряка-язычника, наблюдавшего почитание святыни православными, крест мог приобрести дополнительный престиж как символ определенного социального положения, отделяющий "своего" христианина от отщепенца, "на ком креста нет". Значимым было не таинство обряда крещения, а сам крест, который вернее всего было обменивать, купить и использовать в качестве оберега при жизни и как знак социальной престижности после смерти, не обязательный, но привлекательный.

Практика, согласно которой в одну могилу клали по 2-3 креста¹³, противоречит христианским канонам и свидетельствует, по крайней мере, о непонимании, если не о пренебрежении к православной обрядности. Зато с точки зрения традиционного мировоззрения такие действия вполне естественны и органичны: при переходе человека из реального в потусторонний мир важным остается все то, что имело ценность и в этой жизни, а следовательно, и соображения престижности тоже. Существование у абorigенов дохристианских представлений о кресте как символе перехода из одного состояния в другое зафиксировано в этнографических материалах¹⁴.

Показательна оценка археологами-славистами древнерусских погребений XI-XIII вв. с крестами и образками. Исследователи подчеркивают "исключительную сложность ситуации, имевшей место при распространении христианства в языческой среде", и делают вывод о том, что крест не может служить жестким индикатором при различении погребений крещеных и некрещеных¹⁵, так как наличие или отсутствие креста в могиле не обязательно является признаком даже формального акта крещения. Тем более опрометчиво считать наличие креста на живом или умершем человеке непосредственным проявлением его православной религиозности.

Такие элементы погребальной обрядности, как глубокая могила, захоронение в гробу, ориентация умершего головой на запад, даже обозначение места захоронения крестом, не могут считаться исключительно христианскими, поскольку они обнаружены в дохристианских и нехристианских погребениях и могли нести

разную смысловую направленность. Поэтому появление новых ритуалов в обряде захоронения под воздействием русских традиций еще не означало изменения в мировоззрении аборигенов.

В целом в погребальной обрядности традиционный облик коренных народов доминирует и сохраняется вплоть до нашего времени.

Исследователи, занимавшиеся изучением погребального обряда у народов Западной Сибири, пришли к выводу о сохранении основных традиционных черт в их овеществленной форме, несмотря на происходившие во времени изменения, причем подчеркнута мысль о возможной неизменности содержания при внешнем изменении форм¹⁶. Вопрос о степени сохранности традиций и влиянии на них христианства в погребальной обрядности по этнотерриториальному признаку требует специального изучения.

Каково влияние христианства на традиционное мировоззрение местных народов, были ли поколеблены устои язычества? Это главный вопрос, поскольку именно в мировоззренческой сфере обнаруживается религиозное сознание как форма отражения действительности.

Письменные и этнографические данные свидетельствуют, что более чем за три столетия христианство не преуспело в этой области. Отношение к атрибутам православной веры не имело по большей части религиозной основы. Крещение, причастие, исповедь и т.д. не были для аборигенов подлинным таинством, когда посредством обрядовых действий верующему сообщается невидимая благодать Божья.

Некоторые догматы христианской веры (триединство, Боговоплощение, крещение и т.д.) были несовместимы с уровнем аборигенного религиозного сознания и оставались непонятными. Воспринимались православные идеи, созвучные традиционным нормам бытия. Шел процесс приспособления традиционного религиозного сознания к новым историческим реалиям, переработки чуждой веры через переосмысление христианских канонов и приведения их в соответствие с языческим мировоззрением. Постепенно развивается религиозный синкретизм - смешение разнородных культовых положений, формируется двоеверие с очевидным доминированием языческих представлений. Синкретизм проявлялся в принесении жертвы идолам и православным святыням (например, обмазывали рот святого жертвенной кровью и одновременно ставили свечу), привязывании лоскутков, тряпочек к крестам, кадении ладаном во время шаманского камлания

и т.п.¹⁷ Расширился традиционный пантеон. Так, в Туруханском округе сложился местный культ Василия Мангазейского, но наиболее почитаем был Николай Угодник, скорее из-за его популярности в русской народной среде.

Признавая частично силу "русского Бога", аборигены все же сохраняли приверженность давно укоренившимся объектам культового поклонения, считая их более могущественными. Отказы креститься объяснялись именно боязнью потерять покровительство своих духов.

Свой бог грозен, отсюда шло стремление отвратить возможный гнев от себя и направить его на чужака из иной этнической и религиозной среды. Подобный образ действий у эвенков описал в начале ХУШ в. в "Документе" сосланный в Сибирь поляк Л. Синицкий: "Бог у них черный медведь, а если им случится убить медведя, тогда над убитым причитают, кричат, извиняясь, что сделали это не по своей воле, а по приказу, потому что и ружье русские делали, порох русские делали, приказав, чтобы обязательно медведей стреляли, находясь под их властью, должны выполнять их приказы, поэтому ты на нас не сердись"¹⁸. Нарымский остяк прибегал к совершенно аналогичным действиям во избежание мести убитого им медведя¹⁹.

Важным фактором, влиявшим на процесс христианизации, был характер религиозности русского православного населения Сибири. Исследователями отмечено, что обыденное религиозное сознание русских сибиряков отличалось от ортодоксального христианского вероучения и представляло собой народный вариант православия, в значительной мере сохранивший языческую основу²⁰.

Живучесть глубинного политеистического пласта в мировоззрении народа, видимо, обусловила восприимчивость к воздействию окружающего языческого мира. Обнаружилось это в боязливом отношении к языческим божкам, окружении их суеверным почитанием, в хранении, нередко за божницей, идолов, в задабривании домового, в демонологических поверьях и связанных с ними обрядах, в обращении за помощью к ворожеям, знахарям, шаманам (известен случай принесения в жертву крестьянином родственницы ради своего выздоровления во время совершения обряда шаманом)²¹. Русские сибиряки - самые массовые носители православия - в силу специфики своего религиозного сознания не оказали решающего воздействия на внедрение христианских идей в местную этнокультурную среду.

Влияние православия среди сибирских народностей было не-

равномерным. В местах близкого соседства, в оседлой среде аборигенов уровень влияния был более высоким (южные ханты и манси, кеты, западные буряты, алтайцы, долганы и др.) и меньше там, где контакты резко ограничивались кочевым образом жизни, дальностью расстояний до русских поселений (ненцы, нганасаны, северные эвенки, эвены, коряки)²².

Вообще исследователи отмечают формальный характер христианизации, не затронувшей основ мировоззрения аборигенных народов даже там, где уровень его влияния был выше. "Младенцами христианской веры, по пути чествования идолов выполняющих христианские требы", назвал томских остяков епископ Томский и Барнаульский Макарий²³.

Социальный фактор (вхождение в состав служилого сословия, межэтнические браки) способствовал подлинной христианизации, но его действие имело узкий диапазон.

Точное определение степени влияния православия для Северо-Западной Сибири в начале XX в. дал С.И. Руденко: "...Здесь может быть речь не о следах языческих верований, а о следах христианства, притом очень слабых"²⁴. Эта характеристика, видимо, приложима ко всему сибирскому региону.

Весомым аргументом поверхностного характера христианизации является тот факт, что после установления Советской власти и распространения атеистической идеологии православие почти сразу исчезает в автохтонной среде, в то время как традиционное религиозное мировоззрение проявило свою устойчивость и пластичность²⁵.

Основная причина неэффективности христианизации, вероятно, заключалась в несоответствии уровня православия социально-экономическому и религиозному уровню аборигенов. Церковь, роль которой заключалась в распространении и упрочении среди местного населения официальной религиозной идеологии - православия, не смогла удовлетворительно справиться с этой задачей и всерьез подорвать устои язычества. Однако христианизация не стала и дезинтегрирующим фактором в соединении Сибири с Россией, поскольку негативные моменты (в том числе и насильственные методы) не были ни основными, ни определяющими в этом процессе и нейтрализовались жизнестойкостью и приспособляемостью традиционной духовной культуры, широтой и плодотворностью этнокультурных контактов, веротерпимостью, регулирующей деятельностью государственной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буретин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993, С.10.

² Плотников А.Ф. Нарымский край (историко-статистический очерк). СПб., 1901. С. 49, 237.

³ Ожередов Ю.И. Использование огня в погребальном и поминальном обрядах по материалам курганной группы Барклай // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 43.

⁴ Абрамов П. О введении христианства у березовских остяков // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. XXI(72). Отд. У. С. 18; Грачева Г.П. К вопросу о влиянии христианства на религиозные представления нганасан // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина - начало XX в.). Л., 1979. С. 31; Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в ХУШ в. Л., 1941. С. 21, 54, 57.

⁵ Хлобыстин Л.П. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 120-135.

⁶ Цит. по: Островская Л.В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (ХУШ - начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 135.

⁷ Абрамов Н. Указ. соч. С. 20; Алексеев Е.А. Христианизация на Туруханском Севере и ее влияние на мировоззрение и религиозные культы кетов // Христианство и ламаизм... С. 70, 71; Мартынова Е.П. Русское влияние на культуру хантов // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. III. СПб., 1993. С. 100; Плотников А.Ф. Указ. соч. С. 149.

⁸ Оборин В.А. Раскопки древнего Искора // Археологические открытия. 1975 года. М., 1976. С. 191.

⁹ Абрамов П. Указ. соч. С. 21; Гемуев И.П., Люцидарская А.А. Служилые игры // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. Новосибирск, 1994. № 3. С. 65.

¹⁰ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 2. С. 13.

¹¹ Боброва А.И. Погребально-поминальный обряд коренного населения Нарымского Приобья и Причулымья в XIX - первой половине XX в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 11-13; Очерки культурогенеза... С. 320-321, 360; Гончарова Л.Н. Художественные изделия из металла русских мастеров

для народов Севера и Сибири (XVIII-XX вв.) //Общественный быт... С. 106-120; Мурашко О.А., Кренке Н.А. Металлические бляхи-подвески в погребальных комплексах аборигенного населения севера Западной Сибири //Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 95-99; Рябини́н Е.А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли //Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 60.

¹³ Ожередов Ю.И. Раскопки курганной группы Барклай //Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 101.

¹⁴ Очерки культурогенеза... С. 399-400;

¹⁵ Седов В.В. Распространение христианства в Древней Руси //Краткие сообщения Института археологии РАН. 1993. Вып. 208. С. 9; Макаров Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI-XIII вв.: (Погребения с крестами и образками) // Краткие сообщения... 1990. Вып. 205. С. 11-20.

¹⁶ Очерки культурогенеза... С. 423-445.

¹⁷ Алексеев Е.А. Указ. соч. С. 72-78, 84; Кононенко В.А. Указ. соч. С. 100-101; Народы Сибири и Севера России в XIX в. М., 1994. С. 141; Плотников А.Ф. Указ. соч. С. 56.

¹⁸ Цит. по: Титова З.Д. Сообщения пленных иностранцев о народах Сибири (XVIII в.) //Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 92.

¹⁹ Плотников А.Ф. Указ. соч. С. 42.

²⁰ Островская Л.В. Указ. соч. С. 135-137; Шульгин В.О. Религия и церковь //Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1974. С. 288-301.

²¹ Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. С. 196-203; Костров Н.Н. Колдовство и порча у крестьян Томской губернии //Западно-Сибирское отделение Русского географического общества. Кн. I. Омск, 1879. С. 1.

²² Вдовин И.С. Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков //Христианство и ламаизм... С. 9.

²³ Огрызко И.И. Указ. соч. С. 75-81; Плотников А.Ф. Указ. соч. С. 60.

²⁴ Хомич Л.В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм... С. 24.

²⁵ Алексеев Е.А. Указ. соч. С. 85; Вдовин И.С. Указ. соч. С.114.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 50-е гг. XX в.

К числу уникальных черт сибирской истории относится постоянное расширение и усложнение конфессионального пространства. Постоянные миграционные потоки, имевшие место в XX столетии, привели к тому, что к 50-м гг. среди населения Западной Сибири существовало разнообразное конфессиональное представительство. В 20-50-е гг. это многообразие было достигнуто в основном за счет насильственного перемещения больших групп людей из европейской части страны в Сибирь: политическая ссылка, спецпоселения в результате раскулачивания, депортация немцев, прибалтов, молдаван, калмыков, чеченцев, ингушей, западных украинцев и белорусов. Высылка в Сибирь осуществлялась и по чисто религиозным мотивам. Вновь прибывшие верующие вместе с представителями местного населения составляли пеструю религиозную картину. В рассматриваемый период на территории Западной Сибири встречались организации практически всех религиозных конфессий, имевшихся в СССР. В Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областях действовали приходы и молитвенные дома русской православной и старообрядческой церкви. По 15 церковных приходов насчитывалось в Тюменской и Кемеровской областях, 12 - в Омской, 7 - в Алтайском крае. Повсеместно имелись организации католиков, протестантов, мусульман, иудеев.

Разнообразным было сектантство: адвентисты, менониты, иеговисты, пятидесятники, молокане, лютеране, истинно-православные христиане и др. Самыми многочисленными из сектантов были группы евангельских христиан баптистов (ЕХБ). Они действовали почти во всех городах и крупных населённых пунктах.

Аборигенное население Сибири поддерживало веру в традиционные религиозные представления - бурханизм у алтайцев, шаманизм у северных народов. Тюменские ханты охотно участвовали в шаманских камланиях, у манси существовал культ медведя - хозяина тайги. Когда они убивали медведя, то устраивали массовые "медвежьи пляски", которые продолжались по несколько дней. Ненецкие женщины строго соблюдали табу и отказывались участвовать в обработке рыбы.

Религиозная жизнь Западной Сибири существенно дополнялась довольно массовым проявлением культовых обрядов и действий на так называемом бытовом уровне. Пошение нательных крестиков, наличие икон в квартирах, праздничные гулянья, распространение "святых" писем, всевозможных апокалипсических слухов, крестные ходы - во всем этом участвовали не только верующие, но и те, кто формально себя не относил к ним.

В регионе были даже свои "святые места", куда совершались многочисленные паломничества. В Юргинском районе Тюменской области таким местом считался "святой" источник Серафима Угодника и Степана Великомученика в деревне Криванково. Сюда для "водосвятия" привозили больных людей и пригоняли скот. В Алтайском крае для лечения сотни людей приходили к ключам в районе Сорочьево Лога Краюшинского района и у горы Синоха Змеиногорского района.

Как уже отмечалось, состав религиозного населения Западной Сибири увеличивался за счет высланных сюда из европейской части людей. При этом не только происходил и численный рост верующих и расширялась география их проживания, но существенно обогащалась их конфессиональная и национальная принадлежность. Так, большую часть членов сект менонитов, лютеран составляли лица немецкой национальности из числа спецпоселенцев. Сосланные в Сибирь эстонцы, литовцы, латыши в основном исповедывали католицизм или протестантизм, а молдаване входили в группы "Свидетелей Иеговы". 80% жителей деревни Черниовка Кемеровской области были по национальности латыши. Все они принадлежали к католической вере. В Усть-Ишимском районе Омской области секта баптистов полностью состояла из ссыльных украинцев, работавших в местном леспрохозе.

Эти люди были насильственно вырваны со своих территорий, несправедливо и огульно обвинены, лишены родины, имущества и надежды. В местах нового проживания они владели жалкое существование: условия жизни подчас были просто невыносимы, не было приличного жилья, достойной работы, заработка, питания. Дети спецпоселенцев не всегда могли получить образование. К материальным трудностям добавлялись моральные переживания: обида, страх, клеймо врагов. В таких условиях религиозная вера для них, по-видимому, была мощным, подчас единственным источником поддержания морального духа и сохранения национальной идентичности. Только на молитвенных собраниях можно было услышать родную речь, поговорить на

своём языке с земляками. Общая вера, богослужения, другие культовые мероприятия выступали как средство единения, сохранения контактов, сопереживания, давали возможность адаптироваться к внешней среде.

Имеющиеся материалы не позволяют в достаточной степени судить о характере межконфессиональных контактов. Можно утверждать, что в 50-е гг. наблюдалось резких столкновений между представителями различных вероисповеданий. Более того, религиозные организации разных конфессий объединяли общая неприязнь к ним со стороны властей, сложнейшие условия для осуществления вероисповедальной практики, общее стремление приспособиться к таким условиям и выжить.

Все религиозные организации делились на две группы, одну из которых составляли те, чья деятельность была официально запрещена на территории СССР. К ним относились секты пятидесятников, ИПХ, адвентистов седьмого дня, иеговистов, хлыстов, трясунов и некоторых других. Среди мотивировок запрета значились издержки культовых действий, наносивших вред здоровью, особо реакционные положения вероучения, антисоветский характер деятельности приверженцев этих групп. Истинно-православные христиане, например, отказывались получать паспорта, иметь прописку, не работали на производстве, не вставали на воинский учет, не участвовали в выборах. Пятидесятники и иеговисты по мотивам веры отказывались служить в армии. Естественно, что такое поведение для советской системы было неприемлемо, поэтому ни одна организация ИПХ, Свидетелей Иеговы, пятидесятников, адвентистов не имела официального разрешения на существование. Но они собирались на молитвенные собрания явочным порядком. В Пышкино-Троицком и Зырянском районах Томской области активны были "Свидетели Иеговы", в Алтайском крае и Тюменской области часто встречались организации пятидесятников. Поскольку эти секты были запрещены, то вся их деятельность рассматривалась как антисоветская и нарушавшая закон. К руководителям общин применялись меры административного и уголовного наказания, рядовые верующие подвергались осуждению со стороны общественности. Так, в 1959 г. прошли шумные судебные процессы над членами сект истинно-православных христиан на Алтае и пятидесятников в Тюменском области¹.

Но и тем религиозным организациям, чья деятельность не была запрещена на территории страны, приходилось преодолевать многочисленные препятствия для осуществления веры. Одно из

них заключалось в проблеме регистрации. В соответствии с действовавшим тогда законодательством о религиозных культах любая группа верующих должна была сообщать о факте своего существования в местные органы власти, подав туда заявление с просьбой зарегистрировать свою общину. Чтобы получить такое разрешение, необходимо было наличие не менее 20 подписей под таким заявлениям верующих. Формально процедура эта не была особо обременительной. Но, как свидетельствуют многочисленные факты, на протяжении 50-х гг. огромное количество религиозных объединений так и не были зарегистрированы исполнительными органами советской власти, хотя и было необходимое количество верующих в них, были и многочисленные заявления с просьбой о регистрации. По неполным данным, в районах Омской области в 1950 г. в нелегальных условиях действовали 53 религиозные группы с количеством участников около 3 тыс. человек. Незарегистрированные общины баптистов в Прокопьевске насчитывали более 300 человек, в Анжеро-Судженске - более 200, Киселевске - до 200 верующих.

Не отсутствие необходимого количества приверженцев служило причиной отказа для регистрации. Все вопросы о ней рассматривались исполкомами, как правило, очень долго, иногда по несколько лет. Верующие посылали заявление за заявлением, но ответа либо не было, либо он был отрицательным. Православные верующие из села Быстрый Исток (Алтай) переписывались на предмет регистрации их общины в течение 3 лет. Писали они обращения во все возможные инстанции, даже самому И. Сталину. Но так и не добились положительного решения своего вопроса. Логика поведения властей объяснялась очень просто: организация не получает разрешение, следовательно, не имеет права на существование, не может проводить молитвенные собрания, осуществлять другие культовые действия. Если же она это производит, то к такой группе можно предъявлять претензии в нарушении законодательства, запретить собираться, оштрафовать, разогнать, что и делалось властями.

Другая проблема, с которой сталкивались представители всех конфессий, состояла в отсутствии необходимого количества культовых зданий. Церквей, молитвенных домов было явно недостаточно. В 1958 г. на территории таких огромных областей, как Новосибирская, Томская, действовало соответственно 5 церквей и 2 молитвенных дома русской православной церкви в первой, 3 церкви и 1 молитвенный дом - во второй. В Новосибирской области в 51 бывшем здании русской православной церкви

либо размещались складские помещения, либо были устроены клубы, либо они просто пустовали. Ремонт этих помещений не производился, многие из них были полуразрушены, церковная утварь не сохранилась, купола были разорены, колокола сняты. Тем не менее заявлений о возвращении зданий, принадлежавших некогда верующим и незаконно отобранных у них, было очень много. Верующие же получали только отказы, возвращать даже пустующие помещения им никто не собирался.

Верующие других конфессий в этом плане находились еще в более худших условиях. У католиков Томской области не было ни одного специального молитвенного дома. Католический костел был закрыт в Томске еще в 1938 г. В 1956 г. верующие-католики написали письмо в совет по делам религии при Совете Министров СССР с просьбой о создании в Томске прихода Римско-католической церкви и возвращении общине костела. Под письмом было собрано свыше тысячи подписей. Причиной отказа стала следующая мотивировка: приход открывать нельзя, поскольку "община не имеет молитвенного здания, а помещение бывшего костела, на которое имелась ссылка в заявлении верующих, переоборудовано под аэроклуб"⁴. И куда бы ни писали в дальнейшем верующие - Председателю совета Министров Н.С. Хрущеву, Генеральному прокурору А. Руденко, в Президиум Верховного Совета СССР - ответ был один и тот же.

Власти не только отказывались возвращать бывшую собственность религиозным объединениям, но категорически запрещали строить новые культовые здания. В Анжеро-Судженске решением Кемеровского облисполкома было запрещено строительство новой церкви, вернее завершение строительства. Обосновывая это, председатель облисполкома В. Гусев писал: "Выстроенная церковь в Анжеро-Судженске находится в центре города, обзревается со всех сторон, вблизи городского сада, городского кинотеатра, поэтому ее открытие будет являться допущением новой политической ошибки". А далее он предложил вариант, который свидетельствует о многом: новую церковь открывать нельзя, старая подлежит закрытию, а церковную общину следует распустить⁵. С поразительной легкостью, как бы мимоходом решалась судьба многих людей, без полученного на то от них согласия, в нарушение элементарных конституционных прав верующих.

Помимо регистрации, власти осуществляли мелочную регламентацию деятельности религиозных организаций: отремонтировать церковь, заготовить для нее дрова на зиму, воспользоваться

естественным водоемом для крещения - на все это тоже нужно было получать разрешения. Краевые власти Алтая запрещали протоиерею Романюку выезжать без специального разрешения по вызовам верующих для выполнения треб. Потребовалось специальное указание совета по делам религии при Совете Министров, что никакого разрешения не требовалось. Только после этого настоятеля оставили в покое⁶.

Самой же тяжелой для верующих была, конечно, та обстановка неблагоприятности, даже нетерпимости, которая создавалась вокруг них. Массированная антирелигиозная пропагандистская кампания, которая велась всеми средствами массовой информации, не могла не затрагивать чувств приверженцев религии. Помимо чисто оскорбительного тона, которым велась агитация, на верующих обрушивались и потоки обвинений в антисоветских, антигосударственных, антисоциалистических настроениях и действиях. Целенаправленно из верующих людей создавался образ врага, тайного или явного. Считалось обязательным окружать верующих и по месту работы, и по месту жительства недоброжелательным отношением со стороны неверующего населения. Очень часто передовиков производства, членов конфессиональных объединений, никак не отмечали за трудовые заслуги. Некоторые руководители предприятий старались вообще избавиться под разными предлогами от сектантов, чтобы не было лишних хлопот. Имел место и запрет на профессию. В Болотнинском районе Кемеровской области из школы были уволены верующие учителя⁷.

Список трудностей, с которыми приходилось сталкиваться верующим всех конфессий, можно было бы продолжать, хотя уже и так очевидно, что в 50-е гг. условия для осуществления их исповедальной практики были нелегкие. Тем не менее люди сохраняли верность своим принципам и требованиям религиозной веры. Более того, в этот период наблюдается активизация религиозной жизни Западной Сибири. Проявлялось это прежде всего в увеличении количества верующих, постоянном росте проводимых религиозных обрядов. О численном росте религиозных общин свидетельствует информация уполномоченных совета по делам религии, которую они подавали в партийные и советские органы. В 1953 г., по данным церковных записей, Омским кафедральным собором, Омской, Никольской, Калачинской церквями, Исилькульским молитвенным домом было совершено: крещений - 4819, бракосочетаний - 66, исповедей - 15569, отпеваний - 1952. Омским собором и церковью было совершено молебнов - 8379,

панихид - 22462⁸. Все эти цифры значительно превышали соответствующие показатели за предыдущие годы. Кассовые отчеты по православным церквям Кемеровской области за этот же год свидетельствовали о том же⁹. Оценивая религиозную ситуацию, упоминавшийся уже настоятель Романюк заявил: "Религиозное чувство бьет ключом. Оно ведь, как мы думаем, бессмертно, и с этим явлением приходится считаться гражданской власти, по лозунгу, что не народ на службу власти, а власть на службу народу"¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алтайская правда. 1959. 21 авг.; Тюменская правда. 1959. 12 дек.

² ГАКО. Ф. 75. Оп. 7. Д. 25. Л. 19-21.

³ ГААК. Ф. 34. Оп. 4. Д. 766. Л. 20, 91; ГАТО. Ф. 829. Оп. 3. Д. 358. Л. 216; Д. 360. Л. 310.

⁴ Красное знамя. 1989. 3 нояб.

⁵ ГАКО. Ф. 964. Оп. 1. Д. 34. Л. 89, 115.

⁶ ГААК. Ф. 834. Оп. 41. Д. 767. Л. III.

⁷ ГАКО. Ф. 75. Оп. 7. Д. 73. Л. 3.

⁸ ГАОО. Ф. 17. Оп. 63. Д. 260. Л. 63; ГАКО. Ф. 964. Оп. 1. Д. 28. Л. 212, 222.

⁹ ГАКО. Ф. 964. Оп. 1. Д. 29. Л. 212, 222.

¹⁰ ГААК. Ф. 834. Оп. 4. Д. 767. Л. 48, III.

РАЗДЕЛ III

КОРЕННЫЕ ЭТНОСЫ И ЭТНОДИСПЕРСНЫЕ ГРУППЫ

Т.С. Мамсик

Институт истории СО РАН

ОБЩИНА НА ФРОНТИРЕ: СИБИРЬ И СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА XVIII - XIX вв.

Сравнительный анализ сходных исторических явлений, к числу которых с очевидностью относятся колонизации Северной Азии и Северной Америки, позволяет давно знакомые факты исследовать в контексте мировой истории. Этот же метод способствовал, в частности, выработке новой концепции освоения Сибири. В свете ее аграрная колонизация края рассматривается не как бегство "патриархального" крестьянина от грубого крепостничества к феодализму ("государственному") с более мягкими формами зависимости, а как реализация возможности российско-сибирского агрария развертывать на свободной земле товаропроизводящее хозяйство с перспективой его превращения в производство буржуазного типа.

Конкуренция колонистов за природные ресурсы - основу экстенсивного товарного производства доиндустриальной эпохи - задавала стремительные темпы колонизации Сибири, в результате которой весьма немногочисленным населением за два с половиной столетия была первично освоена гигантская территория от Урала до Тихого океана и до границ Центральной Азии. И это при том, что сибирский колонист (промышленник-зверолов и землепашец) осваивал край своими силами, при минимальной помощи государства и крупного капитала.

Колонизация Америки протекала примерно в тот же хронологический период - XVIII - XIX вв. Учитывая сложность ее первоначальных этапов, полагаем возможным провести наше сравнение по материалам преимущественно XVIII -первой половины XIX в., обращаясь к истории XVIII и второй половины XIX в. в случае необходимости.

В то время как российский мигрант не встречал на пути в Сибирь особых преград, европеец, останавливаясь перед океаном,

принужден был ждать, когда за дело возьмется крупный капиталист. В результате большая часть прибывающих в Америку колонистов была связана на несколько лет контрактными обязательствами со своими хозяевами. Более свободный в этом отношении будущий сибиряк землю занимал беспрепятственно и бесплатно в размерах, определявшихся его экономическими возможностями. В экономическом плане такая заимка считалась собственностью владельца. Он мог заводить на ней хозяйство, используя труд наемных работников, а мог продать, заложить, подарить и т.п.

В Сибири земля так и не стала объектом юридической собственности, в отличие от Америки, где юридическое оформление права собственности на землю (с определенной платой) было обязательным атрибутом хозяйственного ее использования или продажи. На последнем, самом массовом этапе истории фронта "гомседеры" становились юридическими собственниками своей земли еще до реального появления на ней¹.

Вследствие слабости или полного отсутствия аппарата государственной власти на территориях фронта перед новоприходцами возникала проблема самоорганизации. Решалась она, как в Америке, так и в Сибири формированием общины, воплощавшейся в широком спектре вариантов: от временной артели до постоянной территориальной общины - союза соседей-домовладельцев. В случае опасности община брала в руки оружие, превращаясь в военный отряд. В виде суда "стариков" (Сибирь), комитетов бдительности, заявочных клубов (Америка), в исключительных случаях посредством схода всех жителей община вершила суд, утверждала нормы общежития, вводила в сферу их действия вновь прибывающих колонистов. Она же гарантировала своим членам реальные права на занятые участки земли².

Единство форм и основных функций самоорганизации пионеров фронта свидетельствует о бесспорно общих моментах социальной истории первопроходцев двух регионов мира. Однако при сравнении целей и структуры институтов самоорганизации обнаруживается существенная разница в социокультурном облике "людей границы" Сибири и Америки. Задача такого сравнения затруднена тем, что, в отличие от Америки, куда печатное слово пришло одновременно с европейскими переселенцами и запечатлело историю фронта, сибирская народная колонизация оказалась почти не документирована: отношения ее субъектов строились преимущественно на традициях устной культуры.

Решить возникшую источниковедческую задачу удалось за счет обращения к косвенным источникам. В числе их оказался комплекс бюрократических документов, связанных с историей одной из последних фронтирных общин Сибири - каменщиков, или бухтарминских (алтайских) старообрядцев (староверов), колонизовавших в течение второй половины XVIII в. нелегально долину р. Бухтармы. Решение каменщиков в конце XVIII в. принять подданство России вызвало переписку администрации Алтайских горных заводов с Москвой, в которой подробно изложены были многие стороны хозяйственной жизни и социальной самоорганизации их сообщества, его взаимоотношений с аборигенами и отрядами пограничной китайской службы. После выхода общины в 1792 г. особый чиновник осуществил опись поселений беглых колонистов, вошедших в состав сибирских крестьян на праве "русских ясачных иноверцев". При использовании всего комплекса указанных документов была составлена картотека большинства фамилий каменщиков. В ходе сравнения ее материалов с информацией топонимических, антропонимических, лингвистических источников, различного рода фамильных списков фискального назначения был развеян историографический миф о "чистоте" славянской крови бухтарминцев. Их предки оказались выходцами из Зырянского (Коми) края, соединившими в себе субстраты славянского, коми-зырянского, пермского этносов. В Зауралье они обогатили свой генотип связями с народами обских ургов (ханты, манси). Следуя традициям предков, каменщики, поселившись в горах Алтая, не чурались браков с "киргизами" (алтайцами)¹.

Те же источники указали примерный маршрут и характер движения предков каменщиков по территории Западной Сибири. В Сибирь они пришли в XVIII - начале XIX в. По роду своих занятий это были служилые люди, ямщики, посадские, крестьяне, зверодобытчики. Вследствие того, что они были выходцами из единого района, семьи их успели переродниться между собой. Кроме того, деды и отцы каменщиков были раскольниками, т.е. членами не только территориальной, семейно-родовой, но и религиозной общности. Продвигаясь по территории Тюменско-Тобольского субрегиона, они вели одновременно разведку в районах Среднего и Верхнего Приобья. Всего в течение XVIII - первой половины XIX в. однофамильцы бухтарминской группы колонистов освоили более 50 земледельческих очагов (расположенных в будущих 12 уездах или округах Тобольской и Томской губерний), поставив в них до 500 поселений⁴.

Освоение новых территорий эти пионеры колонизации начинали с дальних и ближних разведок посредством промысловых отрядов. Наряду с промыслово-земледельческими заимками на передний край фронтальной границы выносились и скитские филиации раскола. Это были центры будущих религиозных общин переселенцев. В задачи "передовиков - промысловиков и скитских старцев ("пустынножителей") - входило обследование территорий, установление контактов с местными аборигенами, проведение опытных посевов и выбор участков для будущих поселений. На избранное место, освещенное духовно светом "истинной" веры, либо "броском" (в ситуации преследования властями), либо постепенно, перебирались семьи передовиков. Та часть переселенцев, которая присоединялась к колонистам случайно, вскоре обращалась в веру хозяев территории, а затем (при ограниченности брачных контактов) вступала с ними в родство.

Религиозная организация пионеров бухтарминского фронта компенсировала незавершенность сложения семей и семейно-родственных союзов, в которые вовлекался пришлый бессемейный люд. Эндогамия по критерию "своей" веры ускоренно формировала родственные коллективы. Дальнейшую их прочность гарантировало уже не только идейное, но и естественное родство, преобладавшее в рамках соседских общин. К началу XX в. бухтарминские деревни были почти сплошь однофамильными. Религиозная идеология санкционировала необходимые для их расширения и силошения нарушения ряда запретительных норм семейного права: освящала безбрачное деторождение, браки родственников; поощряла аскетизм быта, подчиняла семьи и кланы авторитету патриархов; культивировала взаимопомощь между родственниками как единоверцами.

По существу, вера у бухтарминцев была делом большой семьи и семейного клана. Культовую обрядность их выполняли свои же "старики", как это повелось со времени жизни в изоляции. В тот период жители "приношение молитв" в будние дни выполняли дома, а в праздники собирались "вообще" с той же целью в одном из домов деревни. Публичных чтений при этом не велось, несмотря на то, что грамотные (в том числе знавшие китайский язык) в их общине имелись. Особой нетерпимости к инакомыслящим в среде каменщиков не наблюдалось. Большинство их принадлежало к деноминации беспоповцев поморского согласия толка "стариковщины" (они же часовенные), но имелись всегда представители и других согласий беспоповщины. Культо-

вые здания бухтарминских ясачных (молитвенные дома) напоминали по своей архитектуре "простые клетские храмы зырян и пермяков". Главный наставник беспоповцев (с весьма характерной фамилией) А. Зырянов выстроил в дер. Белой моленную, которую они называли "церковью". По наблюдениям современников, бухтарминцы не заботились о спасении души, а обращались к богородице с молитвами о благополучии. Последующие переселенцы на Алтай считали ясачных колдунами и опасались с их стороны "порчи". Путешественников поражала зажиточность бухтарминских поселений, здоровый, цветущий вид их жителей.

Используя семейно-родовую и налажившуюся на нее религиозную организацию, пионеры колонизации осуществляли эффективное освоение колоссальных ресурсов края. Богатство этих ресурсов, опыт, накопленный общиной и заимствованный у аборигенов, взаимная поддержка - все это в совокупности позволяло им быстро поднимать хозяйство и, придерживаясь принципа комплексности, обеспечивать устойчивое развитие мелкотоварного уклада.

Фамильно-родовые кланы, организуя взаимопомощь, ограничивали до времени конкурентно-рыночные тенденции в своих коллективах, но в то же время вследствие неэквивалентного помогообмена позволяли снижать экономические издержки лидирующим семьям, ускоряя их переход в группы предпринимательских хозяйств. Однако даже по мере формирования буржуазного уклада семейно-клановые связи не сразу утрачивали свое стабилизирующее значение. Фамильным сообществам с единой религиозной ориентацией, по мере удаления фронта остававшимся в тылу колонизации, удавалось поддерживать относительную социальную однородность своих коллективов благодаря тому, что непосредственный объект эксплуатации для богатых дворов (аборигены, ссыльные, выходцы из "разностовных" деревень, заводское население) всегда в Сибири имелся за их пределами. Взаимопомощь на этом этапе развития приобретала дополнительные формы: взаимного субсидирования, складывания капиталов (в Сибири не было кредитных учреждений), межсемейных казенных и частных подрядов. Так самоорганизация мелких частных собственников, строившаяся вначале на принципах трудовой семейной кооперации, все отчетливее приобретала черты корпорации буржуазного типа, сохранявшей относительную социальную однородность своих членов⁵.

В зонах, где возросшее население переходило к частичной интенсификации хозяйства, клановые связи быстрее утрачивали

свое стабилизирующее значение. Распад кланов выражался в усилении конкуренции, появлении люмпенов, осуществлявших порою достаточно жестокие акции мести своим разбогатевшим родственникам⁶. В этих условиях еще более актуальный характер приобретало отстаивание своих прав на традиционные формы религиозно-общественной жизни со стороны оппозиционных официальной церкви общин. В этом заключалась одна из причин стремления семейно-родовых организаций на передний край фронта. Другой не менее важной причиной была необходимость в обновлении хозяйственных ниш. Ее вызывало либо исчерпание природных ресурсов, либо потребности в переориентации основных отраслей хозяйства в соответствии со сменой климатических природных циклов, а также - рыночной конъюнктуры.

Вследствие указанных факторов, а также стремления уйти от внутренних противоречий часть бухтарминцев на протяжении 1810-1890 гг. периодически отселялась от своей общины, реализуя уже описанный механизм миграций и систему социальной организации родственников. Такое переселение-бегство по-прежнему имело религиозно-идеологическое обоснование. Реальной же его целью был поиск аналога "Камню", история которого, удаляясь во времени, обрастала легендами и мифами. Определенное значение среди поводов к бегству имели слухи о существовании в Центральной Азии религиозной самоорганизации, основанной на принципах раннехристианской церкви. Маршруты беглецов проходили по путям, проложенным промысловыми отрядами и торговыми караванами, и приводили в достаточно отдаленные районы центральноазиатского региона. Важным результатом таких разведок и переселений было распространение среди населения Юга достоверных знаний о географии этого региона, сыгравших положительную роль при начале научного его исследования во второй половине XIX в. Следует также отметить, что в годы гражданской войны большая группа каменщиков переселилась (после остановки на время в Китае) в США, в штат Орегон, где проживает до настоящего времени самостоятельной общиной.

Самоорганизация бухтарминских каменщиков воплотила в структуре и характере эволюции своих общественных институтов наиболее характерные черты первопрородческих общин не только Сибири, но и других фронтальных окраин России⁷.

Из ныне известных, основанных пионерами американского фронта общин наибольшее сходство с характером самооргани-

зации сибирских колонистов обнаружила деминация американских мормонов. Это сходство проявило себя по целому ряду параметров.

Создание общины относится к 1830-м гг., когда в Америке стали складываться предпосылки первого экономического кризиса. Значительный отряд колонистов первой волны, обладавших капиталами, консолидировался в молодой класс преуспевающей буржуазии, в то время как более многочисленная часть переселенцев, преимущественно земледельцев, стала испытывать разочарование в "обществе равных возможностей". Между тем ее ряды продолжали пополняться новыми мигрантами, шансы которых на преуспевание оказались еще более проблематичными⁸.

В условиях, казалось бы, безнадежной ситуации Д. Смит, "малограмотный фермер" из дер. Пальмира, поставил задачу реализации социальной "утопии фермерской Америки". Средством ее воплощения в жизнь стала религиозно-ориентированная община с четко сформулированными установками, отвечавшими устремлениям мелких товаропроизводителей, сочетавших в себе черты тружеников и собственников. Краткую, но содержательную характеристику вероучения мормонов дал в начале XX в. русский священник С. Булгаков. "Учение мормонов представляет собой странную смесь ... у буддистов заимствовали они идею переселения душ, у язычников - веру в волшебство и колдовство... у христиан - веру в чудеса и изгнание дьяволов, у евреев - теократическое управление, у баптистов - крещение по достижении зрелого возраста, у пресвитериан - обычай голосования всех церковных вопросов и, наконец, у мусульман - восприятие горячих напитков и многоженство". Главную же основу философии мормонов составляла идея труда. Проповедники их заявляли: "Нечего людям ожидать блаженства в какой-то другой жизни, а нужно устроить на земле свое благосостояние посредством неустанного физического труда". Следовательно, все устройство общины оказалось подчинено не идее служения Богу, а целям "житейского материализма" - "наиболее производительной организации труда"

Таким образом, можно говорить о том, что и по демократическому составу своих членов, и по характеру вероучения, отвечавшего непосредственным материальным интересам их, общины американских и сибирских колонистов оказались достаточно идентичными. Известно, что внутреннее управление мормонской общины было подчинено принципам раннехристианской церкви (которыми, как было отмечено, интересовались и бухтарминцы).

Вопрос о том, какими способами реализовали мормоны идею трудовой кооперации в своих коллективах, остается пока открытым. Можно лишь предполагать, что помогообмен здесь, как и в сибирских общинах, носил эпизодический характер и имел основополагающее значение на этапе становления хозяйства. Очевидно также, что идея "семейной кооперации" как основной базы мелкого самостоятельного производства также оказалась у мормонов основополагающей и даже приобрела гипертрофированный характер при своем воплощении через многоженство. Как известно, это давало постоянный повод адептам других вероисповеданий к периодическим изгнаниям мормонов из пределов их территориальных общин. Причины такой агрессивности понятны: принимая в свой коллектив людей труда, мормоны лишали богатых землевладельцев дешевой рабочей силы. Теснимая в пограничные районы нескольких штатов (Миссури, Иллинойс, Айова, Небраска) община, проделав ряд миграций протяженностью в тысячи миль, закрепилась на передовой границе фронта, где в 1896 г. оформился штат Юта¹⁰. Так же, как и алтайские каменщики, американские мормоны в определенных масштабах сумели реализовать свои хозяйственные, социальные и отчасти политические идеалы. Этот успех был обеспечен главным образом условиями, которые те и другие искали и находили на переднем крае фронтальных территорий. Община мормонов, по-видимому, уже к середине XIX в., потеряв черты трудовой кооперации, полностью интегрировалась в структуру буржуазных общин корпоративного типа, преобладавших в Америке с самого начала открытия ее фронта. В целом проделанное сравнение позволяет сделать следующее заключение.

В то время как первопроходцы Сибири использовали в структуре своих самоорганизаций институты средневекового (и даже более раннего) характера, американские фронтиремены начинали сразу с уровня самоорганизации буржуазных частных собственников. Если в Сибири капиталы и прибыль являлись на свет на завершающих фазах колонизации, а в ее ходе существовали под покровом мелкотоварной экономики, то североамериканский фронтир на всем своем протяжении во времени и пространстве был зоной функционирования достаточно «чистых» буржуазных отношений. В задачи американской общины-корпорации входило не столько первоначальное накопление капитала (и отделение работника от средств производства), сколько его использование для получения прибыли при наличии богатейших ресурсов и рабочей силы мигрантов, приток которых был неслыхаем.

Используя мощную базу профессиональной культуры (школа, пресса), американские первопроходцы, объединенные в сообщества корпоративного типа, на базе которых формировались в начале колонии, а позже штаты, обрели тотальное средство воздействия на массовое сознание своих соотечественников, которое обеспечило им успех в борьбе за соответствующее целям промышленно-капиталистической стадии развития государственное устройство страны, - с максимальной автономией местного самоуправления.

Уяснение типологического сходства форм самоорганизации "людей границы" в Сибири и Америке позволяет поставить вопрос не только о рассмотрении сибирского опыта сквозь призму американского (стадиально высшего), но и наоборот. Возможно, что такие категории, как клан и религиозная община, обнаружат при этом и на американском фронтире свою исторически конструктивную роль, до времени скрытую мифами о фронтисмене как герое-одиночке¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буретин Д. Американцы: национальный опыт. М., 1993. С. 308; История США. Т.1 (1607-1877). М., 1983. С. 420.

² Ср.: Буретин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С. 10-273; Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989. С. 160-196.

³ Мамсик Т.С. Указ. соч. С. 4-21, 59-60, 183-195.

⁴ Там же. С. 46-60.

⁵ Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири: вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 205-227.

⁶ Там же. С. 102-106.

⁷ Клибанов А.И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 74-118.

⁸ Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1962. С. 104.

⁹ Булгаков С.В. Православие (из "настоленной книги для священно-церковно-служителя"). М., 1994. С. 361.

¹⁰ Буретин Д. Американцы: национальный опыт. С. 83; Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М., 1977-1978. С. 83.

¹¹ Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М., 1990. С. 58.

SETTLEMENT ON FRONTIER: SIBERIA AND NORTH AMERICA IN THE 18th-19th CENTURY

A comparative analysis of similar historical events (and the colonization of North Asia and North America is not an exception) allows one to examine familiar facts in the context of world history. Partly the this method was used in working out the new conception of Siberian development. From this point of view, agrarian colonization of Siberia is considered not to be peasant's fighting from rough serfdom to feudalism ("state feudalism") with more tolerable forms of dependence, but to be realization of Russian emigrant's possibility to conduct an extensive commodity economy with a perspective to turn it into production of bourgeois type.

A Siberian frontiersman (petty produce, trapper, rural worker) developed a territory mainly by his own forces, without a serious support of merchandise's capital and state treasury. Having founded a suitable plot of land, he occupied it without any payment and in a scale, which his economical resources allowed. That land became his property: he could sell it, or mortgage, or - which was more important - use hired labor resources without any limits. However, Siberian land didn't become a property from the legal point of view. And this is a great difference with America, where a legal property rights to land was compulsory for any land-user. At the end of the frontier history "homesteaders became the legal landowners of their land even before its real existence".

Because of the governmental structures' weakness in the frontier territories, newcomers had to be self-organized. In both America and Siberia it was done in different kinds of community: from temporary artel to constantly territorial unit of neighbors-householders. In case of emergency a community took up arms. A court of "oldmen" in Siberia as well as committee of vigilance and request clubs in America settled the conflicts, punished the criminals established the rules of coexistence, accepted the newcomers, guaranteed to the inhabitants their property rights to the lands. Very seldom some decisions were made by the all people of community.

A similarity of forms and main functions of self-organization proves undoubtedly the existing of common moments in social history of frontier pioneers in both regions. However, more comprehensive analysis of aims and structures of self-organization indicates a consid-

erable difference of socio-cultural features of "frontier people" in Siberia and America. But according to Siberia this task is rather complicated, for there are only few documents about the people colonization in this region. The fact is, that the culture of those participants was based on oral (partly written, but not printed as it was in America) exchange of experience from generation to generation. The following conclusions have been made only with a help of indirect sources.

A self-organization of Siberian settlers, based on a synthesis of several social institutes, and each of them changed its importance in new territories. Rural economy was a subject of agrarian colonization. But the labor potential of a family was not big enough for developing that economy. That's why the families, connected by relationship and religion, were forced to create a community.

In such communities the influence of market competition was limited. But nevertheless, some leading families had the possibility to get the status of businessman because economical costs decrease during the process of non-equivalent "help-change".

Gradual structurization of communities on social-economical principle led to their collapse and organization of new communities by separated families. Some communities in the rear of frontier got bourgeoisie corporate features. But even in that time a prosperity of economical units and a capital concentration was provided by exploitation of very cheap labor of the exiled and aboriginal.

In that places where the economy was partly intensified, the connections within a community lost stabilizing significance. Their relatives who lost economical independence, left a community and became lumpens or soldiers. But the frontier community remained the main factor of small commodity economy's developing and its turning into bourgeoisie economy.

The history of American frontier didn't know such metamorphoses. Only a famous Mormon's community had some similar features with a self-organization of stone-masons from Buchtarmin: the same democratic membership; faith in worldly materialism; constant reintegration (because of inner and external conflicts) and as a result - the tracks on the frontier forefront. However, by the middle of 19th century, Mormons integrated into a system of bourgeoisie communities. This type of settlements existed in America from the very beginning of colonization (but not in Siberia).

So if the Siberian colonists used in their self-organization the medieval institutes then self-organization of the American frontiersmen had a level of bourgeoisie private owners. If in Siberia die capitals and profits appeared only On the last part of colonization and before it

small commodity economy dominated, then North-American frontier was a place of rather "clear" bourgeoisie relations, during the whole its time and along all its boundary. A task of an American community was not only a primary accumulation of capital, but also its employment with the richest natural resources and cheap labor of migrants for getting a high profit. On the base of professional culture (schools, press), the American frontiersmen had a means for total influence on mass consciousness. It provided for a success in their struggle for appropriate government structure to die aims of industrial capitalistic stage of development, i.e. maximum autonomy of local self-government.

Understanding the topological similarity of the self-organization forms of American and Siberian "frontier people" allows to examine Siberian experience under the American one, and vice versa as well. Possibly, such categories as community and religious community had their constructive role for American frontier, but the myth about frontiersman as a individual hero covered it.

ПЕРЕХОДНЫЕ ЭТНОСЫ И ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ (Южная Сибирь, начало XX в.)

Характерной чертой этнического состояния Южной Сибири начала XX в. являлись незавершенность этнических процессов в аборигенной среде и отсутствие (за немногими исключениями) более или менее четко очерченных этносов с выраженным этническим самосознанием. Это было подмечено еще В.В. Радловым: "Только у телеугов и алтайских горных калмыков (алтай-кижи. - Л.Ш.) можно найти следы... национального сознания и особенно у вторых можно наблюдать совершенно одинаковые обычаи, был., язык, что позволяет нам считать их единым народом и объединять их единым названием"¹. Этническая ситуация в южно-сибирском регионе во многом определялась двумя обстоятельствами: изначальным разнообразием этнических групп и событиями XVII - XVIII вв., в которые было втянуто все население. Нужно иметь в виду, что в Саяно-Алтае существовала этническая и культурно-языковая непрерывность; к тому же с рубежа эр здесь происходила тюркизация самодийско-кетских популяций. Поэтому на краю тюрко-язычной ойкумены (и даже внутри нее) отдельными изолятами долго сохранялся дотюркский субстрат. С начала XVII в. в Южной Сибири возросло влияние не только Московского царства, но и Джунгарского ханства. Весь XVII в. южная граница Томского уезда остается подвижной, что отражало борьбу русских за данников с снисейскими кыргызами, а по существу - с Джунгарией, тоже пытавшейся утвердиться в спорном регионе². Кроме того, мощная ойратская миграция с верховьев Иртыша в конце XVI в. вытеснила из Южного Алтая часть здешних тюрков, которая уже в начале XVII в. объединилась в "государство" - Телеутскую землю русских источников. Это потестарное образование представляло опасность для первых в регионе русских форпостов - Томска и Кузнецка. Население севера Саяно-Алтая и Верхнего Приобья попало в зависимость от телеугов. Но их политическая гегемония постепенно слабела. С 1620-х гг. некоторые из них приняли московское подданство, и одна из таких групп осела близ Кузнецкого острога. "Независимые" телеуты сделали данниками Джунгарии, собирая дань с собственных кыштымов, но теперь уже в пользу

ханства. Примерно такой же статус со временем обрели енисейские кыргызы. В XVIII в. существовало четыре "княжества", где кыргызы составляли аристократическую элиту, брали дань с населения восточных отрогов Кузнецкого Алатау и Среднего Чулыма, но, в свою очередь, сами попали в вассальную зависимость от Джунгарии. В начале XVIII в. возрос политический вес "Кан-Каракольской земли" в центре и на западе Алтайских гор. Ее зайсаны играли заметную роль при дворе ойратского контайши: принимали участие в его выборах, собирали для Джунгарии дань с населения Саяно-Алтая, заходя на восточный склон Кузнецкого Алатау. Претендовали на западно-алтайские предгорья, на реки Бердь и Иню¹.

Таким образом, на протяжении XVII - начала XVIII в. в Южной Сибири имелось три автохтонных постарших образования: кыргызские княжества на Енисее, Телеутская земля в Верхнем Приобье и Кан-Каракольская земля в Горном Алтае. Само их бытование отражало не только политическую, но и определенную этническую целостность, культурно-бытовое единообразие, по крайней мере, "титального" населения каждого образования. В начале XVIII в. енисейские кыргызы - государствообразующий этнос - были переселены в глубь Джунгарии, дабы вместе с ними убрать объект претензий России, не обостряя отношений с нею. Большая часть телеутов, по существу, была физически разделена между русскими и ойратскими владыками. Кан-Каракольская земля, будучи частью джунгарского домена, просуществовала до джунгаро-китайской войны 1753-1756 гг. Цинский геноцид ойратов побудил население Горного Алтая отдаться под сильную руку Петербурга. "Земля" прекратила самостоятельное существование, но ее традиции прочно сохранялись.

Вплоть до середины XVIII в. положение южносибирского населения было сложным: находясь между Россией и Джунгарией, озабоченных увеличением числа своих земель и данников, оно, в любом случае, попадало в зависимость. Типичен статус "двоеданства": люди платили и алман контайше, и ясак царю. Понятно, что это вынуждало аборигенов стремиться уйти с известного завоевателям местообитания и, что более важно, к постоянным перетасовкам родоплеменных групп, уже подвластных России. Отсюда частые упоминания в русских документах о "потере" целых ясачных волостей, которые, со временем, всплывали в других местах, нередко и под другими названиями (так было с Тастарской, Гутальской, Итиберской и другими волостями). Все это препятствовало процессам этнической консоли-

дации: политическая неустойчивость, административно-социальные переустройства, затянувшиеся почти на 150 лет, дестабилизировали аборигенное общество. Они заставили коренных обитателей Сибири потерять многие достижения собственной культуры, разбалансировали основу их системы жизнеобеспечения - комплексное хозяйство. Постоянная тревога, необходимость скрываться от сборщиков податей, неустойчивое подвижное бытие вне привычного местообитания приводили к деградации и регрессу сибирских аборигенов, порождали чувства страха, неуверенности, равнодушия к делу. Все вместе взятое необратимо меняло важнейшие составляющие их менталитета.

С середины XVIII в. Россия повсеместно утверждает на юге Сибири, а местное население окончательно закрепляется в структуре российского общества под названием "инородцев", "ясаших" и пр. Но разновременное включение этнических групп в российскую юрисдикцию во многом определило разнонаправленность этнических процессов. Русские остроги XVII в. являлись административно-фискальными центрами. Именно к ним приписывались инородческие волости - образования не столько территориальные, сколько родоплеменные. Они и носили родовые названия: басагарская, кызыльская, шушская (шуйская), каргинская и пр. Иногда волость (и даже этнос) получала название по имени ее главы (Койбальская). Такое было обычным вплоть до принятия Устава об инородцах 1882 г., упорядочившего административно-территориальную структуру сибирского населения. Прежнее же устройство приводило к тому, что соседние, часто этнически близкие группы оказывались приписанными к разным острогам, а то и к разным уездам и наместничествам. Показательна в этом отношении ситуация в бассейне Среднего Енисея. В начале XVII в., например, в "Гюлькиной землице" бок о бок с кетоязычными аринами обитали и тюркоязычные качинцы. После основания Красноярского острога в 1628 г. на ее месте возникли Арская и Качинская подгородные волости. Из-за неудачного антирусского восстания качинцы вскоре откочевали значительно южнее Красноярска, на территорию киргизского Езерского княжества, но по-прежнему платили ясак в Красноярск - и в XVII, и в XVIII вв. Одновременно было объясачено население Среднего Чулыма, проживавшее рядом с качинцами, родственное им, но платившее подать в Томский, Мелесский, а позже в Ачинский остроги. Последний до 1823 г. входил в Томскую область. Еще южнее, в верховьях Томи, Мрассу, Кондомы, обитали

сагайцы, к XIX в. откочевавшие в истоки Белого и Черного Июсов и восточнее, но административно связанные с Кузнецким уездом. Словом, до 1823 г. население Среднего Енисея имело разные очаги притяжения: Кузнецк, Ачинск, Красноярск, что определило общую тенденцию этнических процессов: они замыкались внутрь этих волостей. Внутриволостной характер консолидационных процессов положил начало заметному противостоянию и между волостями, и между их населением: тюркоязычными качинцами, кызыльцами, сагайцами. Разная административная подчиненность сказывалась и на формировании разных этнических ориентаций. Для всей Южной Сибири типична ситуация: одни и те же роды (или их подразделения) закреплялись в разных волостях, принимая участие в становлении разных этносов или даже становясь их основой. Отсюда идентичные роды у современных шорцев и хакасов, хакасов и алтайцев, кумандинцев и шорцев. Сплошь и рядом практиковалось обратное: в рамках одной волости объединяли разнотническое население (позднее то же происходило в управах). Так, в кызыльской волости тюркоязычные ачинцы, басагары ассимилируют кетоязычных шу (шустов); в качинской - тюрки-качинцы поглощают кетоязычных тишцев, кайдинцев, аринцев, тубинских самодийцев; позднее то же происходит между сагайцами и койбалами⁴. В Южном Алтае к XIX в. полностью ассимилируются остатки западных монголов-джунгар: дербеты, моголы, чоросы. Вокруг Кузнецка северный осколок "телеутской земли" - кузнецкие телеуты, переселившиеся сюда еще в ХУП в., взаимно "переварились" с бывшими своими данниками: родственными им тьюльберами, абинцами, с отюреченными енисейцами ашкыштымами. Оставив новообразованию свое древнее имя, телеуты заложили основу этнического своеобразия, которое все более отдаляло их от праттноса - верхнеобских телеутов⁵.

Ассимиляционные процессы протекали в форме окончательной тюркизации самодийских и кетоязычных этнических компонентов. Даже когда Южная Сибирь уже была частью России, в аборигенной среде преобладала прежняя тенденция: во второй половине ХУШ в. юг Сибири фактически полностью переходит на тюркские языки. Некогда многочисленные народы к началу ХХ в. сохраняются только в виде тюркоязычных родов новых этносов. В целом ХУП - ХУШ вв. для южносибирского населения стали периодом ассимиляций. Возникает вопрос о механизме ассимиляционных процессов. После гибели потестарных образований основной этносоциальной единицей вновь становится род

(сеок). Но это уже не классический род, даже не ранний клан. Рядовая структура южносибирских тюрков носила "вторичный" характер: на первое место выступили не общность территории или экономической жизни, а само название рода как таковое. Где бы ни жили люди, носившие одно и то же родовое имя, они считались родственниками и при любом удобном случае стремились жить вместе. По всей Южной Сибири шли процессы стягивания родов, постепенно обозначались и центры притяжения. Мои информаторы в Горном Алтае подчеркивали: еще до коллективизации кипчаки старались селиться с кипчаками, тодоши - с тодошами и т.д. В результате стягивания родов и укрупнения их на определенных территориях происходило формирование территориальных групп. В горном Алтае последние, в свою очередь, входили в дочкины - административные единицы, доставшиеся России от Джунгарии и удачно использованные ею. За XIX в. они сделались почти "однородными", так, например, в 4-й дочине 87% составляли иркиты, в 6-й - 84% телесы, в 7-й - 84% майманы и т.п. Более мелкие роды концентрировались вокруг многочисленных и сильных. Подчеркнем: ставшая общим местом во всех исследованиях "разбросанность родов" сибирских тюрков являлась в большей степени результатом событий ХУП-ХУП вв., нежели "распада родовых отношений". Родовая структура, как ни парадоксально, вполне вписывалась не только в первично-потестарные образования, но и в общества с достаточно развитой государственностью. Это вытекало из основного признака рода: экзогамности, определявшей главную его функцию - регулирование семейно-брачных отношений. Последнее в конечном счете есть не что иное, как гарантия полноценного воспроизводства данной человеческой популяции. И это была та сфера, над которой не властны были ни аборигенные полугосударства, ни Джунгария, ни Россия. Даже в отношениях с иноязычными и инокультурными группами род сибирских тюрков, несмотря на свой этноцентризм, прекрасно сыграл роль ассимилятора: на иноэтничные группы стали переноситься межродовые отношения. Вторичным родом представители других этносов стали восприниматься не только (и не столько) как "не свои", но и как возможные брачные партнеры, т.е. межэтнические отношения переосмысливались и осуществлялись как межродовые связи. Это было подмечено еще Г. Миллером: "Арины и качинцы издавна соединялись брачным совокуплением"⁶. Через сотню лет о том же свидетельствовал Н.Ф. Каганов: койбальские парни воспринимали сагайских девиц как невест⁷. Добавим к этому: через

сагайских магерей тюркский язык еще прочнее утверждался в и без того уже изрядно тюркизированной кыргызами койбальской (самодийской) среде. Понятно, что речь идет, по сути, об остатках двух разных этносов - тюркского и самодийского, но такая же модель (только чаще с "обратным знаком") действовала и во взаимоотношениях аборигенов любой этнической принадлежности с русскими. Здесь для нас важно, что реанимированная, а кое-где очень устойчивая (Горный Алтай) родовая организация способствовала консолидации, и ассимиляции инородных компонентов в тюркоязычной среде. К концу XIX - началу XX в. этническая карта западной части Южной Сибири стала достаточно определенной.

Кузнецкие телеуты постепенно оседали на северо-западной периферии прежнего улуса - в бассейнах рек Малого и Большого Бачата, частично Чумыша⁸. В шести дучинах сосредоточились центральноалтайские аборигены, традиционно именовавшиеся алтайскими горными калмыками. Население бассейна Среднего Енисея после реформы 1822-1823 гг. входило в 4 административно-территориальных образования: Степную Кызыльскую думу Ачинского округа, Абаканскую инородную управу (качинскую) с центром в Усть-Абакане, Койбальскую, просуществовавшую до 1858 г. и вошедшую затем в Степную думу соединенных родов (сагайцы и бельтиры) или Аскызскую инородную управу с центром в с. Аскыз Минусинского округа (все в рамках Енисейской губернии). Кузнецкий и Бийский округа Томской губернии также имели инородческие волости. Бийский округ включал в себя "калмыцкие стойбища" (южные алтайцы) и несколько североалтайских волостей: Кережскую, Комляжскую, Кузенскую и Южскую (будущие тубалары). В Кузнецкий округ входили две Телеутские инородные управы, Верхне- и Нижнекумандинские волости (кумандинцы), Кондомо-Шелканская волость (челканцы) и шорские волости по Томи, Мрассу и Кондоме. В сущности, административные границы волостей и управ XIX в. определили этнические границы формировавшихся новых этносов. Кое-где административная граница рассекала близкородственную группу: сагайцы и шорцы, имевшие общих предков, оказались не только в разных округах, но и в разных губерниях. Это нарушило естественный ход этнических процессов, дав начало двум разным этносам - шорцам и хакасам.

Направленность этнических процессов в XIX в. была существенно деформирована интенсивной русской земледельческой колонизацией, началом горных работ, уголовной ссылкой. Наибо-

лее продуктивные земли предгорий Алтая, лесостепное Обь-Енисейское междуречье заселялись крестьянами, усиливалась русификация. С 1833 по 1860 г. только в Ужурской волости Енисейской губернии было переведено в крестьяне 113 семей инородцев Сгенной Кызыльской думы. В среднем за год в крестьянское сословие переписывалось около 20-30 человек. За период с 1833 по 1875 г. примерно 1000 человек стали осознавать себя не инородцами, а, скорее, русскими крестьянами⁹. Рост численности собственно русских и русифицированных аборигенов существенно изменил этническую картину Среднего Чулыма. Не отказавшиеся от привычного образа жизни кызыльцы передвинулись южнее — в верховья Чулыма, на берега Черного и Белого Июсов, оставив свою этническую территорию пришлым земледельцам. То же наблюдается и среди телеутов: на 1872 г. в телеутских улусах обитало 4463 человека, но 1872 из них уже не знали родного языка и не считали себя телеутами¹⁰.

Вместе с тем эти неблагоприятные внешние факторы дали толчок консолидационным процессам в аборигенной среде. У тех, кто жил оседло, укрупнялись улусы на уменьшавшейся территории, состояли теперь из представителей разных родов, формировалась улусная община, ограждавшая интересы всех ее членов, независимо от родовой принадлежности. У подвижных этносов площадь земель тоже сокращалась, и разные роды вынуждены были "уплотняться", сближаться. В результате в некоторых районах Южной Сибири складывалась благоприятная ситуация для мощных консолидационных процессов: ограниченная территория при относительно большой плотности населения в иноэтничном, часто иноконфессиональном окружении, ментальное тяготение "к своим" — все это способствовало нивелировке культурно-хозяйственных параметров, и без того разнившихся лишь в деталях. Переходные этносы Сибири начала XX в. не были идентичны тем, которые были известны в начале ХУП в.: изменились субстраты, их соотношения, формирование этносов проходило на другой территории. Так, заметно уменьшились в размерах земли потомков кан-каракольцев — алтай-кижи: из них выпал Рудный Алтай и северо-западные предгорья; этнической территорией телеутов стало не Верхнее Приобье или окрестности Кузнецка, а малая часть северо-западных отрогов Салаира. Будущие хакасы, предки которых так или иначе были подвластны енисейским кыргызам, обитая на периферии кыргызских княжеств, после "увода кыргызов" заняли земли последних: бассейны Абакана (вплоть до Саян) и Июсов. Сюда и были вытесне-

ны с исконных, более обширных земель оставшиеся их соплеменники, здесь и наметился очаг этногенеза будущих хакасов.

Формирующиеся этносы принимали новые этнонимы: отражение перехода от родового сознания к надродовому (национальному) с четким отграничиванием "своих" от "чужих" - но на иной основе. Мало-помалу возникали и разные формы этнической самоидентификации. Первый ее уровень у всех южно-сибирских аборигенов - все же родовое сознание. И поныне представители почти всех южно-сибирских этносов помнят свой род (сеок), сохраняют воспоминания о "сильных", аристократических родах, из которых в прошлом происходили князья, зайсаны, баштыки и т.п. Где больше (Горный Алтай), где меньше (Хакасия) продолжает действовать механизм родовой экзогамии. Известны случаи, когда название одного рода переносилось на всю близкородственную, но этнически не совсем определенную группу и со временем закреплялось как общий этноним, рядом с незабытыми родовыми названиями. Так произошло с шорцами и кумандинцами, которых В.В. Радлов обозначил как самостоятельные этносы, основываясь на наименованиях сеоков шор и куб/м/анды¹¹. И хотя для 1860-70-х гг. такое выделение не вполне корректно, оно сделало эти два рода центром притяжения консолидационных процессов. Теперь понятия "шорцы, кумандинцы" имеют прежде всего этнонимический смысл. Как сказано выше, тюркоязычное население Южной Сибири (кроме алтай-кижи и телеутов) и в начале XX в. именовалось татарами - кузнецкими, черневыми, абаканскими т.п. Русские констатировали таким образом распространение здесь тюркских языков (татарских) и отсутствие у аборигенов общих этнонимов (кроме, разумеется, родовых).

Обозначение термином "татары" этнически аморфного, но далеко не во всем единообразного (кроме, пожалуй, наречия) населения Южной Сибири - индикатор отсутствия сколько-нибудь определенно выраженных, сформированных этносов (за двумя исключениями). За 200 лет официального употребления этого термина он прижился и среди самих аборигенов как "эрзац-этноним", но лишь только четко обозначились очаги новых этногенезов южносибирских народов - он вышел из употребления, по крайней мере как средство самоидентификации. В настоящее время в регионе ни один этнос не имеет официального наименования "татары". Некоторые современные авторы пытаются механически объединить всех тюрков Южной Сибири без учета долгого и сложнейшего этногенеза и этнической истории в

"тюркский мир" или в сомнительно "этнокультурную и этнолингвистическую общность "татар"¹². Попытки эти, мягко говоря, неубедительны, во-первых, потому, что термин "татар" (множественное число от "тат"), переводимый как "зависимые люди", восходит к древнетюркскому времени и с тех пор циркулировал в южносибирской среде, обозначая не этническую принадлежность, а социальный статус (равнозначный последующему "кыпштым"). Во-вторых, со стороны русских было издавна принято обозначать всех, говорящих по-тюркски, татарами (ср. "закавказские татары" - азербайджанцы). Неточность этого понятия для Южной Сибири косвенно подтверждается и тем, что алтайцы, тоже тюрки по языку, но к моменту встречи с русскими значительно более определенные этнически, в русских источниках именовавшиеся "калмыками", применительно к себе этого слова не употребляли. В-третьих, бездоказательно постулировать "общетюркское... южно-сибирское самоназвание "татар", учитывая полисубстратность современных, а тем более древних этносов - попросту некорректно¹³. К тому же, неясно, к чему, к какому времени относится описываемая категория - к древним, средневековым, современным тюркам Южной Сибири? Справедливо считать обозначение южносибирского населения "татарами" отражением прежде всего его переходного этнического состояния в период русской колонизации Сибири. Аналогия видна и с "самоназваниями" типа "ясашные", "инородцы" и пр., отражавшими в первую очередь фискальный или социальный статус их носителей (как и древнетюркское "татар").

Следующий этап становления этнического самосознания - формирование собственного общего этнонима. Это становится возможным, когда стираются родовые различия в силу консолидационных процессов и общность в культурно-этнографическом плане становится гомогенной. В этнонимах, возникших таким естественным путем, фиксируется замена родового самосознания национальным, но традиционным способом: подчеркивается особая связь молодого этноса с его этнической территорией. Так, потомки кан-караколыцев, алтайские горные калмыки русских документов XVIII - XIX вв., вместо расплывчатого общеюжноалтайского "лингво-племенного" имени "теленгет" приняли этноним "алтай-кижи", т.е. "люди алтай", алтайцы, поскольку в их эпосе и мифологии Алтай - синоним понятия "Родина" в сакрализованном смысле. Этноним как бы утверждает: настоящие алтайцы только мы - и отделяет этническое новообразование от прочих родственных по языку и происхождению обитателей

этой горной страны. Население Большого и Малого Бачата тоже стало именоваться "пайат, пайаттар" - бачатцы, однако сохранило и древний этноним "телеуты", что утверждало связь молодого этноса с могучей Телеутской землицей - для самих себя и, в особенности, для других. Вместе с тем одновременное бытование двух собственных этнонимов отражало известную рыхлость этнической самоидентификации.

На заключительной стадии переходного состояния вообще возрастает интерес к прошлому, к поиску корней, усиленно работает историческое мифотворчество. Особенно наглядно это проявилось у алтайцев, принявших в 1904 г. национальную религию - бурханизм ("белую веру"). Это более обособило новый этнос, ибо бурханистами могли быть только алтайцы. После совмещения этнического и религиозного признаков бурханизм полностью реализовал свой этноформирующий потенциал, затронув все стороны жизни алтайца. Опираясь на историческую память, он заполнил лауну становления этноса алтай-кижи. Переосмысленная история Джунгарского ханства подавалась как своя собственная, как "великое прошлое", освящающее бытие этнического новообразования. Историческое мифотворчество воплотилось в мессианском образе Ойрот-хана, с приходом которого только алтайцы обретут новые ценностные ориентации и идеальный образ жизни. Будучи миллениаристским движением, "белая вера" была и конфессиональной формой этнической самоидентификации¹⁴.

У "абаканских татар" из-за специфики русской колонизации, сложностей ассимиляционных процессов и т.п. переходное состояние затянулось, и этническое самосознание и к началу XX в. еще не сложилось. Народная память здесь, в отличие от Горного Алтая, никак не увязывала себя ни с кыргызами, ни с их былым могуществом. Поэтому этногенетические процессы протекали довольно вяло и к концу XIX в. приняли некоторую конъюнктурную направленность, связанную с введением Н.Ф. Катановым в оборот неверно прочитанного древнекитайского названия кыргызов - "хагасы". В период советского национального строительства местная национальная интеллигенция, опираясь на авторитет Н.Ф. Катанова, настояла на присвоении национально-территориальному образованию названия "Хакасская автономная область", а ее населению - "хакасы". Этот искусственный этноним явился следствием незавершенности этнических процессов у тюрков юга Красноярского края и имел, по сути, только функцию отличия их от русских, в условиях чересполосного расселения тех и других. За несколько десятилетий квазиэтноним успешно

закрепился в сознании людей, но культурные, языковые, ментальные различия между этническими группами хакасов отчетливо видны и ныне.

В начале XX в. у некоторых южносибирских этносов этническая самоидентификация, отражая появление политических запросов в аборигенной среде, неизбежно перетекала в политическую форму. Это вполне закономерно: новому этносу необходимо совместить этноидеологическую и политическую принадлежность, пространственно ограничить универсальную оппозицию "свой-чужие" в форме национального государства. Наиболее явно эта тенденция проявилась у алтайцев. Летом 1917 г. была создана Алтайская горная дума, одной из задач которой было образование алтайской автономии, ибо наличие национального государства - неперемный этап любого конкретного этногенеза.

Итак, к XX в. народы Южной Сибири лишь обретали этнические очертания, находясь в переходном состоянии. Они демонстрировали разные формы этнической самоидентификации: родовую, этнотерриториальную, конфессиональную, политическую. Здесь налицо универсальная модель разных этапов глобального этногенеза, изучение которых весьма небесполезно и с практической точки зрения. Упомянутые ментальные формы определяли пространственно-временные рамки новых этносов. Результативность этнических процессов во многом определялась наличием и сохранностью этноисторических традиций, осмыслением реального или мифического наследия ранних постстарых образований. Начало XX в. стало для алтайцев временем выхода на тот же уровень политической самоидентификации, которой обладали кан-каракольцы, но уже в новых условиях. Нечто подобное, хотя и не достигшее кульминации, происходило у телугов. У хакасов переходное состояние не прошло, поэтому, несмотря на закрепление за ними ставшего привычным искусственного этнонима, каждый из них устойчиво соотносит себя даже сейчас с одной из трех групп, действительно сложившихся в начале века: с кызыльцами, качинцами, сагайцами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Радлов В.В. Из истории Сибири. Новосибирск, 1989. С. 122-123.

² Синяев В.С. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII в. //Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 79-88.

³ Шерстова Л.И. Этнические процессы на Южном Алтае в XVII - первой половине XVIII в. //Вестник ЛГУ. 1985. № 2. С. 88-90.

⁴ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.

⁵ Функ Д.А. Бачатские телеуты. Кн. 2. М., 1993. С. 286.

⁶ Потапов Л.П. Указ. соч. С. 77.

⁷ Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897. С. 62.

⁸ Функ Д.А. Указ. соч. С. 18.

⁹ Ярилов А.А. Кизилцы и их хозяйство. Юрьев, 1899. С. 187.

¹⁰ Функ Д.А. Указ. соч. С. 37.

¹¹ Радлов В.В. Указ. соч. С. 120-122.

¹² Функ Д.А. Указ. соч. С. 21, 24.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ Шерстова Л.И. Этноконфессиональная общность: к проблеме эволюции субэтносов //Расы и народы. Вып. 21. М., 1991. С. 29-45.

L.I. Sherstova

TRANSMITTING ETHNOSES AND FORMS OF ETHNIC SELFIDENTIFICATION (south Siberia, the beginning of the 20th century)

At the beginning of the 20th century the majority of aboriginal ethnoses were in transitional form. It was the peculiarity of the ethnic situation in South Siberia. The new ethnogenesis step in this region began in the 17th century. South Siberia became the zone first of all of Russian and Djungarian political rush. That broke the existing ethno-political balance and led to the numerous occasional migrations, to dispersal and endless shuffling of population.

In the 19th century the natives of South Siberia turned into the form which remained till the beginning of the 20th century. Just administrative boundaries of small districts and boards set the ethnic bounds to the formation of new ethnoses.

The direction of ethnic process in 19th century was vitally deformed by the extending Russian agrarian colonization, the beginning of mining, criminal exiles. This promoted rapid and visible russifica-

tion of the aboriginal ethnoses, mainly at the foothill of the Altai and Salair, in the middle Chulim and also the reduction of its ethnic territories.

But the limit of territories with the increasing density of population, the neighborhood of other ethnic groups strengthened consolidation process, contributed to the leavening of culture-household differences, clearly lined the centers of ethnogenesis.

Transmitting ethnoses at the beginning of the 20th century were not identical to the peoples who lived in Siberia in 17th century.

At the beginning of the 20th century ethnic consciousness of some southsiberian ethnoses inevitably turned into political shape. National intelligence was the active factor of this natural process. It was more brightly represented in Altai's inhabitants. In 1917 they created the Altai Rock Duma, the aim of which was Altai autonomy.

КАЗАХИ ЮЖНОГО АЛТАЯ (ФАКТОР ГРАНИЦЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)

Южные пограничные области Горного Алтая с глубокой древности входили в зону активных историко-культурных процессов кочевой ойкумены. После завершения начальных этапов этнообразования уже в новое время история пограничья определялась расстановкой сил различных этно-территориальных группировок Саяно-Алтая, Монголии и Казахстана, втянутых в орбиту геополитических интересов России, Китая и Джунгарии.

К началу XIX в. после разделения основных сфер влияния между цинской династией и русской монархией этот регион отличался сложным смешанным составом населявших его народов и подвижной чересполосицей их кочевий¹. Дальнейшее развитие ситуации было связано с демаркацией границы двух восточных держав. Еще в середине XVIII в. большая часть алтайских зайсанов приняла российское подданство. В 1822 г. территории за Колывано-Кузнецкой линией были объявлены собственностью Кабинета Императорского двора. Однако их статус оставался неопределенным. Китайские власти рассматривали Южный Алтай как буферную зону поднебесной империи. Только в 1864 г. был подписан Чугучакский договор, который впервые обозначил границу России от Алтая до Тянь-Шаня, впоследствии уточненную Санкт-Петербургским договором 1881 г.² Граница проходила по направлению водораздельной линии Саянского и Сайлюгемского хребтов до перевала Улан-Даба, Большого Алтая и так далее. Ее разметка производилась летом 1861 г., а первый пограничный знак был установлен у пикета Укок, вблизи современной погранзаставы Ак-Алаха, который вместе с другими пунктами китайской караульной линии (в том числе Юстыд, Тархаты, Карабулак) перешел в российские пределы³.

Договор о границах включал и вопрос о народонаселении некогда спорных территорий. Один из его разделов гласил: "...Где упомянутые народы жили до сего дня, так по-прежнему и должны оставаться, и к какому государству с землею отходят и самые люди, и тем государством управляются"⁴. Это положение создавало основу для разрешения конфликтов, связанных с прохождением сквозь караульные линии традиционных маршрутов сезонных перекочевков. Установление фиксированной границы вызвало

дробление тувинского и казахского этнического ареалов. Во власти Китая оказались Урянхайский край, тувинские племена Монгольского Алтая и многочисленные группы казахов Среднего Жуза - родовые подразделения кара-кереев (племена найманов), абак и айшемайлы (племена кереев). В конце XIX - начале XX в. они кочевали в бассейне Кобдо до вершин Булгуна, Сакса и далее, сохраняя при этом устойчивые связи с казахской степью и Алтаем⁵. Горы, соединяющие Северо-Западную Монголию и Чуйскую степь с Прииртышьем, пересекали плоскогорье Укок. Проложенные еще в глубокой древности, они продолжали сохранять свое значение, превращаясь в маршруты купеческих караванов, идущих по Бухгарминскому тракту в сторону Кобдо.

Наряду с внешнеполитическим фактором существенную роль в корректировке этнополитической карты региона играли административные реформы XIX - начала XX в. на окраинах Российского государства. В самых общих чертах они сводились к утверждению общеперсской системы управления. Результатом преобразования стало создание в юго-восточных районах Горного Алтая в местах теленгитских кочевий 1-й и 2-й Чуйских волостей. Плоскогорье Укок, долины рек Ак-Алаха и Джазатор лежали в их внешних пределах - на кабинетских землях, которые на востоке выходили к государственной границе, а на юге - к кочевьям Среднего Жуза⁶.

В конце XIX в. в казахских степях завершился переход к уездному и волостному делению областей. В соответствии с Положением 1891 г. земля признавалась государственной собственностью и оставалась у кочевников в бессрочном общественном пользовании. Отдельные волости и уезды создавались не по родственному делению, а по принципу "совместного поземельного пользования" и имели строго определенные границы⁷.

Унификация землеустройства наряду с ростом переселенческого движения и изъятием земель в пользу вновь создаваемых крестьянских селений и казачьих постов обострила проблему кочевых угодий. В степи сокращались амплитуды сезонных перемещений, изменялись традиционные маршруты кочевания.

Переселенцы из пограничных с Алтаем волостей осваивали кабинетские земли. Их проникновение в долины рек Ак-Алаха и Джазатор и далее в пределы внутренней линии Чуйских волостей продолжалось на протяжении нескольких десятилетий. В 1882 г. летние стоянки казахов были зафиксированы на Ак-Коле. Новые группы казахов появились в этом районе в середине 80-х гг. Известно, что в 70-е гг. бий Тохтамыс поднял казахов Чингистай-

ской волости (родовых подразделений самасв, каратаев, каракереев племени найман) и убедил их бежать в Китай. Через десять лет они вновь пересекли границу, начав перекочевку в сторону Колгуты, Укока, Джазатора, Джумалы, затем Тархаты и далее на теленгитские земли. В 1890 г. в пределах 2-й Чуйской волости, согласно рапорту родового старосты Т. Юлукова, насчитывалось 128 кибиток чингистайских казахов, которых возглавляли Нурсалхан Тохтамысов и Атчабак Ухасв⁸. На кабинетских землях с ними соседствовали казахи - подданные Китая. Их возглавлял зайсан Абдульдо Сарыкалдыков.

Согласно версии, записанной в 1898 г., вероятно, со слов самого Абдульдо, предки казахов, именуемых по прапрадеду сарыкалдыками, а по прадеду кольджибаевцами, "жили издавна на урочищах Чингистай и Арчеты. Лет 30 тому назад, в 1865 или 1866 г., когда вышеназванные места продолжали оставаться за Китаем, они из-за тесноты двинулись было на юг, к Кобдо, но и там в искомом приволье сказался недостаток, и потому кольджибаевцы через 15 лет, в 1880 г., потянулись обратно. Но в эту пору и Чингистай, и Арчеты были уже в русских пределах и были заняты другими родами. Тогда они перешли по соседству в Бийский округ на кабинетские свободные земли. С согласия калмыцких (теленгитских) зайсанов 1-й и 2-й Чуйских волостей (потому что Кабинет отдал эту землю калмыкам) они кочуют по рекам Тархаты, Ясатеру (Джазатору) и Чоганборгузу, платя 50-100 руб. в год арендной платы" (по другим источникам она составляла 500-600 руб. в год)⁹.

В 1887 г. выходцы из пределов Китая заявили о своем желании перейти в российское подданство. В 1883 г. они подали прошение на высочайшее имя. Российские власти, приняв документ к рассмотрению, отвели "неверноподданным" казахам пустолежащие земли Колгуты и Укока. Однако сарыкалдыки не спешили выполнять государственные решения. Большая часть их кочевий по-прежнему располагалась в долине р. Тархаты¹⁰.

После выхода группы сарыкалдыков из-под контроля китайских властей и переселения за границу на свободные земли Алтая она состояла из 77 семей (кибиток). В 1900 г., накануне принятия российского подданства, их численность возросла до 110, а в 1907 г. - до 150 кибиток. Путешественники, посетившие кочевья сарыкалдыков в 1898 г., восхищались зажиточностью местного населения и отмечали наивное тщеславие зайсана, составившего "Посемейный список народа Сарыголдак": "Все носят фамилию Сарыголдак"¹¹.

Тем не менее уже с 90-х гг. в высшие инстанции Томской губернии и Алтайского округа начали поступать донесения о злоупотреблениях, чинимых предводителем казахов-сарыкалдыков. В написанном в 1901 г. прошении казахов, кочующих в верховьях р. Чуя в урочище Кош-Агач, говорилось: "Ранее до верноподданства нашего России нами управлял киргиз (казах. - И.О.) зайсан Абдулло Калдыкин и во все управление нами он совершенно обобрал наше общество кого и чем мог; между прочим, распространил среди нашей кочевой группы грабежи, воровство и драки посредством принятых им на жительство киргиз (казахов. - И.О.), совершивших ранее преступления в местах прежних приписок, где таковые именно ранее нас были уже в подданстве России; а некоторые лица из них привлечены Абдуллою во второй раз к присяге на верноподданство, так как люди эти, укрывавшиеся под его покровительством, все время их побега из прежних мест жительства"¹¹.

Укрывая беглецов, приглашая единоплеменников из Монголии и Бухтарминского края и за это взимая с них дань, свободный зайсан Абдулло увеличивал численность собственных подданных. Несмотря на неоднократные, порой ультимативные требования местных властей покинуть пределы Чуйской степи и откочевать на отведенные земли Колгуты и Укока, А. Сарыкалдыков продолжал контролировать районы, прилегавшие к торговому тракту, который шел из Кош-Агача в Кобдо. Постепенно его влияние распространилось на всю 50-верстную приграничную полосу, в пределах которой действовал принцип беспошлинной торговли, сулившей немалые доходы¹².

Укрепляя собственное положение, А. Сарыкалдыков добивался включения вольных казахов-сарыкалдыков в официальные государственные структуры. Не единожды он подавал прошения об административном устройстве своих подданных с выделением их в самостоятельную волость и с предоставлением ему печати и статуса волостного старшины или родового старосты. Уездное и губернское руководство считало целесообразным создание казахской волости для установления контроля над его населением. Однако они не стремились к признанию власти свободного зайсана. В 1908 г. на имя уездного исправника поступил рапорт пристава 5-го стана Бийского уезда с ходатайством о тюремном заключении и высылке в Нарымский край политически неблагонадежного зайсана А. Сарыкалдыкова¹³. Какова была дальнейшая судьба этого человека - неизвестно. Его имя не упоминалось в публикациях более позднего времени. Вместе с тем родовое под-

разделение сарыкалдыков сохраняло статус наиболее почетного среди казахов Южного Алтая.

Как бы ни складывались отношения местных лидеров, процесс переселения казахов продолжался. Все более проблематичным становилось поземельное устройство. Формально разрешен этот вопрос был в 1913 г., когда Землеустроительная комиссия предъявила казахам отводную записку. В соответствии с ней под казахские кочевья были определены земли на левом берегу Чуи. Численность казахов, получивших этот надел, выражалась цифрой в 672 души мужского пола (из них 462 - сарыкалдыки, 210 - катонские казахи). Они и составили население вновь созданной Казахской волости¹⁵.

Однако ситуация в южных пределах Горного Алтая была далека от стабилизации. Одно из ведущих мест во внешней политике России на Востоке вновь занял пограничный вопрос - проблема русско-китайско-монгольских отношений. После того как в декабре 1911 г. в Урге была провозглашена независимость Халхи, российские власти активизировали свою политику в Западной Монголии. Предметом имперских интересов стали Кобдосский и Алтайский округа. В 1912 г. Кобдо был присоединен к независимой Халхе, Алтайский округ (выделенный из состава Кобдосского в 1907 г.) остался под контролем цинского правительства.

Стратегия царской дипломатии в отношении этих административных структур состояла в том, чтобы превратить их в буферную зону на границе с поднебесной империей¹⁶. Поэтому начиная с 1911 г. Россия оказывала всемерную помощь халхаским ханам в их борьбе за овладение Западной Монголией; когда средства дипломатического давления были исчерпаны, в 1913 г. она ввела в Кобдосский округ свои войска. Ситуация в этом районе была очень сложной. Светская и духовная власть находилась в руках жесткого и волевого авантюриста Джаламы, который вышел из-под контроля Урги, намереваясь создать независимое государство ойратов (западных монголов) в составе Кобдосского и Алтайского округов. Утверждая собственную власть, он сделал нормой практику этноцида. Особенно жестоким преследованиям подвергались казахи, кочующие в округе. При аресте деспотичного лидера в 1914 г. в его доме, наряду с драгоценностями и мехами, был найден скальп казаха¹⁷. По приказу Джаламы, кочевников-мусульман лишали пастбищ, отбирали скот и имущество. Доведенные до отчаяния, в сентябре 1913 г. казахи бежали к русской границе.

Согласно представлению крестьянского начальника 4-го участка Бийского уезда Томской губернии, "из провинции Монголии Бекен-Мерина в пределы Российской империи (надельные земли Бургузинского общества Кош-Агачской волости) вторглось более 5 тыс. человек (по другим данным 4 тыс. человек. - *И.О.*) монгольско-подданных киргиз (казахов. - *И.О.*)... Во главе киргиз стоит родовой зайсан Куванган, юноша 15 лет, отец которого за-сечен розгами монголами, а родной дядя зайсан Арсалан остался в плену с четырьмя своими сородичами. Причиною, побудившею этих киргиз перейти русскую границу, послужило то обстоятельство, что монгольские власти, подозревая их в сношениях с китайско-подданными киргизами, стали их преследовать, принуждая к переходу в буддизм, и часто временно перегоняя их с места на место: с места их родины по долинам рек Кобдо, Саксай, Ойгур, Суок, Цыган-Гол и Карганаты они нынешнею весною были выселены из Бекен-Мерин, когда же их снова хотели переселить за город Уланком осенью, уже во время начавшейся бескормицы, они не пожелали исполнить этого распоряжения и самовольно перешли в пределы России, где и заняли надельные земли Бургузинского общества. По словам явившихся вслед за беглецами монгольских князей, киргизы перед своим уходом прирезали 40 монгольских солдат... Киргизы своей массой стали вытеснять коренное население. Киргизский скот начисто стал вытравлять зимние пастбища и заготовленное на зиму сено. Теленгиты, опасаясь преследования вторгнувшихся к ним киргиз монголами, о чем ходят упорные слухи, и ввиду отсутствия с этой стороны русской воинской охраны, стали спешно покидать свои жилища, угоняя скот, бросая все на произвол судьбы"¹⁸.

Перешедшие границу казахи подали прошение на высочайшее имя о желании принять русское подданство и нести все государственные повинности, включая военную службу. Царское правительство было против переселения казахов в пределы России и рассчитывало убедить их вернуться в Монголию. И все же глава русского консульства в Кобдо предупредил монгольские власти о том, что войска, посланные в погоню, не могут пересекать российскую границу. Он также предложил правительству Урги выделить казахам, которые вернутся в округ, хорошие пастбища. Монголы требовали выдачи беглецов, т.к. в 1912 г. те приняли подданство Халки. Однако казахи отказались возвращаться. Часть из них откочевала на земли Восточного Казахстана и Томской губернии, другая - переселилась в Алтайский округ¹⁹. Основное население этой части Китайской империи составляли,

162

кроме монголов-торгоутов и урянхайцев, 12 казахских родов, в том числе казахи-киреевцы, ушедшие в конце XIX в. из пределов России и принявшие китайское подданство, а также китайцы, уйгуры и другие народы.

Присоединение Алтайского округа к Халхе осложнилось не только наличием мощного военного контингента - группировок дунганских и китайских войск, оснащенных артиллерией, но и политическими ориентациями многонационального сообщества. "Казахи, - как подчеркивает Е. Белов, составлявшие довольно значительную часть населения Алтайского округа, в общем-то не желали быть под властью Урги и Кобдо. Дело в том, что, по словам российского консула в Шарасуме (центр Алтайского округа. - *И.О.*) М. Кузьминского, "законными собственниками" земель, которые в округе занимали казахи, являлись монголы. Казахи боялись, что с распространением власти ургинского правителя на Алтайский округ они могут быть либо изгнаны отсюда, либо их политическое и экономическое положение еще больше ухудшится"²⁰.

Казахи оказались меж двух огней: возможная угроза депортации в будущем и разорительные поборы китайской администрации в настоящем. Усиление военного присутствия цинского правительства в округе обернулось непомерным увеличением налогов. Пытаясь избежать разорения, три тысячи семей казахов-киреевцев осенью 1913 г. откочевали в Синьцзянь. Ряд казахских угурдаев (родовых старшин) вынашивал идею "создать автономное княжество киргизских (казахских. - *И.О.*) родов под покровительством России для окончательного слияния в будущем с Российской империей". Другие Казахские угурдаи надеялись, что русский царь даст им "временный приют" в России, а затем "по окончании смуты" вернет их на свои кочевья на Алтае и включит их земли в состав России"²¹. Тысячи казахов в сентябре 1913 г. ушли в степь Казахстана.

Национальный вопрос был частью пограничного конфликта. Военное противостояние Китая и Монголии с участием русских войск закончилось подписанием договора о демаркационной линии между Алтайским и Кобдосским округом. Усилиями российской дипломатии Алтайский округ, оставаясь частью Китая, стал сферой приоритетного влияния царской империи. К 1915 г. монгольский вопрос был решен. Тройственная русско-китайско-монгольская конференция в Кяхте приняла соглашение о Внешней Монголии (образованной Халхой и Кобдосским округом), которая получила широчайшую автономию в составе Китая"²².

В это же время началась миграция казахских родов за пределы российского Алтая. Начало первой мировой войны отозвалось ростом эсхатологических настроений среди коренного населения региона. Определенную роль в этом, по мнению сотрудников Алтайской духовной миссии, сыграли слова, принадлежавшие якобы архимандриту Макарию, основателю миссии. Он будто бы предсказал, что перед "кончиной мира" инородцев будут брать в солдаты. Это предание имело широкое хождение на Алтае. Постановления правительства о призыве инородцев на тыловые работы и о выполнении ими трудовой повинности вызвали возмущение среди казахов и теленгитов. Согласно миссионерскому отчету за 1915 г. в пределы Монголии бежали 182 семьи казахов. С собой они угнали скот теленгитов, поставив им ультиматум: "Или идете с нами и получите обратно свой скот, или же оставайтесь здесь, проститесь навсегда со своим скотом". В результате за казахами последовало 110 юрт теленгитов. За беглецами была выслана погоня. Но прежде чем войска выступили в поход, теленгиты решили возвратиться на родные пепелища. "Ехали они, держа в руках белый флаг, и кроме того, ведя в поводу белую неоседланную лошадь в знак своей покорности белому царю". В пределы русского Алтая возвратились почти все бежавшие теленгиты и почти 80 юрт казахов. Предводители беглецов были подвергнуты тюремному заключению²⁵.

История миграций в приграничной полосе была полна трагических страниц. Жестокая политическая круговерть, связанная со сменой политических режимов в России, привела к новым подвижкам населения. Спасааясь от социально-экономических экспериментов и политических репрессий 20-30-х гг., сотни казахских семей из Восточного Казахстана и Алтая уходили в Китай и Монголию. Часто попытки вновь пересечь границу имели трагический конец.

Динамику этнодемографических процессов в пограничном районе Алтая позволяют проследить статистические материалы 1926-1927 гг. Численность казахов Чуйской степи они определяют в 100 аулов (из трех-восьми кибиток каждый). На территории Казахского сельского совета в те годы проживало 2175 чел. (при общей численности казахов Алтая в 2326 чел.). При этом в отчете по итогам переписи 1926 г. оговаривалось, что в Кош-Агачском районе остались не приписанными 43 хозяйства кочевых казахов, зимующих на р. Джазатор на спорной между Ойратской автономной областью (созданной в 1922 г.) и Казахском территории государственного фонда. По родовому составу

казахи Алтая принадлежали в основном к племени найманов (родовые подразделения каратай, кекжары, кара-керей). Согласно материалам А.Н. Самойловича, к другим племенам Среднего жуза относились: к керейам - четыре-пять семей, к уакам - 30 семей Чуйской долины.

К переписи 1939 г. численность казахов этого района приблизилась к 3 тыс. чел. (при общей численности около 9 тыс. чел.). Тенденция к увеличению группы казахов Южного Алтая сохранялась и в последующие десятилетия. Новая волна иммиграции приходится на годы укрепления советско-китайских отношений. По данным на 1989 г., население Кош-Агачского р-на Горно-Алтайской автономной области составляло 16,4 тыс. человек: 39,6% от общего числа приходилось на долю теленгитов и алтайцев, 54,4% (около 9 тыс. чел.) - на долю казахов. С 1990 г. начинается массовый отъезд казахов за пределы Алтая. По заключению правительственной комиссии, его обуславливает стремление к воссоединению нации, возобладавшее с провозглашением независимого государства Казахстан. В 1991 г. казахи района насчитывали 8200 человек, теленгиты и алтайцы - 7013; в 1994 г. соответственно 6377 и 7264 человека. В последние годы миграция пошла на убыль, наметился обратный процесс. Для казахов-переселенцев, столкнувшихся с необходимостью адаптации к экономическим и социокультурным условиям вновь обретенной родины, возникла проблема этнической идентификации.

За время существования в пределах Алтая, в своеобразной природно-географической зоне высокогорья, в инокультурном окружении при относительной изолированности от основного этноконфессионального массива, различные родоплеменные и территориальные объединения казахов сплотились в единую этническую группу, обладающую высоким уровнем самосознания. Сохраняя память о местах исхода, поддерживая связь с близкими к Алтаю казахскими районами, они сознают свою языковую, религиозную и культурную самобытность. Стабильность границы и особый административный режим пограничной зоны объективно являются факторами консолидации казахов Южного Алтая на протяжении последних десятилетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1927. Т. 2.; Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи:

XVII-XVIII вв. Алма-Ата, 1983; Он же. Цинская империя и народы Саяно-Алтая: XVIII в. Алма-Ата, 1983; Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.: Л., 1953; Он же. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

² Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII - середине XIX в. //Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 167, 171; Грум-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 729-730, 733.

³ Самаев Г.П. Горный Алтай ... С. 172.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. СПб., 1881. С.2-9; Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев... С. 35-45; Хафизова К.Ш. Некоторые данные о расселении казахов в XVIII в. //Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч.2. М., 1987.

⁶ Самаев Г.П. Горный Алтай ... С. 173.

⁷ Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алма-Ата, 1972. С. 14-17.

⁸ Шмурло Е. Описание пути между Алтайской станцией и Кош-Агачем в Южном Алтае //Записки Западносибирского отделения Императорского Российского географического общества (ЗСО ИРГО). Омск, 1898. Кн. 23. С. 37; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 92.

⁹ Шмурло Е. Указ.соч.С.42; ГАТО. Ф.3. Оп. 44. Д.3216. Л.119.

¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 65, 70-72.

¹¹ Шмурло Е. Указ. соч. С. 42.

¹² ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 93-94.

¹³ Грум-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 739.

¹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 65, 153, 119-122, 154-155.

¹⁵ Там же. Л. 170.

¹⁶ Белов Е. Царская Россия и Западная Монголия в 1912-1915 гг. //Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 96.

¹⁷ Там же. С. 99, 104 (материалы АВПР - ФФ. Китайский стол, Миссия в Пекине, Канцелярия министра).

¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 170б, 170в.

¹⁹ Белов Е. Указ. соч. С. 99-100.

²⁰ Там же. С. 10

²¹ Там же.

²² Там же. С.100.

²³ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 3-5.

I. V. Oktiabrskaya

THE KAZAKH POPULATION IN THE SOUTHERN ALTAI. THE ESSENCE OF THE BORDER IN THE ETHNIC HISTORY

The multinational character of the modern administrative territorial units in the south of Gornyi Altai is determined by the active migration processes that was characteristic for the nomadic world for centuries when little attention was paid to boundaries. After the initial periods of ethnic formation was finished, the territory of the Altai was inhabited in modern time by the mixture of nations with the interchanging areas of their migrations. The further development of the situation was connected with the demarcation of border separating Russia and China. The Treaty on the Borders (1864, 1881) included the Article on the population. The fixed border caused the division of the traditional ethnic areas of habitation. Together with the factor of Foreign policy it was the reforms of administration of the margins of the Russian State at the end of the 19th - beginning of the 20th centuries, that played their important role in the correction of the ethnic map of the region In question.

The insertion of the " inner boundaries" has changed the ethnic areas and determined the direction of migrations. At the end of the 19th century The tribes of the Kazakhs from the Eastern Kazakhstan steppes invaded the Altai. At the same time the Altai was occupied by the Kazakh tribes that moved from Mongolia and China. The Kazakh migrations across the border to the Altai were caused by the changes in the social and economic situation and went on until 1930-ies. The stabilization of the border, strengthening of the Soviet formation, together with the adoption of the special administrative rules in the frontier zones enhanced the fixed character of the ethnic map of the given region. For a slightly more than a century different tribal and territorial entities of the Kazakhs occupying the frontier territories of the Russian part of the Altai have consolidated into a single ethnic group with the special language, religious and cultural properties and with a high degree of self-consciousness.

ПОЛЯКИ В СИБИРИ. 1918 - 1920 гг.

(к вопросу об особенностях национального самосознания)¹

Сибирь и США как исторические пространства имели особую специфику. Они создавались как многонациональные территории. В США и Сибири сложились молодые многонациональные сообщества, где чисто условно можно было выделить какую-либо господствующую национальность. На данных исторических пространствах все пришлое население было некоренным. Коренные жители здесь не выполняли объединяющей роли. Интегрирующим началом в Сибири были русский язык и русская культура, в США - английский язык и соответствующая культура, т.е. культура пришлого населения. Особенность заселения Сибири заключалась в том, что значительные, масштабные колонизационные процессы проходили здесь в более поздний исторический период. К началу XX в. в США был достигнут определенный уровень межнациональной консолидации. Единение было достигнуто на основе идентификации с государственной общностью и реализовалось в чувстве общенационального патриотизма. В Сибири этот процесс не закончился. В полиэтническом мире Сибири социальная ткань равновесия оказалась очень хрупка, особенно в период 1917-1920 гг. Фактор многонациональности оказался тесно связанным с социальными процессами. Одной из важных причин процесса дестабилизации стал рост национального самосознания, что вело к обособлению и противостоянию этносов.

Принадлежность к одному государству их не объединила. Все это проявилось в судьбе польских поселенцев в Сибири, которые, несмотря на общность славянского происхождения и языка, не слились с доминирующей русской культурой, русской государственностью. Польская колония создавалась преимущественно под давлением силы, хотя была и добровольная экономическая эмиграция. Но в ее составе были прежде всего ссыльные и их потомки. С 1914 г. польское население пополнилось эвакуированными, беженцами, военнопленными австрийской и немецкой армии. Общее количество поляков в регионе было значительным. Только в Восточной Сибири в 1910 г. насчитывалось 20 тыс. католиков-прихожан, а в 1914 г. - 30 тыс.¹

Выжить и утвердиться в чужом мире и сохранить собствен-

ную этническую основу было чрезвычайно трудно. Поляки в целом смогли занять свое место в системе разделения труда и социальной нише. Географическая и социальная среда заставляли приспособляться, в какой-то мере меняя себя. Во втором поколении в русском окружении они обрусели, но в больших скоплениях сохраняли свою национальную культуру, язык, обычаи.

В 1914-1917 гг., в период гражданской войны, было разрушено прежнее равновесие. Преобладающее количество ссыльных, беженцев в составе польского населения Сибири порождало у них особое чувство национального унижения, обиды. Лишенные в прошлом своего государства, они испытали определенную психологическую травму, усиленную после того, как польские территории были оккупированы немецкой армией.

Процессы в сибирской польской диаспоре в годы первой мировой войны, революционных потрясений, гражданской войны в России, победы над Германией осенью 1918 г., приобретения независимости и государственности Польши вызвали существенные изменения в национальном самосознании поляков в Сибири. По-иному стал осуществляться процесс национальной самоидентификации, что и определило поведение представителей польской диаспоры. Национальное самосознание и национальная консолидация у поляков возрастают.

В сознании появляется новое - быть поляками на своей родине. До этого для них было главным остаться поляками, сохранить себя, свою культуру в рамках Российского государства. Тоска по своему прошлому, желание возместить историческую несправедливость стимулировали конкретные формы деятельности: создание культурно-просветительных обществ, изучение культуры своих предков. С 1914 г. наблюдается особенно мощный всплеск подобной деятельности, усиливается консолидация на культурной основе. Но ситуация кризиса в России способствовала изменению национального самосознания и национального поведения поляков Сибири, значительная часть из них перестала ощущать свою маргинальность, не захотела быть гражданами "новой России", какие бы политические силы она не представляла, но желала быть поляками на своей исторической родине. Национальная патриотическая идея становится для них объединяющей силой и уничтожает принадлежность к Российскому государству, разрушает идентификацию с российской государственной общностью. Главным становится чувство сопричастности к судьбе независимой Польши. Смыслом жизни для них становятся участие в борьбе за независимую Польшу и возвращение на родину.

В ноябре 1918 г. в Сибирь Польскому военному комитету был отправлен документ главнокомандующего всеми вооруженными силами союзников по антигерманской коалиции генерала Пуля, в котором говорилось, что правительства этих стран признали Польшу самостоятельным государством².

Этот документ становится одной из основ для деятельности по организации борьбы за осуществление самоопределения Польши, которая началась сразу же после заключения Брестского мира и мыслилась не иначе как при "широком участии народа"³. В Иркутске летом 1918 г. был организован военный союз для борьбы с "немецким империализмом"⁴. Этот процесс приобретает организованные формы. Главными в нем в Сибири в это время становятся в это время Польский национальный комитет (ПНК) и Польский военный комитет (ПВК). ПВК возник еще в первой половине 1918 г., а ПНК был основан на 2-м съезде поляков в октябре того же года в Харбине⁵. Позднее они получили чрезвычайно широкие полномочия от Польского национального комитета в Париже, который был признан союзными державами "правомочным органом для защиты интересов Польского государства". В январе 1919 г. Польскому национальному комитету для Сибири и России вменяется в обязанность "исполнять в отношении поляков в Сибири все опекунические обязанности и действия"⁶, а также защищать польские интересы в освобожденных территориях Сибири и России⁷. ПНК рассматривал себя как законный орган польского правительства. ПВК ставил задачу по набору добровольцев, находившихся в рядах русских армий и лагерях военнопленных⁸. Оба комитета стали готовить документы для возвращения поляков на родину.

Особый статус потребовал для своих соплеменников в июле 1918 г. Временный польский совет объединенных организаций Омска - упразднить институт военнопленных и военнообязанных поляков и впредь считать всех их независимо от прежнего подданства "гражданами дружественной державы - Польши"⁹. Эти настроения национального сепаратизма были поддержаны и на польских съездах, проходивших в 1918 - 1919 гг. в Харбине, Новониколаевске и Иркутске.

На съезде представителей Восточной Сибири и Дальнего Востока, который состоялся в марте 1918 г. в Харбине, были приняты резолюции, определявшие отношение поляков Сибири к Польше, центральным державам, государствам антигерманской коалиции, к России и в значительной мере повлиявшие на их самосознание и поведение. Одним из важнейших моментов стало

формирование у поляков Сибири новых ценностных ориентаций. Высшей задачей "народных целей и борьбы" съезд назвал "достижение польским народом независимого польского государства, состоящего из всех польских земель в России, Пруссии, Австрии, с собственным побережьем Балтийского моря и портом Гданьским, а также тех земель, которые пожелают заключить с Польшей унию на основах равноправия". Так стали формироваться в сознании поляков не только идея борьбы и поддержки независимого Польского государства, но и планы расширения границ и создания Великой Польши. Патриотизм всех поляков должен был стать движущей силой в отстаивании национальных интересов, помочь притоку добровольцев, идущих сражаться за Родину. Основными лозунгами стали идеи свободы, независимости, объединения, собственного государства. Проявлением национально-освободительной эйфории стало утверждение "Мы - единое целое и воплощаем национальную польскую идею". Армия рассматривалась как сила, способная защитить независимость Польши от немецкой опасности и анархии большевизма. Съезд соответственно отразил это в следующей резолюции: "... долг поляков... осуществлять везде и всюду принцип принадлежности к независимому польскому народу, выступая активно против всяких посягательств на независимость всего народа", "настойчиво продолжать борьбу с воинствующим германизмом".

Съезд дистанцировался от событий в России, подчеркнув, что это - внутреннее дело ее населения, но не поляков. В документе отмечалось: "Приняв во внимание, что Россия отказалась от притязаний на Польшу и тем самым освободила поляков от участия в политической жизни России, съезд считает, что поляки - эмигранты во внутренней политической жизни России и должны соблюдать полнейшее невмешательство, за исключением случаев самообороны". Съезд предложил строить отношения с Россией на основах справедливости и уважения прав. Эта часть резолюции была принята единогласно¹⁰.

В ряде документов акцент делался на том, что поляки Сибири - граждане нового независимого государства, которые считают себя свободными от российских народов, поскольку исчезла "принудительная принадлежность поляков к России". Это была психологическая компенсация за прошлое национальное унижение, реакция на прошлую враждебность.

Польское правительство, предоставив Польскому национальному комитету в Сибири и России право на защиту интересов польского населения, усилило настроения независимости от Рос-

сии, от подчинения ее законам и порядкам. Польский национальный комитет осуществлял выдачу паспортов, регистрацию поляков и распространял свое влияние не только на поляков, принявших польское подданство, но и на лиц, состоявших в российском гражданстве. Это касалось и вопроса комплектования польских войск. Колчаковская администрация обоснованно возражала против этого, т.к. это нарушало государственный порядок, законы, но вынуждена была мириться в силу сложности отношений с союзниками и зависимости от их военной поддержки¹¹.

Польский военный комитет и Польский национальный комитет оказывали значительное влияние на умонастроения поляков Сибири, выполняя резолюции съездов. Их представители действовали в Омске, Томске, Новониколаевске, Красноярске, Иркутске, Харбине, Благовещенске и десятках других мест. В число их важнейших задач входило создание патриотических настроений в отношении Польши - "все для нее, все для славы и мощи свободной и объединенной родины": формирование воинских частей из польских добровольцев и оказание материальной помощи Отчизне, которая выражалась в создании "национальной подати" путем самообложения поляков¹². Так, только за май 1919 г. в Томске было с этой целью собрано 24155 руб.¹³

Общесибирский польский съезд, проходивший в Иркутске в августе 1919 г., первый со времени фактического восстановления государственной независимости Польши, подтвердил эти установки. В то же время выражалось убеждение, что Польская республика возродится на началах "демократических стремлений" и в "духе национальных традиций"¹⁴.

Польский национальный комитет и Польский военный комитет организовывали и массовый выезд поляков на родину. Национальное самосознание, чувство патриотизма формировалось и другими политически активными польскими силами и организациями. С этой целью во многих городах Сибири и Дальнего Востока проводились богослужения, празднества в честь великих поляков прошлого и действующих политических лидеров Ю. Пилсудского и Ю. Галлера, а также важных исторических дат.

В Сибири в этот период был создан механизм коллективной поддержки поляков - значительное количество благотворительных, культурно-просветительных обществ, развивалось общинное самоуправление. Польские гмины были созданы в Иркутске, Чите, Благовещенске и ряде других городов.

Но полного единства в умонастроениях польской диаспоры в Сибири не было достигнуто стараниями Польского национально-

го и военного комитетов. В указанное время здесь действовали польские общества, которые хотели продолжить жизнь в рамках России, осуществив культурно-национальную автономию, как это заявила в своем уставе Польская гмина Иркутской губернии¹⁵.

Попытка колчаковского правительства создать основу для объединения через идею всеславянского единства не увенчалась успехом. Многие поляки уехали на родину. Идея национального патриотизма оказалась более приоритетной.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 96-01-00516.

¹ Масярж Вл. Поляки в Восточной Сибири. 1907 - 1947: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Иркутск, 1995. С. 3.

² Голос народа, 1918. 21 нояб.

³ Там же. 1918. 20 сент.

⁴ Там же. 1918. 8 авг.

⁵ Масярж Вл. Указ. соч. С. 19.

⁶ ГАРФ. Ф. 148. Оп. 5. Д. 90. Л. 2.

⁷ ГАКК. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 62. Л. 6.

⁸ Отечественные ведомости. 1919. 2 февр.

⁹ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 26. Л. 35-36.

¹⁰ Вестник Манчжурии. 1918. 16 марта.

¹¹ ГАРФ. Ф. 148. Оп. 5. Д. 90. Л. 16.

¹² Сибирская жизнь. 1919. 1 мая.

¹³ Там же. 25 мая.

¹⁴ Там же. 25 сент.

¹⁵ ГАИО. Ф. 243. Оп. 6. Д. 2779. Св. 125. Л. 2-3.

ШКОЛА НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В СРЕДЕ МЕННОНИТОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ*

Язык, безусловно, является одним из основных признаков этнической особенности, поскольку предстает как средство общения нации и в то же время выражает ее характер, ее самобытность. Воспроизводство национальной культуры также связано с трансляцией лингвистических традиций. В этом плане в качестве первоосновы выступает семья, закладывающая знание языка как средства бытового общения. Однако в дальнейшем школа и литература на родном наречии призваны расширить знание языка и сферу его употребления. Востребованность в деловой, научной и других сферах делает его неизменным компонентом вне бытового общения, даже если он не является таковым для подавляющей части населения. Становится понятным, почему школа на родном языке выступает основным требованием этнических групп, проживающих в окружении инонационального большинства, приобретая не только культурно-просветительный характер, но зачастую и политическую окраску: ведь речь идет о реализации права на национально-культурное самоопределение.

В российских условиях оно отчетливо прозвучало в среде национальных меньшинств, проживающих в Сибири. Массовые миграции конца XIX - начала XX в. привели к образованию многочисленных инонациональных анклавов в азиатской части страны. Среди переселенцев той поры - меннониты. Их появление в Сибири относится к концу XIX в., а пик миграций приходится на 10-е гг. XX в. Сегодня большинство исследователей сходятся во мнении, что меннониты представляют собой особую этноконфессиональную общность. В конце XIX - начала XX в. их причисляли к немцам, поскольку в Россию они эмигрировали из прусских земель (в последней трети XVIII в.) и разговаривали на немецком (верхне- или/и нижненемецком диалектах). Важным фактором подобной номинации было также то обстоятельство, что к XIX в. именно Германия выступала для них в качестве центра культурной ориентации¹. Однако не забывалось, что первоначальным местом выхода меннонитов были нидерландские провинции, а в религиозном отношении они противопоставляли себя и лютеранам и католикам, поскольку принадлежали к анабаптизму.

Исчерпание земельных ресурсов на местах прежнего расселения (южные губернии России), влияние новых обстоятельств, угрожающих стабильности существования этнического сообщества (в их числе рост имущественной дифференциации и связанные с этим конфликты), выступают основными причинами, подвигнувшими часть меннонитов к переселению в Сибирь. Необходимо заметить, что первые переселенческие волны в меннонитской среде относятся к 60-м гг. XIX в., но связаны главным образом со стремлением образовать дочерние колонии. Причем понятно, что места традиционной колонизации покидали менее благополучные в экономическом отношении меннониты. Именно они и составили основу меннонитских поселений за Уралом, которые концентрировались в Акмолинской и Семипалатинской областях и южных уездах Томской губернии (Барнаульский и отчасти Каинский и Змеиногорский).

Изменение условий существования, потеря после переселения за Урал льгот, которые прежде предоставляло российское государство меннонитским общинам (освобождение от воинской повинности, широкое местное самоуправление и др.), открыло их для инноваций и привело к размыванию языковых барьеров. Русский язык как язык межнационального общения, а также дело-производства постепенно прорывал изолированность меннонитских поселений². Эта направленность межэтнического взаимодействия усиливалась тем, что меннониты попали в разряд большой группы переселенцев, чье положение определялось общими законами, регулирующими процесс миграций и землеустройства на новых землях. Расширялась сфера контактов с русскими чиновниками, в чьем велении находились проблемы колонизации. Причем носителями билингвизма становились исключительно мужчины, поскольку именно они активны в экономическом плане, а также более мобильны. Женщины не владели русским языком. Процесс ускорился в связи с втягиванием меннонитских хозяйств в товарно-рыночные структуры. Хуторские хозяйства меннонитов выгодно выделялись на фоне других переселенческих хозяйств. Рентабельность обеспечивала высокая материальная культура: организация и методы землепользования, применение машин и механизмов и т.д.

Разрушение языкового изолирующего барьера предстает как вполне объективный процесс, но в то же время выступает как один из факторов ассимиляции, увеличивая стремление меннонитов к сохранению своего этнического своеобразия. Школа на родном языке выступала для них в такой ситуации не только как

очаг просвещения (в меннонитской среде убеждение в необходимости образования было абсолютным, так как каждый должен был уметь самостоятельно читать и толковать Библию), но и как средство поддержания и развития этнических традиций. Приговоры сельских сходов, обращенные к Министерству народного просвещения, требуют учителя одной национальности и языка с учащимися. В противном случае школа теряла свою значимость, ведя к размыванию этнического компонента, что подтверждают многочисленные факты враждебного отношения к русским учителям³. Как следствие, катастрофически сокращалось число учащихся. Домашнее обучение становилось предпочтительнее. Правда, нужно отметить, что учитель в меннонитской школе выполнял также функции духовного проповедника и был обязан заниматься вопросами религиозно-нравственного воспитания.

О необходимости школы община заявляла либо сразу после завершения процесса домообзаводства, либо в ходе обустройства на новом месте. Законодательные акты государства позволяли открывать образовательные учреждения и сельским обществам, и даже частным лицам. Однако меннонитские школы не только нерусские (инородческие), но и инославного вероисповедания. Для особых ревнителей закона меннониты - секта, отпавшая от инославия, потому вообще не имеют никаких прав в деле распространения образования. Нужно подчеркнуть при этом, что "обруссительная политика" Российского государства чаще проявляла себя не столько в насаждении русской культуры, сколько в искоренении культуры инородческой, в том числе этнической самобытности меннонитов. Поэтому на пути меннонитской школы возникали многочисленные препятствия. Часть из них была связана с обилием разного рода пояснительных записок и инструкций Министерства народного просвещения, создающих атмосферу неопределенности, а зачастую и противоречивости. Это позволяло трактовать закон каждый раз по-новому. Например, в 1912-1913 гг. в Томской губернии было запрещено открыть меннонитские школы, поскольку, по мнению чиновников МНП, закон признавал право меннонитов на беспрепятственное отправление дел веры, но не на открытие учебных заведений⁴. Вопрос иногда был в компетентности чиновника того или иного уровня, и тогда лишь уже имевший место прецедент в другом регионе давал возможность прервать запретительную практику в отношении меннонитских школ. Бюрократическая волокита, переписка с различными ведомствами растягивали процедуру открытия школы на несколько лет. Поэтому часто встречается ситуация, когда

меннонитские школы функционировали как частные училища, открытые без разрешения государственных органов, что становилось даже предметом уголовного разбирательства. Так, в Барнаульском уезде Томской губернии в 1915 г. девять из пятнадцати школ работали, не получив санкции со стороны МШГ⁵. Факт, который, с одной стороны, подчеркивает особую настойчивость колонистов в вопросе о школе, с другой обращает наше внимание на региональные различия в отношении к инородческой меннонитской школе. В Акмолинской и Семипалатинской областях - местах концентрации меннонитов-переселенцев - проблемы решались проще и быстрее, чем в Томской губернии, где лишь в Барнаульском уезде меннониты составляли особо значительную часть переселенцев. Наибольшее количество прошений об открытии меннонитских школ приходится на 1909-1912 гг.

Сельское меннонитское общество, заявив о желании открыть школу, брало на себя определенные обязательства по ее содержанию (непрерывное условие для получения разрешения). Материальные средства необходимы были для постройки школьного здания или его покупки. Жалованье учителю также обеспечивали сельчане. Средний размер его колебался в пределах 360-400 рублей в год (дополнительный источник дохода - оплата за исполнение церковных треб). В крупном меннонитском поселении на станции Пост-Омск учитель по меркам того времени получал хорошее жалованье, значительно превышавшее средние цифры (800 руб. в год), а заведующий школой и того больше - 1200 руб.⁶ Помимо этого, учитель, как правило, получал бесплатную квартиру, дрова, несколько (две - три) десятин земли.

Обеспечив ему определенный уровень жизни, община считала себя вправе требовать от преподавателя высокой квалификации, грамотной работы с детьми. Однако учительские кадры, отвечающие широкому спектру требований со стороны родителей учащихся (диплом об образовании, знание родного и русского языков, выполнение функций кистера и др.) - проблема для меннонитских школ. Поэтому случалось, что учителями становились люди, выдавшие себя за таковых. Но "лощенный вид" лишь изначально мог обмануть⁷. Неудовлетворительное исполнение своих обязанностей, отсутствие позитивных результатов педагогической деятельности приводили к упадку авторитета школы и настойчивым требованиям сменить учителя. Ситуация с кадрами еще более осложнилась с началом первой мировой войны. К 1917 г. в подавляющем большинстве школ учителя были мобилизованы на фронт и процесс обучения прервался почти во всех

меннонитских поселках (в 1917 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях действовала лишь одна из семнадцати школ)⁸.

Основные предметы преподавания в меннонитской школе типичны для сельского начального училища МНП - закон Божий, арифметика, русский ("отечественный") язык (чтение и письмо). Курс обучения - шесть лет, но на деле не более пяти⁹. Государственный стандарт образования требовал, чтобы языком обучения был русский, ему по программе уделялось основное внимание - десять учебных часов в неделю; на все остальные предметы - четырнадцать учебных часов¹⁰. Однако ученики, приходившие в школу, вовсе не владели русским, поэтому разрешалось на первом этапе обучения пользоваться родным - немецким, но с целью лучшего овладения русским. И только закон Божий в школе преподавали на немецком.

Необходимо отметить, что стремление к языковой унификации не достигало своей цели. Причин тому несколько. Отсутствие контроля со стороны государственных органов из-за удаленности переселенческих поселков позволяло учителям центр тяжести в образовании перенести на родной язык - явный показатель того, что потребность в русском как языке межнационального общения еще не стала насущной, представляя как тенденция межэтнических контактов. С другой стороны, этническая однородность поселений меннонитов лишала русский язык сферы применения. Языковая практика отсутствовала, и, не будучи востребованным, русский язык забывался. Усилия школы в этом плане сводились на нет, и только ее национальный компонент был значим, востребован. Эта направленность школы подчеркивалась также тем, что наряду с традиционными дисциплинами для школ низшего типа в программу вводилось "родиноведение". Содержание курса определялось как изучение истории и географии России с включением сюжетов об истории меннонитов "в их прежнем Отечестве - Голландии", о миграционных процессах, приведших их на берега Вислы и Немана, а затем и в Россию¹¹.

Как уже отмечалось, все меннонитские школы в Сибири соответствовали уровню сельского начального училища. Через некоторое время с окончанием процесса обустройства в местах водворения за Уралом и обретением экономического благосостояния и здесь, в Сибири, была осознана необходимость учебного заведения более высокого уровня, которые уже существовали в южных губерниях - местах прежнего расселения меннонитов в России. Таким образом, могли быть реализованы потребность в

собственных кадрах и стремление к поддержанию высокого культурного и образовательного уровня (что вообще отличало меннонитов от других групп переселенцев). Но в открытии подобных школ было отказано, поскольку они "могли повести к обособлению одной части населения России от другой"¹². В формулировке запрета звучит уже знакомый мотив - сузить возможности функционирования самобытной меннонитской культуры.

Анализ развития школьного образования в меннонитской переселенческой среде в Сибири позволяет сделать следующий вывод: нельзя преувеличивать степень размывания этноизолирующих барьеров в сообществах меннонитов. Целостность однородных в этническом отношении поселений цементировалась единством языка общения, языковые традиции воспроизводила и развивала в том числе и меннонитская школа. Представление об общей исторической судьбе, стереотипы поведения, на которые накладывала отпечаток их религиозная доктрина, эндогамия действовали в том же направлении. Проникновение русского языка и укоренение билингвизма предстает как тенденция, реализация которой относится к более позднему времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 96-01-00516.

¹ Соколовский С.В. Этнические контакты и размывание этноизолирующих барьеров у меннонитов Новороссии // Этноконтактные зоны в европейской части СССР. М., 1989. С. 70-71.

² В 1870-е гг. языком делопроизводства стал русский, сменив немецкий.

³ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2464. Л.56, 56 об.

⁴ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2467. Л. 320-322 об.

⁵ Там же. Л. 222, 222 об.

⁶ Там же. Л. 135, 135 об.

⁷ Там же. Л. 217.

⁸ Там же. Л. 345, 345 об.

⁹ Там же. Л. 346-347 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 347.

¹² Там же. Л. 139, 157 об.

L.A. Kutilova

**SCHOOL AS THE FACTOR OF ETHNICAL
ENTIRETY AMONG THE MENNONITS - SETTLERS
IN SIBERIA**

The first mennonits appeared in Siberia in the 1890's, and the peak of their migration was noticed in the 1910's. Now many scientists agree that the mennonits are an ethnoconfessional unity. But last time they were classified as the Germans, since they emigrated into Russia from Preu Ben, spoke German and it is Germany, which was their cultural center. However, it wasn't forgotten that the original places of the mennonits were Dutch provinces, and they were neither Catholics, nor Lutherans, since they preached an Anabaptism.

The basis for mennonits' settlements in Siberia was those colonists, who were forced to abandon their traditional places (the southern provinces of Russia) by the shortage of agrarian recourses and by the conflicts because of property differentiation. The mennonits' settlements concentrated in the Akmolinskaia and Semipalatinskaia regions, and partly in Tomaskaia province (Bamaulskiy and Zmeinogorodskiy districts). The changes of life conditions and the loss of previous privileges exempting military service, wide local self-governing... conducted the innovations for settlements in Siberia. The Russian language as a language of international communication and office-work gradually broke the isolation of those settlements. That process became faster, when the mennonits' production units were involved in trade-market structures. It must be admitted, that only the men knew two languages due to their mobility and economical activities. Under such conditions the native language school was not only an educational center for mennonits, but also a means for keeping and developing their linguistic traditions.

The decisions of local government in mennonits' settlements, which appealed to the Ministry of Public Education, demanded a teach of the same nationality and language with the pupils. Other wise a school became useless for mennonints, for it led to the loss of the ethical component. That's why the attitude to the Russian teachers was bad. And it shouldn't be forgotten, that a teacher in a mennonits' school was a cleric preacher as well. In Siberia the first mennonits' schools were opened in 1895, the greatest number of applications for set up the educational institutions was in 1909-1912.

A settlement took certain pledges responsibilities for schooling. Its government was to built or buy a school house, to pay salaries for the

teachers average amount was 360-400 rubles per year, additional source - payment for execution of church demands). The highly qualified teachers were trained in the mennonits' settlements in the South of Russia. After some time the need for higher school became clear in Siberia as well. But at that time the Russian government refused to give its agreement because "such schools could lead to isolation of one part of Russian population from another".

A series of subjects in a mennonits' school was typical of a rural primary school - God law, arithmetic, the Russian language. Governmental standard demanded the Russian language as a language of education. But the pupils didn't know the Russian at all, so they were allowed to take up German at the beginning. Only God law was taught in German up to the end.

So speaking about the beginning of the 20th century, the loss of ethnolnational barriers in the mennonits' settlement should be exaggerated.

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОДИСПЕРСНЫХ ГРУПП
В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
(XIX - начало XX в.)***

Проблема формирования этнодисперсных анклавов в составе населения Сибири, как и других регионов России, в отечественной историографии до сих пор не получила должного освещения. А между тем полиэтничность, свойственная Российскому государству с момента его возникновения и непрерывно усиливающаяся по мере территориальной экспансии и вхождения в состав России все новых и новых этносов, неизбежно вела к росту этнической чересполосицы и возникновению этнических диаспор, в том числе и в Сибири, которая с момента ее присоединения к России становится краем ссылки и интенсивной колонизации. Изучение диаспор необходимо для осмысления их уникальной истории и судьбы, так и той важной и неоднозначной, практически не изученной роли, которую они играют в судьбе принимающих их обществ и этносов.

Возникновение этнодисперсных групп в составе населения Сибири было результатом массовых миграционных движений добровольного и принудительного характера: переселенческого движения, административной, политической и уголовной ссылки, эвакуации населения и беженцев из прифронтовых районов в годы первой мировой войны и т.п.

Наиболее крупным миграционным потоком, обусловившим возникновение в крае различных этнических диаспор, было переселенческое движение. Сибирь издавна привлекала внимание добровольных переселенцев, так как здесь имелись большие площади свободных, удобных и доступных для разработки земель при отсутствии помещичьего земледелия. Были в их числе и нерусские крестьяне из национальных районов России. Еще с конца XVII в. началось продвижение за Урал народов Поволжья (татар, башкир, чувашей) и Севера (коми). В 1836 г. правительство предприняло меры по устройству еврейских земледельческих колоний в Тобольской губернии и Омской области. Переселившиеся 1367 душ были зачислены в государственные крестьяне и наделены землей¹. В 1852-1853 гг. в Тюкалинский и Тарский уезды Тобольской губернии прибыла группа украинцев из Черниговской губернии. Их поселили по реке Оша в старожильче-

182

ских селениях Таскатлы и Бражниковой, где они образовали отдельные части деревень². Но до отмены крепостного права добровольное переселение в Сибирь носило эпизодический характер.

Лишь со вступлением России в эпоху капитализма, сопровождавшимся процессом "раскрестьянивания" - выталкивания крестьян из земледелия, переселенческое движение становится массовым. По мере ускорения капиталистического развития в сельском хозяйстве Европейской России, роста аграрного перенаселения в Центральной России и истощения колониционного фонда земель в Новороссии, Предкавказье и Поволжье роль Сибири в приеме переселенцев все более возрастала. Переселению крестьян в Сибирь способствовали и такие факторы, как постройка Сибирской железной дороги, разрушение в 1906-1914 гг. крестьянских общин и переселенческая политика царизма.

Массовое переселение в Сибирь охватило нерусских крестьян в не меньшей степени, чем русских. Губернии с преобладанием нерусского населения дали даже более высокий процент переселенцев (60, 70%), чем районы с основным русским населением (39, 30%)³. Из них наибольшую часть (42, 12%) составляли выходцы из украинских губерний. С середины 90-х гг. Полтавская и Черниговская губернии доминировали в переселенческом движении. За 9 лет (1906-1914 гг.) из Полтавщины выехало почти 250 тыс. человек, из Киевской, Черниговской и Воронежской - около 200 тыс.⁴

Выходцы из степных губерний Украины поселялись в юго-западной части Сибири, в степных районах: в Тюкалинском округе Тобольской губернии, в Барнаульском, Змеиногорском, Каинском и Мариинском округах Томской губернии, в Ачинском и Канском округах Енисейской губернии. Например, украинцами из Полтавской, Харьковской и других украинских губерний более чем наполовину была заселена Переяславская волость Канского уезда. В Омском уезде Акмолинской области преимущественно украинцами были заселены Полтавская, Украинская и Павлоградская волости. Так, село Украинское было образовано в 1895 г. выходцами из Полтавской и Харьковской губерний, а в Павлоградской волости в 1911 г. украинцы составляли свыше 95% населения⁵.

Переселенцы из лесных районов Черниговской губернии выбирали места для поселения в лесной части Тюкалинского и Тарского уездов Тобольской губернии, Каинского уезда Томской губернии.

Значительным (около 14%) было число крестьян, переселив-

шихся из Белоруссии. В течение 1904-1914 гг. из Могилевской, Минской, Витебской, Виленской и Гродненской губерний переселилось более 350 тыс. человек. Наибольшее количество переселенцев из Белоруссии дала Могилевская губерния, из которой выехало почти 160 тыс. человек. В 1907 г. Могилевская губерния занимала третье место по числу переселенцев, а в 1908 г. выдвинулась на второе, отвосяв его у Черниговской губернии. Белорусские переселенцы направлялись преимущественно в Енисейскую, Томскую и Тобольскую губернии⁶.

Переселение в Сибирь татар из Поволжья и Приуралья было наиболее массовым в период проведения столыпинской аграрной реформы. В 1911-1912 гг. хлынула новая волна переселенцев-татар, башкир, чувашей, мордвы из охваченного голодом многонационального Поволжья. В Сибири пришлые татары либо создавали отдельные селения, которые очень часто получали названия "Казанский", либо селились в селениях сибирских татар по приемным приговорам. Так, в татарских деревнях Томской губернии, по данным переписи 1897 г., вместе с коренными татарами проживало 1026 пришлых. В Тарском уезде Тобольской губернии, по учету 1908 г., 33,3% татарского населения составляли переселенцы из Казанской, Саратовской, Уфимской, Оренбургской губерний⁷.

После буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. потянулись в Сибирь, спасаясь от аграрного голода и произвола немецких баронов-помещиков, крестьяне из Прибалтики. В Акмолинской области и Тобольской губернии к 1917 г. насчитывалось около 50 латышских поселений, возникших во второй половине XIX - начале XX в.⁸ В Томскую губернию латыши начали переселяться, начиная с конца 90-х гг. XIX в. В 1898 г. ими были заселены село Кайбинка в Вороно-Пашенской волости и село Бароковка, ставшее позднее волостным центром. Часть переселенцев-латышей прибыла в 1903 г., но основная их масса - в 1907-1909 гг. Большинство (около 90%) латышских переселенцев в Томской губернии составляла этническая группа латгалов (латгальцев), исповедовавшая католицизм, в отличие от латышей-лютеран. Переселенцы-латгалыцы, как правило, селились вблизи костелов в смешанных селениях. Видимо, поэтому в Томской губернии чисто латышских селений образовалось сравнительно мало. По состоянию на начало 20-х гг., латыши жили в 50 волостях Томской губернии, компактно - в 25 волостях, более чем в 25 населенных пунктах. Чисто латышских сел было лишь 5⁹. В Енисейскую губернию латышские крестьяне пересе-

лялись в начале XX в. Ими было образовано 50 колоний в Канском, Минусинском, Ачинском и Красноярском уездах¹⁰.

Массовое переселение крестьян из Эстонии и образование эстонских поселений в Сибири началось в 90-е гг. XIX в. и продолжалось вплоть до 1917 г. Больше всего эстонских колоний было в Томской (35) и Тобольской (33) губерниях. В Енисейской губернии и Акмолинской области их было меньше, соответственно 17 и 4¹¹.

Компактные анклавы образовали в Сибири немецкие колонисты, переселившиеся из южной части Европейской России (Таврическая и Херсонская губернии) и из приволжских немецких селений (Саратовская и Самарская губернии). Переселение немцев в Сибирь происходило в основном в 1898-1911 гг., причем наиболее интенсивное - в 1908-1909 гг.

В Томской губернии немцами-лютеранами и католиками были заселены участки Подсосновской и Новоромановской волостей, немцами-меннонитами - Орловская волость Барнаульского уезда. На этой территории вместе с северной половиной Славгородской волости, по данным подворного обследования 1911 г., немцы составляли 53,11% населения, в том числе меннониты - 29,45%. Всего там насчитывалось 17,5 тыс. немцев¹². К осени 1915 г. в Барнаульском, Змеиногорском, Канском уездах Томской губернии образовалось 112 немецких поселков, большинство которых носило немецкие названия: Блюменталь, Деньгоф, Найдорф, Шенау, Шенвизе, Николайфельд и т.п. Часть немцев проживала в русских селениях¹³.

Компактное немецкое поселение сформировалось также на территории Омского уезда Акмолинской области. В 1893 г. переселенцам из Поволжья была основана деревня Александровка, в 1894 г. - Привальное. В 1895 г. немецкие переселенцы заселили деревни Красноярку, Поповку, Новинку. Из этих и других селений были образованы отдельные волости с немецким населением: Александровская, Новинская и Розовская. Некоторые селения, находившиеся вдали от других немецких поселков, были выделены в самостоятельные сельские управления, например село Пришиб. В Омском уезде компактное немецкое население сложилось также на землях сибирского казачества, на так называемой десятиверстной полосе Сибирской железной дороги. К 1915 г. в Акмолинской области насчитывалось 56 немецких поселений с населением около 27 тыс. человек¹⁴.

Значительное количество немецких колонистов осело в Тобольской губернии: в Тарском уезде в 1897-1908 гг. было образо-

вано 17 немецких поселков в составе 272 семей, в Тюкалинском уезде в 1899-1914 гг. образовалось 48 селений в составе 745 семей, в Ишимском уезде в 1900 г. возникла колония Петерфельд, в которой в 1915 г. проживала 21 семья¹⁵.

В Восточную Сибирь переселение немцев было незначительным. В Иркутской губернии, например, к 1916 г. общая площадь земельных владений, принадлежавших немецким колонистам, составляла немногим более 4 тыс. десятин¹⁶. В годы первой мировой войны произошло резкое сокращение переселенческого движения в Сибирь в связи с курсом правительства на его ограничение. Вместе с тем в условиях военного времени в Сибирь устремилась новая миграционная волна - беженцы. Кадровые рабочие вместе с эвакуируемыми предприятиями оседали в промышленных районах страны, а в Сибирь шло преимущественно сельское население, неквалифицированные рабочие, кустари и ремесленники. Появившись в Сибири в июле 1915 г., к февралю 1917 г. беженцы насчитывали, по данным Сибирской советской энциклопедии, 86 664 чел. Среди них доля беженцев нерусской национальности (исключая украинцев и белорусов) достигала 25 - 30%. Наиболее многочисленными были группы поляков и латышей. Движение беженцев продолжалось до окончания войны и оказало влияние на ход социально-политического, экономического и культурного развития Сибири. Часть из них впоследствии в период опгаций 20-х гг. вернулась на родину, другая часть осталась в Сибири, пополнив соответствующие этнические диаспоры. Значительное место в формировании этнодисперсных групп в составе населения Сибири занимала ссылка, которой царизм придавал не только карательное, но и колонизационное значение. Начиная с конца XVI в. в Сибирь высылались военнопленные шведы, поляки, литовцы, украинцы и др. Со второй половины XVIII в. в связи с ростом национально-освободительного движения в Польше, вызванного гремя ее разделами, массовый характер приобретает польская политическая ссылка в Сибирь. Особенно больших масштабов ссылка поляков, а также белорусов, евреев и др., достигла после восстания 1863-1864 гг. в Польше, Литве и Белоруссии. К 1866 г. в Сибирь прибыло свыше 18,5 тыс. ссыльных вместе с добровольно пришедшими за ними женами и детьми¹⁷.

В 1883 г. ссыльным повстанцам 1863 г. было разрешено вернуться в Польшу, но многие из них остались в Сибири, частью расселившись в смешанных селениях и городах, частью основав самостоятельные поселения. Так, в Тобольской губернии в Баже-

новской волости оставшиеся поляки выселились в отдельную деревню, назвав ее по имени бывшего тобольского губернарора Деспот-Зеновича, много сделавшего для облегчения положения ссыльных поляков. В Бутаковской волости тогда же был основан выселок Поляки, в Седельниковской волости ссыльные поляки вместе с переселенцами из западных губерний России заселили деревни Вознесенку и Богдановку.

Ссыльными крестьянами были основаны и первые эстонские, латышские и финские поселения в Сибири. В 1803 г. за восстание против барона Унгерн-Штернберга из Ямбургского уезда по приказу царя была сослана большая группа эстонских крестьян, основавших в 1804 г. деревню Рыжкову в Тобольской губернии. Позже сюда стали селить ссыльных эстонцев, латышей, финнов. К 1846 г. в Рыжковой было уже около 900 душ населения. В связи с быстрым ростом населения и недостатком земель часть жителей Рыжковой в 1863 г. была переселена в новую колонию на реке Оми, где ими были основаны деревни Рига, Ревель, Гельсингфорс, Нарва. В последующие годы образовались новые деревни и хутора: Ново-Рига, Ново-Ревель, Орловка, Ковалева¹⁸.

Примерно в 100 верстах от деревни Рыжковой была расположена деревня Чистая, населенная преимущественно финнами. В 1847 г. 5 семей из этой деревни по приглашению енисейского губернатора направились на юг Минусинского округа. В 1850 г. ими была основана колония Верхний Суздук, куда с марта 1867 г. стали направлять ссыльных лютеранского вероисповедания. В 1858 г. выделившиеся из этой колонии латыши основали колонию Нижнюю Буланку на берегу одного из притоков реки Кебезь. До лета 1861 г. эстонцы жили вместе с финнами в Верхнем Суздуке, а затем в 7-8 верстах от нижней Буланки основали свою колонию - Верхнюю Буланку. С этого времени ссыльных финнов стали направлять в Верхний Суздук, латышей - в Нижнюю, а эстонцев - в Верхнюю Буланку. Хотя не все ссыльные прочно оседали в колониях, население их быстро увеличивалось и к концу 1864 г. насчитывало 1122 человека¹⁹. Эстонское поселение Вирукюла (Ревель, Таллин) в Тобольской губернии было основано ссыльными участниками крестьянского восстания 1858 г. в Эстонии²⁰.

В 90-е гг. XIX в. в связи с подъемом рабочего движения еще более возрастает политическая ссылка в Сибирь²¹. В эти годы в сибирскую ссылку попадают представители Социал-демократии Польши и Литвы (СДКПиЛ), Всеобщего еврейского рабочего союза (Бунда), Социал-демократии Латышского края (СДДК) и

других национальных социалистических и социал-демократических партий. Некоторые из них по окончании срока ссылки оставались в Сибири, увеличивая тем самым пестроту национального состава населения края, прежде всего в городах.

Особенно увеличилась политическая ссылка в Сибирь после революции 1905-1907 гг. Волна эта не спадала вплоть до февраля 1917 г.: к январю 1905 г. в крае насчитывалось 625 политссылных, в 1916 г. - уже 12438²². Около 50% политических ссылных этого периода, а иногда и свыше, составляли представители нерусских национальностей: евреи, латыши, поляки, украинцы и др.

В годы первой мировой войны значительно возросла административная ссылка в Сибирь. В связи с тем, что многие западные районы страны оказались на военном положении или положении чрезвычайной и усиленной охраны, началось массовое выселение в Сибирь из прифронтовой полосы немцев, поляков, евреев, украинцев по подозрению в шпионаже. Весной и летом 1915 г. депортация мирного населения, прежде всего нерусского, приобрела массовый характер. В Сибири "выселенцев" направляли в Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии.

Образовавшиеся таким образом в составе населения Сибири многочисленные группы пришлого нерусского населения, как постоянного (переселенцы), так и временного (ссылные, беженцы), составили к 1917 г. значительную часть населения региона²³. На их долю приходилось, в частности, около 19% сельского населения Алтайской и Томской губерний. Из них около 11% составляли украинцы, около 3% - белорусы, чуть меньше 1% - мордва и поляки, 0,6% - немцы, 0,4% - латыши, 0,2% - эстонцы²⁴. Среди сельского населения Омского уезда Акмолинской области процент национальных меньшинств был еще выше: украинцы - свыше 40%, немцы - 6,6%, поляки - 0,8%, в то время как русские составляли здесь лишь около 30% населения²⁵.

Значительную долю составляли этнические меньшинства в городах Сибири. Так, национальный состав населения Омска выглядел следующим образом: русские - 75,4%, украинцы - 9,2%, поляки - 3,5%, татары - 3,1%, евреи - 2,7%, немцы - 2,4%²⁶. Примерно таким же был национальный состав других крупных городов Сибири, ставший в годы войны еще более пестрым.

Для расселения пришлых этнических меньшинств в Сибири было характерно преимущественно распыленное, дисперсное размещение в иноэтничной среде. Но сложились и относительно компактные анклавы этнодисперсного населения, к примеру в

Омском уезде Акмолинской области (немцы и украинцы), в Барнаульском уезде Томской губернии (также немцы и украинцы).

Будучи вкраплены в иноэтничную среду, этнические меньшинства стремились сохранить свои конфессиональные и культурно-хозяйственные особенности. В то же время они оказались втянутыми в новые хозяйственные и культурные связи. Это делало неизбежным либо их постепенную ассимиляцию, либо аккультурацию, сопровождавшуюся потерей большего или меньшего числа этнообразующих признаков, и формирование комплекса диаспоральности. Последнее предполагает приобретение новых качеств и свойств, важнейшими из которых является умение найти свое особое место, свою нишу в системе разделения труда и социальных ролей, особые культурные и психологические характеристики, специфическую ментальность, отличающуюся как от иноэтнического массива, в который волею судьбы этнодисперсные группы оказались вкраплены, так и от того этнического материка, от которого они откололись. У разных этнических меньшинств эти процессы протекали по-своему, что требует специального анализа и изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁰ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 96-01-00516.

¹ Войтинский В.С., Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С.13.

² Колесников А.Д. Национальный состав населения Омской области: (Исторический процесс формирования населения Среднего Прииртышья в этническом и национальном отношении) //Материалы к III совещанию географов Западной Сибири и Дальнего Востока. Омск, 1966. Вып.1. С.97.

³ Здесь и далее проценты, характеризующие динамику переселенческого движения в Сибирь по губерниям выхода с учетом национального состава населения, подсчитаны автором на основании данных книг: Турчанинов П. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). СПб., 1910. С.2-45; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). СПб., 1916. С. 2-45.

⁴ Якименко Н.А. Организация переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток в годы столыпинской аграрной реформы

(1906-1914 гг.) // Проблемы аграрной истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1979. С. 4.

⁵ ГААК. Ф. 31. Оп. 2. Д. 38-42; Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1111. Оп. 1. Д. 4. Л. 71.; Ф. 37. Оп. 1. Д. 18. Л. 12, 22, 97, 98, 112, 118, 123, 134, 140, 141; Д. 12. Л. 3; Д. 32. Л. 2.

⁶ Липинский Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск, 1978. С. 122-125.

⁷ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФГАТО). Ф. 152. Оп. 50. Д. 114. Л. 10.

⁸ Омский областной центр документации новейшей истории (ООЦДНИ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 398. Л. 23-24.

⁹ ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1568. Л. 2.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 918. Л. 2; Центр хранения и использования документации новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ). ИФ. 1. Оп. 1. Д. 238. Л. 75.

¹¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1118. Л. 9-13.

¹² Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск, 1913. Вып. 1. С. 168.

¹³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1250. Л. 7.

¹⁴ Колесников В.Д. Указ. соч. С. 99; Вибе П.П. Политика государственного регулирования переселения немцев-колонистов в Сибирь в конце XIX - начале XX в. // Немцы Сибири: история и современность. Омск, 1995. Вып. 1. С. 42.

¹⁵ ТФГАТО. Ф. 335. Оп. 1 (606). Д. 10. Л. 28-29, 32, 39, 41.

¹⁶ Сибирь (Иркутск). 1916. 2 марта.

¹⁷ Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. М., 1966. С. 99.

¹⁸ Колесников В.Д. Указ. соч. С. 99, 100.

¹⁹ Гауигт В.В. Состояние колонии ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа с 1850 по 1865 г. // Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. СПб., 1865. С. 58.

²⁰ Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940 гг.). Таллин, 1977. С. 20-21.

²¹ Официальная статистика не дает сводных данных о национальном составе ссылки, поэтому сведений о составе уголовной ссылки у нас нет. Источником для определения национального состава политической ссылки служат данные анкетных обследований, проводившиеся самими ссыльными.

²² Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905-1907 гг. Томск, 1978. С. 15, 18.

²³ По подсчетам В.М. Брука и С.И. Кабузана, в 1917 г. 9,4% населения региона (вместе с Дальним Востоком, Якутсией и Бурятсией) составляли украинцы. Ю.А. Поляков и И.Н. Киселев, применив разработанную ими методику ретроспективного использования материалов переписи 1926 г., определили национальный состав населения Сибири в 1917 г. (вместе с Якутсией, Бурятсией и Дальним Востоком, но без Тобольской губернии и Омского уезда Акмолинской области) следующим образом: русские - 71,5%, украинцы - 9,3%, белорусы - 2,6%. См.: Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX - начале XX в. (1895-1917 гг.) //История СССР. 1979. № 3. С.38; Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения Сибири в эпоху империализма (конец XIX-1917 г.) // История СССР.1980. № 3. С.92; Поляков Ю.А., Киселев И.Я. Численность и национальный состав населения России в 1917 г. //Вопросы истории. 1980. № 3. С.44.

²⁴ Проценты подсчитаны автором на основании анализа поселковых и групповых итогов переписи 1917 г. См.: ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1-19.

²⁵ Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск,1915. Ведомость 1. Проценты подсчитаны автором.

²⁶ Там же.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ?

Одним из важнейших факторов современного общецивилизационного процесса является все ускоряющееся разложение традиционных обществ. Это, как правило, небольшие по численности этнические образования, обладающие самобытными культурами, которые не выдерживают натиска массовой культуры индустриального мира и разрушаются.

Перед малочисленными этносами возникла реальная угроза утраты самобытности, а вместе с ними и этнической идентичности. Проблема контактов между народами, находящимися на различных уровнях общественно-экономического развития, существовала всегда, но лишь в наше время она переросла в проблему сохранения и возрождения традиционных культур и поиска приемлемого компромисса между еще остающимися "островками" этнического традиционализма и культурой индустриального мира.

Конечно, актуализация традиционализма в той или иной форме может быть только внутренней инициативой самих народов "на пути к себе". Однако эмпирическая сложность этой задачи превратила ее в одну из наиболее серьезных теоретических проблем современных общественных наук. К сожалению, концепция сохранения и возрождения традиционных культур до сих пор отсутствует, не в последнюю очередь, видимо, потому, что нынешний арсенал теоретико-познавательных средств, накопленный историко-этнографическими науками, пока не способствует решению этой задачи.

Современное состояние этнокультурной проблематики представляет собой огромное разнообразие теорий, взглядов, методологических подходов, понятий и пр., пытающихся тем или иным образом концептуализировать механизмы функционирования и эволюции этнических общностей. В то же время этот теоретико-методологический "плюрализм" мало помогает в изучении наиболее глубинных и неформализуемых процессов этно- и культурогенеза.

Например, едва ли можно утверждать, что до конца ясна онтологическая и функциональная роль традиционной культуры в становлении и развитии этничности. Нет приемлемого ответа на

вопрос, чем является традиционная культура для своего носителя - этноса: суммой этнографических особенностей или основополагающим жизненным условием, утрата которого будет означать исчезновение этноса как уникальной исторической единицы? С другой стороны, вряд ли корректно говорить об исчезновении этноса, основываясь только на факте утраты им своей традиционной культуры, если сохраняются хотя бы этноним и язык. Эта антиномичность традиционной культуры делает весьма затруднительной выработку какого-либо однозначного отношения к ней как в теоретическом, так и в практическом плане.

Исключительная сложность этнокультурной проблематики диктует необходимость применения разнообразных методологических подходов в ее изучении. И в этой связи представляется плодотворной возможность использования категории фронта в качестве одного из теоретико-познавательных методов, которого в отечественных общественных науках до настоящего времени не существовало. Соответственно не была определена и та проблемная область, в которой этот метод мог бы найти свое применение.

Между тем привлекает внимание возможность использования категории фронта именно в той сфере этнической проблематики, которая объединяет весь комплекс вопросов, касающихся сохранения и возрождения традиционных культур. Ведь понятие границы (frontier) может означать не только соседство и различного рода контакты - от военных до деловых, но также состояние качественного скачка, перехода через какой-либо порог, прерывающего постепенности, - словом, ту фазу в развитии организма, которая характеризуется как переходное или пограничное состояние. Поэтому перед нами возникает задача придать категории фронта полноценный гносеологический статус и обосновать возможность ее применения как метода исследования в указанной сфере этнической проблематики.

Надо сказать, что в понятийном арсенале науки уже имеются категории, сравнительно близкие категории фронта по своему смысловому и методологическому содержанию. К их числу, например, относится категория синергетики, которая "стремится выявить некоторые общие закономерности возникновения новых структур и самоорганизации в самых различных по своей конкретной природе системах", в том числе, по-видимому, и в этнических системах, которые по всем своим параметрам попадают в сферу интересов синергетики¹. Необходимо поэтому определить границы действия категории фронта и специфику ее использования в этнокультурной проблематике, поскольку "всякое поня-

тие определяется в равной мере тем, что в него входит, и тем, что оно исключает"².

Одной из предпосылок использования категории фронта в качестве методологического средства может стать, на наш взгляд, понимание этносов как *сложноорганизованных живых систем (или организмов)*, существующих в исторически изменяющемся глобальном социокультурном контексте и подчиняющихся, как и все живые организмы, законам эволюции. Ведь именно живым организмам присуще переживание переходных или пограничных состояний в процессе их жизнедеятельности. Рассматривая развитие этнических организмов с позиции эволюционной теории, нужно иметь в виду конкретную практическую задачу сохранения и возрождения традиционных культур, и эволюционная теория, по нашему мнению, не только помогает поиному осветить ее, но и выработать новую стратегию решения этой задачи.

С новой точки зрения исторически обусловленные изменения социокультурных аспектов функционирования традиционных этносов, которые оцениваются, как правило, отрицательно и понимаются как утрата самобытной культуры, с позиции эволюционной теории, являются всего лишь их адаптивными модификациями, ибо, по мнению академика И.И. Шмальгаузена, "история организма и есть история его приспособления к меняющейся среде", а этнос, как и любой другой живой организм, "обладает не одной узко ограниченной нормой реакции, а многочисленными адаптивными нормами, которые реализуются только в определенных условиях отклонений от обычной обстановки"³.

Поэтому в данном случае бесполезно пытаться противостоять этим исторически и эволюционно обусловленным изменениям, поскольку такое прямолинейное противостояние ничего не даст. Нужно искать другие пути нейтрализации подобных отрицательных отклонений, вроде утраты традиционных культур.

Адаптивные модификации, с позиции эволюционной теории, имеют значение важных переходных этапов и являются индикаторами, показывающими направление эволюции⁴. Надо сказать, что эти переходные этапы (или состояния) представляют собой не только следствия каких-то катаклизмов в исторической жизни этносов, как зачастую мы привыкли их понимать, но и вполне неприметные явления, упрятанные от наблюдателей в эволюционной обыденности.

К таким явлениям, например, можно отнести процессы "специализации" организмов, т.е. процессы их приспособлений к

некоторым ограниченным условиям существования, которые Н.И. Шмальгаузен характеризует как "обычный путь эволюции, или, наоборот, процессы "деспециализации", "освобождающие организмы от их слишком тесных связей со средой и как бы поднимающие их над многими частными условиями существования", а также "знаменующие собой значительный подъем - установление новых, высших форм организации, с новыми органами и, следовательно, с новыми связями организма со средой"⁵.

К этим же явлениям относятся и явления "переразвития", или "гиперморфоза", служащие "показателем того, что организм не поспевает за изменениями среды", которые вообще типичны для нашей эпохи бурного и порой неконтролируемого прогресса, о чем с тревогой писал основатель Римского клуба А. Пенччи: "Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир"⁶.

Все перечисленные, а также другие подобные явления эволюционного процесса представляют собой структурные сдвиги различной масштабности, порождающие состояния нестабильности эволюционирующих систем, которые можно характеризовать как переходные или пограничные состояния. Эти структурные сдвиги и составляют основное содержание эволюционного процесса, ибо, как подчеркивал академик Шмальгаузен, "стабильное состояние не бывает длительным". Таким образом, переходные, или пограничные состояния, в эволюции этносов представляют собой гораздо более типичное явление, нежели периоды стабильности. В связи с этим *проблему фронта* можно представить как *проблему переходных (или пограничных) состояний в эволюции этносов*.

Преимущественная нестабильность исторических состояний этносов является следствием того, что они представляют собой открытые системы, активно взаимодействующие с окружающей средой, причем это взаимодействие носит информационный характер. Информационность взаимодействия проявляется в том, что сигналы, поступающие извне, "включают" динамические процессы в системе, приводя к ее изменению, иногда - вплоть до ее распада. Именно информационная природа этнических систем является одной из основных причин разложения и трансформации традиционных обществ и их культур, поскольку достаточно легкая обратимость элементов любой этнической культуры пре-

вращает ее в наиболее мобильное средство индивидуальных адаптаций этнических организмов к изменившимся внешним условиям, несмотря на наше отрицательное отношение к такого рода адаптациям.

С другой стороны, информационная природа открытых систем, в том числе этнических, предполагает возможность управления ими, суть которого заключается в формировании у них нацеленности на необходимый нам результат за счет передачи соответствующей содержательной информации по каналам связи этих систем⁷. Именно таким путем, на наш взгляд, должна решаться проблема сохранения и возрождения традиционных культур.

Закон необратимости эволюции гласит, что "организм никогда не возвращается в точности к предшествующему состоянию, даже если он попадает в условия существования, идентичные тем, которые он прошел"⁸. Поэтому здесь под "условиями" нужно понимать не реставрацию какой-то прошедшей исторической ситуации, что в принципе невозможно, а создание, выражаясь языком синергетики, внешних по отношению к этнической системе "параметров порядка", которые передавали бы этой системе соответствующую информацию и нацеливали бы ее на достижение нужного нам результата (привлекательного и для самой системы).

В настоящем докладе не ставится задача полностью исследовать возможность использования категории фронта в этнокультурной проблематике. Здесь лишь очерчивается возможный "ареал" такого использования, который еще может служить предметом дискуссий. Однако соединение категории фронта как инструмента исследования нестабильных, переходных и т.п. состояний в эволюции этносов с эволюционной теорией, теорией открытых систем и теорией управления представляет несомненный интерес для решения проблемы сохранения и возрождения традиционных культур и их интеграции в современную культуру индустриального мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рузавин Г.И. Синергетика и системный подход // Философские науки. 1985. № 5. С. 48.

² Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 1977. С. 329.

³ Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса: Избранные труды. М., 1983. С. 75.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Там же. С. 19, 207, 270.

⁶ Печен А. Человеческие качества, М., 1985. С. 43.

⁷ Принципы организации социальных систем: Теория и практика. Киев; Одесса, 1988. С. 21.

⁸ Шмальгаузен И.И. Указ. соч. С. 153.

РАЗДЕЛ IV

ЧЕЛОВЕК ФРОНТИРА: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Ф.З. Канунова
Томский госуниверситет

ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ СИБИРИ У Г.С. БАТЕНЬКОВА (Батеньков как человек фронта)

Проблема "Декабристы и сибирская культура" закономерна в своей основе. Один из наиболее ярких представителей декабризма М.С. Лунин в знаменитых "Письмах из Сибири" утверждал, что "дело тайного общества бросило свет на прогрессивное развитие культуры"¹. Большинство деятелей декабризма, как известно, отличалось подлинным энциклопедизмом познаний в различных сферах науки, литературы, искусства. Когда у арестованного Александра Бестужева на следствии спросили: "В каких предметах вы наиболее усовершенствованы", он решительно ответил: "Смело сказать могу, что я не оставил ни одной ветви наук без теоретического или практического изучения и ни одно новое мнение в науках умозрительных, ни одно открытие в химии или механике от меня не уходило"².

Подобное с полным правом мог сказать о себе Г.С. Батеньков, единственный из декабристов уроженец Сибири. Он был человеком разносторонних и глубоких познаний в области естественных наук, математики, истории, географии, этнографии, экономики, замечательным литературным критиком, самобытным оригинальным философом, поэтом. Двумя эпохами своей жизни (1817-1821 и 1846-1856 гг.) он теснейшим образом связан с Томском, отчасти с Иркутском и Тобольском.

Несмотря на загадочность многих страниц биографии Г.С. Батенькова, жизненный путь его типичен для декабриста. После окончания кадетского корпуса (май 1812 г.) - активное участие в кампании 1812-1815 гг., затем диплом петербургского Института путей сообщения, который он окончил в 1816 г. экстерном. Далее должность инженера-строителя в Томске, встреча с М.М. Сперанским, назначенным в 1819 г. генерал-губернатором Сибири. В 1821 г. снова Петербург, тайное общество декабристов. Несмотря

198

на активное участие в декабристском движении и на серьезное отношение декабристов к Батенькову, которому предназначалась ведущая роль в будущем Временном правительстве, на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. он не вышел, но наказание понес (не считая казненных) самое тяжелое: после крепости Свартгольм на Аланских островах Батенькова ожидало двадцатилетнее одиночное заключение в Петропавловской крепости.

Как бы ни объясняли исследователи эту особую участь Батенькова, она имеет исключительное значение для понимания эволюции его общественных и культурно-исторических воззрений. В науке достаточно много написано о том, что дали декабристы Сибири. Но значительно хуже исследован другой вопрос: что Сибирь, ее уникальная природа и культура, дала декабристам, благодаря чему они сформировали особую атмосферу, ставшую средоточием "всего талантливое, образованное, знатное, блестящее в России" (Достоевский).

Этому способствовал неповторимый микроклимат Сибири. Как широко известно, многие декабристы в своих "Записках", "Воспоминаниях" говорят о Сибири как об особом общественном и природном полисе, способствовавшем духовному освобождению личности. Мемуары декабристов говорят о том, что они открыли для себя Сибирь и охотно делились со своими читателями этими новыми знаниями.

Первое, что бросилось декабристам в глаза, - отсутствие крепостного права. А. Беляев с восторгом говорит "о сибиряках-старожилах как народе свободном, богатом, независимом и гордом. Их довольство восхищало нас, и когда мы сделали сравнение с нашими помещичьими семьями, с бедностью, неопытностью, то это сравнение было очень грустно"³.

Декабристы обратили внимание на то, что в Сибири меньше, чем в Центральной России, распространены различные предрасудки и предревеждения и, что особенно важно, меньше, чем где бы то ни было, развиты чувство национального эгоизма и религиозная вражда⁴. То же много раз отмечал Г.С. Батеньков, объясняя это составом населения Сибири и характером колонизации: "Сюда шли наиболее энергичные, развитые и предприимчивые люди из разных концов Европейской России, по своей воле или в качестве ссыльных, представители самых разных национальностей"⁵. А. Бестужев сравнивал по составу населения Сибирь с Америкой и называл Сибирь колонизируемой страной, которую осваивают все народы России.

По мере проникновения в суть здешней жизни менялись мировоззрение декабристов, их отношение к народу, природа их просветительства, их антропологические воззрения, жизненная программа. Михаил Лунин очень точно скажет об этом: "Настоящее житейское поприще наше началось со вступления в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили"⁶.

Многие, если не все, декабристы исследовали Сибирь, самобытность этого края, думали о ее перспективах, характере ее культуры⁷. Исключительная роль здесь принадлежит Г.С. Батенькову. М.М. Сперанский, с которым сблизился Батеньков в 1919-1821 гг., привлек талантливого и мыслящего инженера-строителя (Батенькову принадлежат многие строения в Томске: он строил дороги и воздвиг мост через р. Ушайку) к работе над "Сибирским учреждением". Не было сколько-нибудь важной области народного хозяйства, государственного устройства, культуры, на которую не обратил бы внимания Батеньков. Его богатейший архив, содержащий десятки картонов о служебной деятельности, раскрывает перед нами картину всей жизни Сибири к началу 1820 г. Здесь - заселение Сибири и ссылка, работа над проектом земельной реформы, устав о народах Сибири, о малых народах и др.

Из многих вопросов, связанных с проблемой "Батеньков и сибирская культура" в предлагаемой статье коснемся двух: 1) историко-культурная концепция Сибири у Батенькова и 2) некоторые философско-религиозные проблемы мировоззрения Батенькова, сформированные Сибирью.

Батеньков, как и другие декабристы, неоднократно говорил об особом положении Сибири - географическом, историческом, этническом. Особенность Сибири в том, что в ней соединилось культуры Европы и Азии. Сибирь в силу своего географического положения и этнического состава - арена встречи двух цивилизаций - европейской и азиатской. "Мы не в Европе, - пишет Батеньков, - даже не в России, близость и соприкосновение с Китаем, со Средней Азией, Югом ... входит в наше духовное..." "В целом Сибирь, - утверждает Батеньков, - маховое колесо для движения неизмеримости нашего отечества и необходимая черта его величия"⁸.

*Сибирь на рамо опираясь
Приосеняет благодать⁹.*

Об особом историческом положении Сибири Батеньков пишет неоднократно. Так, 2 декабря 1850 г. он говорит о Сибири и Том-

ске в частности: "Это оазис в пустыне, предельная грань Европейской цивилизации, крайний пункт тяготения главных интересов к Западу. Далее начинается Азия, ощутительным становится соседство другого великого народа". С этой точки зрения, думает Батеньков, "Сибирь - духовный коридор нашего отечества"¹⁰.

Необходимо отметить близость Батенькова к идеям Ядринцева, для которого проблема соотношения Европы и Азии явится важнейшей очередной проблемой истории XIX столетия.

Следует отметить, что исследование характера народонаселения Сибири проводится Батеньковым в связи с вопросом о соотношении европейского и азиатского начал в культуре. Внимательно, всесторонне рассматривает Батеньков множество малых народов Сибири, туземцев со своей историей, этнографией, фольклором, ставит, как и другие декабристы, проблему содружества, взаимодействия культур.

Царившее в России законодательство, с горечью говорит Батеньков, "не признает ни истории, ни этнографии, ни климатологии, не ищет никаких данных в основании многонационального уклада Сибири". Необходимо учитывать своеобразие каждой области; "конституция, - пишет Батеньков, - есть не что иное, как права и местные различия, всегда важные в таком государстве, как Россия"¹¹.

Его идея об инородцах, населяющих Сибирь, гуманна и интернациональна. Устав, составленный Батеньковым, проникнут стремлением сохранить не только экономическое благосостояние, но и самобытный строй туземцев. Вообще следует подчеркнуть, что Батеньков - сторонник федеративного устройства Сибири, он выступает против жестокого централизованного, государственного управления. Этим он, с одной стороны, близок к конституции Н. Муравьева, с другой - предскажет идеи Ядринцева, Потанина, которые также много говорили о проблемах федеративного устройства. Как точно подметил исследователь Батенькова В.Г. Карцев, Устав Сперанского, разработанный декабристом-сибиряком, просуществовал до Октябрьской революции.

Сосланный в Сибирь в 1846 г. Батеньков напомнил о своем активном участии в разработке сибирских законов: "Я редактор здешних законов, и многие установления мною изобретены и названы. В ходе дел под верховной санкцией течет собственное мое слово"¹².

Главная мысль поздних исследований Батенькова о Сибири - это утверждение, что "Сибирь - не колония, а действенное при-

тяжение России к Востоку". Так начинается его поздняя статья "Сибирь". Любимая мысль Батенькова о Сибири как встрече двух цивилизаций - Востока и Запада, Европы и Азии - варьируется им постоянно. Свой план культурного развития Сибири, ее широкого просвещения Батеньков выстраивает, исходя из *этой стержневой мысли*. Даже в своих строительных работах он пытается органически сочетать Восток и Запад, древнее российское зодчество и восточную готику. Батеньков не просто противопоставляет Европу Азии, а *говорит об их синтезе* в культуре Сибири.

Это будет развито и в его исторических и литературно-эстетических исследованиях, и в его поэзии. В стиле его стихов - концентрированный метафоризм и иносказание, в которых синтезируются архаика и европейские традиции .

Сибирь с ее особым общественным и нравственным климатом способствовала формированию широкого гуманитарного мировидения Батенькова, и прежде всего его нравственно-философских религиозных воззрений.

Батеньков был одним из наиболее философски образованных декабристов. Еще в 1810-е гг. вместе с А.А. Елагиным увлекся философией Шеллинга и вздумал, как он сам определит это - "пересадить Шеллинга на русскую почву". Важнейшим для него вопросом философии, истории, этики, перед трудностями решения которого были поставлены русские люди 30-х гг., был вопрос о соотношении исторической необходимости и свободы действий отдельного индивидуума. Все декабристы 30-х гг., Чаадаев, Станкевич, Герцен были поставлены перед этой трудной проблемой.

Отталкиваясь от созерцательного, во многом механистического, материализма XVIII в., абсолютизовавшего детерминизм личности, Руссо утверждал: в свободе нравственного чувства человека - важнейший стимул его общественной деятельности. В немецкой классической философии эта проблема утратит свою полемическую остроту, но зато обретет более последовательное теоретическое решение. Почти все передовые люди 20-30-х гг. прошли через увлечение немецкой идеалистической философией.

Но у Батенькова после 1825 г. был свой подход к немецкой идеалистической философии, в частности к Шеллингу. Дело в том, что важнейшим источником миропонимания Батенькова явилась религия. Пережитое декабристами неминуемо влекло их к отказу от одностороннего общественно-политического ригоризма и объясняло, с одной стороны, огромное стремление к ду-

ховному самоуглублению, а с другой - к монументализму, универсализму мышления, предельному обобщению и осмыслению пути человечества в решении онтологических проблем, к миротворчеству.

Все это открывалось в религии. Отсюда очевидный факт увлечения многих декабристов религией именно на каторге, в сибирском поселении. Батеньков здесь принципиально близок В.Ф. Раевскому, В. Кюхельбекеру, Е.И. Оболенскому, М.С. Лунину и др.

Именно в Сибири декабристы сумели придать своей жизни поразительную духовную насыщенность. "Жить в Сибири я согласен до последнего издыхания, - писал Батеньков. - Это место Иерусалим мой, я всегда там на поклонении и, может быть, нигде не благодарю Творца вселенной так усердно и так искренне"¹³.

В последекабристский период религиозность Батенькова станет краеугольным камнем его мировоззрения, важнейшей опорой в решении проблемы человека, свободы воли и необходимости. Окрепшая в Сибири религиозность уходила своими корнями в особую атмосферу края, своеобразие сибирского человека, очень часто остававшегося один на один со стихиями природы; да и сама монументальность, безграничность сибирской природы тоже рождала высокие религиозные чувства. Примечательно, что сибирские письма Батенькова значительно отличаются от писем, посланных им из Петербурга и Центральной России. В них широта обобщений, философичность, тот особый монументализм, в котором слились "религиозность души", романтический историзм и народность. "Красавица наша Гомь вседневно ласкает меня своими быстрыми и светлыми струями, успел разглядеть величественное ее течение. О! как бедна наука в изъяснении красот природы. Она все оцепляет мертвыми буквами. Тут, напротив, *величие целостности*, всеобщей грации, всеобщее отражение красот вечных, в Боге сущих"¹⁴.

В другом письме: "Наша Гомь, это чудовище в полсотни верст длиною, будто играет своей бесчувственной жизнью. Впрочем, при всем своеволии стихий есть внутри нас и невозмутимая красота, а что всего надежнее - Бог в нас и с нами. Бог это опять пространство, не менее человеколюбивое, надежный источник чувства и мысли, освещающий и просвещающий душу"¹⁵. И далее - выход к таким важнейшим философским проблемам, как соотношение свободы воли, необходимости и Бога.

И еще один очень характерный для сибирских писем Батенькова пейзаж, в котором как бы прослеживается процесс зарождения религиозного чувства, внушаемого неповторимой сибирской природой. "Там, на правом берегу Ушайки, далеко от меня, куда теперь слабый взор едва достигает и где некогда жил я покойно, приятно. Там, говорю, возвышается голая крутая Воскресенская гора, первое на берегу Томи пристанище покорителей Сибири, где положили они основной камень городу. Там чернеется старый деревянный Собор. Я вышел из дому, Собор покрыт туманом, не видно его. Молиться пришел я - и молился Богу..."¹⁶.

То есть Сибирь, ее природа, ее человеколюбивое "пространство" имеют принципиальное значение в формировании системы мировоззрения Батенькова, природы его религиозного чувства.

В многочисленных философских заметках Батенькова, в его сибирских письмах - осуждение рационализма мышления, свойственного, по его убеждению, "грубому" (выражение Г.С. Батенькова) материализму в науке, игнорирующему религию. В письме к Е.Н. Оболенскому он пишет: "Вы правы, науке нашего времени не достает благочестия. Она вышла бы из своей шаткости и противоречий, если бы признала Бога всему причиной". И далее уже откровенный поход против материалистического объяснения происхождения мира и человека: "Как ни гляди, а, приписывая все, паже и красу природы, кругообращению шара, действию центрального огня, возвышению земной коры, электричеству, магнетизму и проч. и проч., ничего изъяснить нельзя. Понадобится непременно *воля, разум и намерение*. Вот почему и можно похвалить начинавшееся стремление некоторых литераторов искать прогресс *в духе* и внутреннею причиною объяснить явления" (здесь Батеньков имеет в виду тех молодых философов типа И. и П. Киреевских, которых считает своими "внуками")¹⁷. В отходе от *духовных начал* и *утрате духовной целостности* видели эти писатели кризис отвлеченной философии.

Сидя в течение двадцати лет в Петропавловской крепости и имея при себе лишь одну книгу - Библию на всех языках, - Батеньков, как он уверял в 1846 г., пережил "откровение". Может быть, тогда впервые он увидел в христианстве великую силу, объединяющую мироздание и грандиозный дух. В письмах из Сибири, размышляя о материализме и идеализме, о творчестве Бога и человека, о роли откровения и прозрения в построении философских систем, Батеньков еще и еще раз утверждает в религии великую объединяющую силу. И игнорирование этой силы

делает безжизненной самую науку. В связи с чтением "Космоса" Гумбольдта Батеньков с грустью заключает: "Наука много установила истин и сделала много открытий, не открыв, однако, Бога, и потому сомнительно, чтоб много". Или: "Как бы то ни было, а кажется, Бог хитрее Парижской Академии, и не скоро выпытает она у него творческие тайны. Он не только математик, но и поэт такого обширного размаха, что всю вселенную наполнил своею славою, величием, гармонией и красотою"¹⁸.

Здесь всюду проявилась жажда целостного мирозерцания, в котором бы органически слились материальное и идеальное, знание и вера, истина и Бог, т.е. добро и высшая идея.

Важнейшую для себя, как и для других декабристов, проблему свободы человека, право его на духовный, нравственный, общественный выбор Батеньков сейчас тоже связывает с религией, потому что, по его убеждению, подлинную свободу дает человеку вера.

Причина воли, скажет Батеньков в своих "Томских записках", - Бог, свобода - в вере, во внутреннем убеждении¹⁹. Эту черту мировоззрения Батенькова чутко уловил Л. Толстой, который говорил о высоко чтимом им декабристе-сибиряке: "Батеньков просидел 19 лет в одиночном заключении, но через веру он пришел к сознанию, что душа его свободна, и так громко расхохотался над тем, что царь заключил его, что стража прибежала посмотреть, что такое случилось"²⁰. Иными словами, Л.Н. Толстой на примере Батенькова, соглашаясь с ним вполне, признал, что подлинная свобода - это внутреннее освобождение души, не мыслимое без религиозной веры. Здесь целесообразно напомнить слова Н. Бердяева, произнесенные им в его "Философии свободы": "Свободный человек - это человек поверивший"²¹.

Архив Батенькова свидетельствует о том, что он много и заинтересованно исследует духовную жизнь Томска, создает очерки об отдельных священнослужителях²².

Глубокая связь Батенькова с Сибирью была, таким образом, плодотворной и взаимной. И весьма примечательно, что в своем своеобразном стихотворном "Памятнике" - "Non exegi monumentum", говоря о том, что весь он не умрет и что "неведомый потомок в пыли минувшего разыщет стертый след", Батеньков вспомнил не о Петербурге, и даже не о Петропавловской крепости, а о Сибири, где с необыкновенной силой он ощутил полную и высокую жизнь духа.

Трудами Батенькова, его поэзией впервые на сибирский мир был устремлен взгляд высоко рефлектирующего сознания, рас-

крявающего в нем неизмеримые духовные ценности, значение которых непреходяще.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1926. С. 20.
- ² Восстание декабристов. М., 1925. Т. 1. С. 430.
- ³ Беляев А. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном (1805-1850). СПб., 1882. С. 269.
- ⁴ См. Об этом: Шатрова Г.П. Декабристы и Сибирь. Томск, 1958. С. 92.
- ⁵ Там же. С. 67.
- ⁶ Лунин М.С. Сочинения и письма. М., 1923. С. 6.
- ⁷ Экономику и культуру Сибири изучали А.О. Корнилович, Г.С. Батеньков, П.А. Муханов, братья М. и Н. Бестужевы, И.И. Пущин, В.Л. Штейнфельд, М.И. Муравьев-Апостол и другие декабристы.
- ⁸ Архив Батенькова //Российская Государственная библиотека (РГБ). Ф. 20. Карт. 5. № 15.
- ⁹ Илюшин А.А. Поэзия декабриста Г.С. Батенькова. М., 1978. С. 138.
- ¹⁰ Карпов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965.
- ¹¹ Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 48359. Л. 89.
- ¹² Архив Батенькова. Ф. 20. Карт. 5. № 2-3.
- ¹³ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. М., 1936. С. 86.
- ¹⁴ Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т.1. С. 63.
- ¹⁵ Там же. С. 295.
- ¹⁶ Там же. С. 135.
- ¹⁷ Там же. С. 225.
- ¹⁸ Там же. С. 282-283.
- ¹⁹ Архив Батенькова. Ф. 20. Пер. 6. Ед. хр. 3. Л. 27.
- ²⁰ Яснополянские записки Д.М. Маковицкого. Кн.1 //Литературное наследие. М., 1979. № 90. Ч. 2. С. 147.
- ²¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989. Т. 1. С. 16.
- ²² Архив Батенькова. Ф. 20. Пер. 6. Л. 31-33.

BATENKOV AS A MAN OF FRONTIER

G.S. Batenkov is the only Decembrist who was born in Siberia. It was a man of many-sided and deep knowledge in natural sciences, mathematics, history, geography, economy, ethnography. He was a wonderful literary critic, distinctive a peculiar philosopher and a poet.

By two epochs of his life (1817-1821 and 1846-1856) he was closely connected with Tomsk, partly with Irkutsk and Tobolsk.

Batenkov as other Decembrists repeatedly marked the special location of Siberia. It is here where the cultures of Europe and Asia are intertwined. It is a feature of Siberia.

By force of its geographical location and ethnic structure Siberia is an arena of meeting of two civilizations: European and Asian.

It should be pointed that Batenkov makes the study of the character of Siberia in connection with the question of European and Asian origins in culture.

Thoroughly and comprehensively he examines a great number of minorities of Siberia, natives with their history ethnography, folklore. And as other Decembrists he sets up a problem of union and interaction of cultures.

The main thought of Batenkov's latest researchers is very dear to him: "Siberia is not a colony but the Russian attraction it the last". Even in his building works he organically combines the East and the West, the ancient Russian architecture and Asian gothic.

Batenkov is not simply opposes Europe and Asia but tells about their synthesis in Siberian culture.

ЛИЦЕЙСТЫ ПУШКИНСКОГО ВЫПУСКА И СИБИРЬ **(к проблеме формирования сибирской культуры)**

В исторической и культурной жизни Сибири первой половины XIX в. значительной оказалась роль Царскосельского лицея и многих его выпускников. Среди них особенно выделяются лицеисты первого выпуска: Пушкин, Илличевский, Матюшкин, Пушкин, Кюхельбекер.

Как известно, Царскосельский лицей был создан по проекту М.М. Сперанского. В 1808 г. им была составлена записка под названием "Первоначальное начертание особенного Лицея", которая затем легла в основу лицейского Устава¹. Организация и учреждение лицея должны рассматриваться в контексте общих государственных реформ, разработанных Сперанским в первое десятилетие XIX в. Все они имели целью провести преобразование России законодательным путем, постепенно подготовить общественное мнение к принятию первой Российской конституции и отмене крепостного права.

В духовной атмосфере пушкинского лицея формируются характерные ментальные основы единой русской культуры, которые затем повлияли и на развитие культурной жизни Сибири. Своеобразие лицейского мира видится прежде всего в том, что здесь складывались особые коллективные формы жизни и творчества. Как отмечает современная исследовательница, "первый курс лицейстов представлял собой микросоциум, в котором деятельно творилась своя коллективная культура... Творческий процесс не протекал в уединении - это было формирование на миру..."² В такой обстановке рождался уникальный тип личности. Для него характерны предельно личностное восприятие мира и самого себя и одновременно надличностное ощущение глубинного родства с миром других людей, активная причастность к коллективному социуму. Все это сообщало особую целостность личности, открывало внутреннюю перспективу в её развитии, создавало характерную "панорамность" жизни, сознания и творчества.

Одновременно в лицее формируются некоторые существенные предпосылки нового национального эпоса, коллективного по своей природе, который оказал существенное влияние на становление эпической традиции в литературе Сибири. Коллективность лицейского эпоса соответствует тому этапу в эволюции искусств-

ва, когда личность становится уже объектом самой себе, но в то же время все еще сохраняет прочную связь с родовым коллективом, с хором единомышленников. Лицейский эпос предвосхищает те тенденции в литературном развитии, которые знаменуют собой переход от описания родовых свойств явлений к наполненности их индивидуальным содержанием, от изображения отдельных человеческих типов к передаче неповторимости человеческого характера как такового, движение от обобщенного воспроизведения душевной жизни личности к детальной психологизации.

Основу поэтики коллективного эпоса составляют образы общего дома - лицея, лицейского братства, дружеского круга, хорова муз, круговой чаши, круглого стола. Эти образы активно формируют лирику поэтов лицейского круга, а также их эпистолярное и дневниковое творчество. Коллективность лицейского эпоса обнаруживается и в актах совместной творческой деятельности, к которым можно отнести лицейскую журналистику, заполнение альбомов лицистов, факты циклизации, объединяющие произведения нескольких авторов, лицейский и послелицейский эпистолярный. Все эти типологические черты лицейского эпоса по-своему отразились и на формировании сибирской культуры первой половины XIX в. И здесь центральными фигурами были Пушкин, Кюхельбекер, Пущин, Матюшкин, Илличевский.

Сибирская история лицея начинается с Алексея Илличевского. Как известно, в 1804 г. была образована Томская губерния, входившая ранее в состав Тобольской. С образованием Томской губернии город Томск получал известную административную и культурную самостоятельность. В 1812 г. при прямом содействии Сперанского томским гражданским губернатором был назначен Дамиан Васильевич Илличевский, отец лицеиста Алексея Илличевского. Творчество А. Илличевского обнаруживает характерные тенденции, связанные с формированием и осмыслением сибирской культуры.

Илличевскому принадлежит самое большое количество дошедших до нас писем с важнейшими подробностями лицейской жизни. В этом смысле Илличевский может считаться первым биографом Пушкина и первым историком Царскосельского лицея. Его письма сыграли заметную роль и в становлении и эволюции лицейской прозы. Как отмечает Н.Н. Петрунина, "уже сохранившиеся письма лицистов (на первом плане здесь письма Илличевского) дают возможность проследить, как принесенные детьми извне навыки бытового письма постепенно расширяются

и обогащаются, впитывая приметы письма литературного³. Движение от бытописательности к литературности определенным образом затрагивает и сибирский материал, встречающийся в переписке Илличевского. В письме к своему другу по петербургской гимназии П.Н. Фуссу от 27 июля 1814 г. Илличевский пишет: "У вас теперь каникулы: тебе, я думаю, весело! И я бы мог проводить также весело время, когда бы не лишен был удовольствия видеть своих родителей, которые живут теперь в Томске, где папенька губернатором, за 4500 верст отсюда! Каково расстояние? Часто случается, что по два месяца не получаю от них писем"⁴. Из отрывка видно, как возникает здесь своеобразный литературно-бытовой хронотоп, сопрягающий воедино Лицей, Петербург и Томск. Следует отметить и личностный, эмоциональный характер переживания времени и пространства в этом письме. Кроме того, упоминание о двух месяцах, разделяющих время написания и получения письма, раскрывает как природно-культурные ритмы жизни центра и провинции, так и внутренние ритмы личности, осознающей свою одновременную причастность к единому географическому и культурному пространству России.

После окончания Лицея Илличевский был определен на службу в Министерство финансов, однако уже с 1 декабря 1817 г. он числится чиновником Сибирского почтамта и с января 1818 г. проживает в Томске. Сохранилось одно письмо от 4 апреля 1818 г., отправленное Илличевским из Томска в Петербург В.К. Кюхельбекеру. В письме отчетливо прослеживается определенная эстетическая тенденция, связанная с одновременным противопоставлением -сопоставлением Сибири и Петербурга, провинции и Центральной России. Автор пишет об этом: "Впрочем, нечего пугаться Сибири, везде есть умные люди и милые девушки - для меня так и в холодной Сибири тепло - и в Петербург возвращаться я еще не думаю. Одно только, чем столица имеет перед провинциями выгоду, - это литературные, театральные, политические, интрижные и всякие, и всякого рода интересные новости. Для меня до многих нет нужды, - но литература все еще имеет меня покорнейшим слугой! Хотя, например, вы давно читаете Историю Карамзина, восхищаетесь, судите и слышите о ней суждения умных людей - мы же ни того, ни другого! - и знаем о ней только по газетам - когда-то получим мы экземпляры, за которые из одной Томской губернии послано до 4000 р.!"⁵ Так формируется своеобразная оппозиция двух миров: географических; нравственных, культурных, составившая впоследствии основу эпи-

ческой традиции в литературе Сибири. Эти два мира неравнозначны, и потому Илличевский замечает: "Пишите вам больше материи, нежели нам провинциалам"⁶.

Живя в Томске, Илличевский продолжает активно заниматься литературой. В 1819 г. он избирается членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В 1820-1821 гг. постоянно печатается в журнале "Благонамеренный" за подписью "Томск". В 1820 г. Илличевский помещает в этом журнале свою статью "О погрешностях в стихосложении", в которой "пытается определить и обосновать принципы "легкой поэзии" на русской почве"⁷. Эта статья принципиально важна для поэта. Все его творчество, в том числе и сибирское, развивалось в основном в традициях "легкой поэзии".

Дошедшие до нас сибирские материалы Илличевского позволяют говорить об определенной тенденции, отразившейся в них. Сибирская тема в творчестве Илличевского воспринимается в контексте "большой" литературы, вводится автором в единый общерусский, общеевропейский историко-культурный процесс. Вместе с тем она имеет и свои характерные особенности. К ним относятся одновременное сопоставление -противопоставление Петербурга и Сибири, восприятие человека как природно-культурного явления, осмысление внешних и внутренних ритмов культурного диалога между центром и провинцией. Интересна сибирская судьба и другого лицеиста - Федора Федоровича Матюшкина. После окончания лицея при содействии его директора Е.А. Энгельгардта Матюшкин был определен на военный шлюп "Камчатка" под начальство известного мореплавателя В.М. Головнина. Вместе с ним в 1817-1819 гг. он совершает свое первое кругосветное путешествие.

Весной 1820 г. Ф.П. Врангель, также участник кругосветного плавания на "Камчатке", предложил Матюшкину отправиться с ним на северо-восток Сибири для изучения её берегов и исследования Восточно-Сибирского моря. Матюшкин ответил согласием и уже в марте 1820 г. выехал в Сибирь.

Сохранились письма Матюшкина из его сибирской экспедиции, адресованные Энгельгардту. Одно из них было написано в Томске 9 мая 1820 г. В нем Матюшкин сообщает: "... Третьего дня мы приехали в Томск - город, который не может равняться с Тобольском - этого довольно. Здесь мы остановились в доме дяди Илличевского. Приехавши, тотчас послал свое кольцо чугунного братства к нашему лицейскому старичку. Он тотчас прикатил ко мне. Ах, Егор Антонович, как любо видаться с лицейскими в та-

ком отдаленном краю. Хоть он к Вам не пишет, однако же Вас помнит и любит - чудесный минеральный кабинет везет к Вам и целую палату редкостей"⁸.

Уже в конце мая 1820 г. Матюшкин прибыл в Иркутск. Здесь состоялось его знакомство со Сперанским и Батеньковым. В своих записках он так вспоминал об этой встрече: " На другой день после моего приезда в Иркутск я явился к Михаилу Михайловичу по долгу службы... Я его нашел в саду с Батеньковым (с которым я впоследствии сдружился). Мои ответы ему были дерзки и молоды. Так, например, на вопрос, как мне нравится Сибирь и какое она сделала на меня впечатление, я отвечал, что вижу в ней - Россию через сто лет: образованность и довольство крестьян, приветливость и бескорыстную услужливость чиновников, порядок на станциях, прекрасные дороги, невероятную честность, и пр. Через неделю я зашел. ...разговор - о лицее, Пушкине, Руслане и Людмиле"⁹.

О готовящейся сибирской экспедиции сообщал и Сперанский в письме к дочери от 28 мая 1820 г. В нем говорится: "Ко мне прислали две партии морских офицеров для открытий по Ледовитому морю. На сих днях отправляю их в путь к белым медведям. Есть действительно признаки большого острова, а может быть и земли, соединяющей Сибирь с Америкой. Со временем можно будет ходить пешком чрез Иркутск в Бостон и Филадельфию"¹⁰.

Восприятие Сибири у Матюшкина и Сперанского во многом схоже. Прежде всего, это как бы взгляд изнутри самой Сибири, ее региональных и культурных особенностей. Сибирь представляется Матюшкину как особая уникальная модель России будущего (Сибирь - это "Россия через сто лет") и одновременно как символ совершающихся перемен в настоящем (и здесь важны имена Сперанского, Батенькова, лицейстов Пушкина, Илличевского, деятельность самого Матюшкина). В письме же Сперанского, несмотря на его шуточный тон, будущее Сибири мыслится как связующее начало между Европой и Америкой, между Старым и Новым Светом. Сибирь в сознании Сперанского была неотделима от тех глобальных реформ, которые были задуманы им в первое десятилетие XIX в. Не сумев осуществить их в масштабе всей России, Сперанский, который с 1819 г. находился в должности сибирского генерал-губернатора, надеялся именно с этого региона начать воплощение своих реформаторских замыслов. Поэтому Сибирь в начале 1820-х гг., обретает все большее значение в политической жизни России.

Экспедиция Врангеля к северным берегам Сибири продолжа-

лась в течение четырех лет, с 1820 по 1824 г. После этого Врангелем был напечатан отчет, вышедший в Петербурге в 1841 г. в двух частях. В каждую из частей входят и отчеты мичмана Матюшкина о своих самостоятельных экспедициях. Эти научно-художественные отчеты определенным образом повлияли на формирование эпической традиции в литературе Сибири. Прежде всего, в них много места занимает собственно этнографический материал: описания внешнего вида, одежды, жилищ, религиозных обрядов, культуры и языка чукчей, юкагиров, тунгусов, якутов и других народностей Крайнего Севера. Все это естественно воспроизводило тот историко-национальный и местный колорит, который затем занял значительное место в сибирской литературе и публицистике. Для отчетов Матюшкина характерно представление о коренных народах Сибири как национально-природных образованиях, а внутренняя взаимосвязь образа жизни народов Севера с природными условиями края воспринимается как значимый эстетический факт в литературе Сибири. Кроме того, автор пытается воспроизвести и некоторые черты национальной психологии сибирских народов. О тех же чукчах он говорит: "...Хладнокровие и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера чукчей, дает им на торге большое преимущество перед русскими..."¹¹.

Отчеты Матюшкина о сибирской экспедиции дополняются и его многочисленными письмами из Сибири. Все они строго документированы, пронумерованы, многие из них написаны в форме путевого дневника и снабжены многочисленными рисунками и схемами, изображающими виды Иркутска, Якутска, берега Лены, северное сияние, путь следования экспедиции. Как видим, в описании Сибири у Матюшкина преобладает научно-художественный подход, и это порождает совершенно особый тип прозы, близкий к романтическому фрагменту или зарисовке. Показательно, что отрывок из сибирского письма Матюшкина от 6 августа 1821 г. был впоследствии опубликован В.К. Кюхельбекером в альманахе "Мнемозина".

Научно-художественная проза Матюшкина и его письма из Сибири естественно сочетают в себе как общерусские, так и собственно сибирские литературные традиции. Поэтика двоемирия соседствует у него с автономным осмыслением Сибири как целостного эстетического мира, природно-культурное восприятие человека - с природно-национальным, вопросы народности - с воспроизведением местного колорита. В сибирской прозе Матюшкина преобладают устойчивые темы и образы, присутствуют ху-

дожественные, научные и публицистические черты, сохраняется установка на общерусский культурный контекст. Все это говорит о том, что перед нами новый рождающийся эпос со своей особой поэтикой и широкой культурной перспективой.

В память об исследовании Сибири один из мысов в Восточно-Сибирском море назван Врангелем мысом Матюшкина.

Однако из всех лицеистов пушкинского выпуска дольше всех оказались связаны с Сибирью В.К. Кюхельбекер и И.И. Пущин. Сибирская география Пущина довольно разнообразна. Это Чита, Петровский завод, Туринск, Ялуторовск, путешествие по местам ссылки декабристов в 1849 г.

Восприятие Пущиным Сибири и сибирской культуры осуществлялось в традициях, близких к коллективному лицейскому эпосу. Через всю сибирскую переписку декабриста проходят образы лица, лицейского братства, образы лицеистов - "чугунников" и лицейских годовщин. Письма постоянных лицейских корреспондентов Пущина - Энгельгардта, Малиновского, Матюшкина, Кюхельбекера - включаются здесь в определенный "устный" контекст, который образуется из воспоминаний, чтений стихов Пушкина и других поэтов лица, из рассказов и бесед самого Пущина с декабристами и членами их семей. Так, в одном из писем Энгельгардту, подчеркивая стихию устного слова в сибирском кругу декабристов, Пущин говорит: "Тут у меня обыкновенно рассказы, которые и здесь между товарищами находят сочувствие"¹². Фактически задолго до написания Пущиным "Записок о Пушкине" они существовали уже в устном варианте, который сложился из бесед их автора с декабристами и членами их семей. Переписка с друзьями-лицеистами и "устный" культурный контекст, в которых продолжают традиции коллективного лицейского эпоса, определенным образом накладываются и на осмысление Пущиным Сибири и судеб ее невольных жителей.

В его письмах постоянно возникают образы дома-тюрьмы, "тюремной семьи", "тюремных друзей", "Петровского союза". Впоследствии они дополняются образами "союзников", живущих вместе на поселении, "сибирской семьи", артельного братства. Все они раскрывают индивидуальную неповторимость личности автора, адресатов и одновременно отражают совместное, коллективное бытие отдельного человека, сознающего свою внутреннюю связь с кругом политических и духовных единомышленников.

Образ Пущина и образ Сибири выступают как своеобразные объединяющие центры в этом эпистолярном эпосе. Ведя самую

обширную переписку из всех декабристов, занимаясь делами Малой артели. Пущин осознавал себя одним из связующих центров этого сибирского братства. В письме Энгельгардту от 29 апреля 1845 г. он сообщал: "А почтовый день у меня просто как в каком-нибудь департаменте. Непременно всякую почту пишу и получаю письма. В эти годы накопилась целая библиотека добрых листков - погодно переплетены. Читайте сами, сколько томов составилось. Часто заглядываю на эту полку с усладительным чувством"¹³. И в сознании самих декабристов фигура "Маремьяна-старицы", его дом в Ялуторовске, а затем в Марьино воспринимались как напоминание о единой сибирской семье, основанной на биографическом, политическом, нравственном, духовном родстве.

Образ Сибири представлен в переписке Пущина очень многопланово. Сибирь в ее политико-экономической и культурной перспективе наиболее полно охарактеризована им в одном из писем Энгельгардту. В нем автор говорит: "Управление то же самое, что и за Уралом, с одною только существенною, коренною выгодою: нет крепостных. Это благо всей Сибири, и такое благо, которое имеет необыкновенно полезное влияние на край и, без сомнения, подвинет ее вперед от России. Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты. Она могла бы тотчас отдлиться от метрополии и ни в чем не нуждалась бы - богата всеми дарами царства природы. Измените несколько постановления, все пойдет улучшаться"¹⁴. Как видно из этого письма, Сибирь, в восприятии Пущина, - это особый регион, где происходит сближение двух путей развития современной цивилизации: российского и американского. Сибири отводится первостепенная роль в обновлении всей российской государственности, в дальнейшем сближении России с североамериканской культурой. Пущин говорит также о природных и климатических особенностях края, о проблемах земледелия. Особое место занимают в его письмах и вопросы культурной жизни Сибири. Таким образом, можно сказать, что письма Пущина и письма декабристов к нему представляют своего рода малую сибирскую энциклопедию и "энциклопедию тридцатилетней сибирской эпопеи декабристов"¹⁵.

Итак, знакомство с сибирской биографией лицезистов пушкинского выпуска и их духовными интересами позволяет говорить о трех типах культурного восприятия Сибири в первой половине XIX в.: восприятие в контексте общерусской традиции, в рамках формирующейся "большой" литературы (Илличевский); ориен-

тация одновременно на общерусские и сибирские культурные традиции (Матюшкин); постижение нашего края в системе коллективного сибирского эпоса декабристов (Пушин). Все эти особенности необходимо учитывать при изучении культурной жизни Сибири как в прошлом, так и в настоящем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом подробнее в кн.: Руденская М.П., Руденская С.Д. "Наставникам... за благо воздадим": Очерки. Л., 1986. С. 24-28.

² Виротайнен М.Н. Лицейское творчество Пушкина //Пушкин А.С. Лицейская лирика. СПб., 1993. С. 18.

³ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. Л., 1987. С. 8.

⁴ Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники //Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб, 1887. Т. 13. № 4. С. 77.

⁵ Пушкин и его современники: Материалы исследования. Вып.31-32. Л., 1927. С. 153.

⁶ Там же.

⁷ Поэты 1820-1830-х годов: В 2 т. Л., 1972. Т. 1. С. 487-488.

⁸ Письма Ф.Ф. Матюшкина из Сибири //Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820-1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. м., 1948. С. 351

⁹ Корф М. Жизнь графа Сперанского. М., 1965. С. 219-220.

¹⁰ Письма Сперанского из Сибири //Русский архив. 1868. № 11. С. 1758-1759.

¹¹ Врангель Ф.П. с. 170.

¹² Пушин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 108.

¹³ Там же. С. 202.

¹⁴ Там же. С. 198.

¹⁵ Мироненко М.П., Мироненко С.В. Декабрист Иван Пушин //Пушин И.И. Указ. соч. С. 23.

**THE LICEUM GRADUATES OF PUSHKIN LYCEUM DAYS
AND SIBERIA**

(about the problem of creating Siberia culture)

The Lyceum (in Tsarskoye Selo near Petersburg) and its graduates played a great role in historical and cultural life of Siberia. The names of Pushkin, Matushkin, Illichevsky, Pushchin, Kukhelbekker (the first Lyceum graduates) are connected with Siberia culture of first half of the 19th century. Their life and creative work influenced Siberia culture and history greatly.

The Lyceum itself is interpreted today as a peculiar way of the Russian civilization, as a whole cultural epoch in its humane development. The Lyceum establishment should be considered side by side with the Russian state reforms worked out by M. M. Speransky in the first decade of the 19th century. The aim of his reforms was to reform Russia by legislative way, to prepare step by step public opinion to adopt the first Russian Constitution and to abolish serfdom in Russia.

In the spiritual Pushkin Lyceum atmosphere peculiar mental foundations of the national Russian culture that greatly influenced the development of Siberia culture life were created. In the Lyceum arise new collective ways of life and creative work. It resulted in creating an original type of the individual formed by collective way of life who realized the life as coexistence, co-authorship and co-creative search. The new human phenomenon perceives the world and himself as an individual and at the same time he understands profound relationship with other people and his active participation in the collective as a whole. The individual develops as a harmonic person in his spiritual perspective revealing new panorama life, consciousness and creative work. At the same time in the Lyceum new principles of the national epic literature (collective by nature) are created. The Lyceum epos had a profound effect on epic traditions in Siberia Literature. The collective epic poetics is created by the common friendly Lyceum life, Lyceum brotherhood, the round table tradition with its loving-cup and the epos itself is inspired by round dance muses.

All the images influenced Lyceum poets lyric poetry, their epistolary and diary creative work. Pushkin, Illichevskiy, Matushkin and Pushchin are coincided the central figures in creating Lyceum culture in the 19th century Siberia Lyceum history in connected with

the name of Aleksey Illichesky. In 1812 under sperausky support Damian Vasilievich Illichevsky (the father of Aleksey Illichevsky) was appointed as the Tomsk civil governor. After graduating from the Lyceum Illichevsky was taken to work in the ministry of Finance but since the first of December 1817 he started work in Siberia Post Service and from January 1818 he lived in Tomsk. While living in Tomsk Illichevsky is engaged in literature work, In 1820-1821 his works are published in the journal "Blagonamerenniy" under the pen-name Tomsk. Siberia theme in his creative works is considered in the context of "Bolshoy" national literature and belongs to the Russian and at the same time it has its own characteristic features such as simultaneous comparison-opposition of Petersburg and Siberia, understanding.

External and internal impulses of the cultural dialogue between the center of the country and province.

It is worth mentioning here the life of another Lyceist Fyodor Fyodorovich Matushkin. In the spring of 1820 he and F.P. Vrangl traveled to the North-East of Siberia to study its shores and investigate the East-Siberian Sea.

Speransky in his letter to his daughter wrote about a big island or possibly land connecting Siberia and America and about prospective walking via Irkutsk to Boston and Philadelphia. Both Matushkin and Speransky considered (Siberia as an original model of the Asia in a hundred years) and at the same time as a symbol of the changes of that time. In one of his letter Speransky supposes that Russia can become a link between the New World and the Old World and his radical reforms were connected with Siberia. It is in Siberia where he hopped to start his reforms. So Siberia become one of the political center of Russia at the beginning of 1820-1828.

The expedition of Vrangl to the North Shores of Siberia lasted 4 years: from 1820 to 1824.

Then he published his account in 2 parts in 1841 in Petersburg. His scientific-fiction accounts influenced epic traditions in the literature of Siberia. He pays a lot of attention to ethnography material describing appearances, clothes, houses, religions ceremonies, culture and languages of the native people of the Northern Siberia. Matushkin tries to present the local people as a part of the nature of area tries to describe some features of their national psychology. Matushkin's scientific-fiction prose and his letters from Siberia combine the National Russian literature traditions and Siberian literature traditions Siberia is interpreted by him as a harmonic aesthetic world and a man as a part of it and the people as a part of the local Siberia

color. He watches and describes new epos, in its wide culture perspective.

The name of Pushchin is closely connected with Siberia. He used to live Chita, Turinsk, Jalutorovsk, Petrovsky zavod where Decembrists lived in their exile in 1849. On his letters Pushchin writes about the Lyceum, its collective way of life, Lyceum brotherhood, Lyceum anniversaries and its graduates.

Before writing "Notes about Pushkin" his recollection existed in oral stories created as a result of his conversations with Decembrist and their family members.

On one of his letters to E.A. Engelgardt he compares Siberia and the United States. On his opinion Siberia can separate from the center of Russia and live as an independent country that has all the necessary nature resource for its development and he writes about the joint development of Russian and American cultures. Siberia can be a bridge between Russian and the North-American cultures.

After studying biographies of Pushkin Lyceum graduates, their life in Siberia and their spiritual interests-one can say about three types of the cultural process in Siberia in the first half of the 19th century: perception of the culture as a part of the Russian traditions, "Bolshoy" literature process (Illichevsky); combination of the Russian and culture traditions (Matushkin); comprehension of Siberia epos in the creative works of Decembrists (Pushchin). All the types should be taken into consideration for studying the culture life of Siberia forth in the past and in Present.

СИБИРСКАЯ ТЕМА НА СТРАНИЦАХ "МОСКВИТЯНИНА"

Научно-литературный журнал "Москвитянин", издававшийся М.П. Погодиным в 1841-1856 гг., сделавшийся за это время, по словам П.В. Анненкова, "эхом славянофильской школы" и доходивший "в защите своих основных положений - о богатстве русского народного духа, о его религиозной сущности, об элементах смирения, кротости, терпения, мудрости ... - до крайних границ увлечения", достаточно часто привлекает внимание исследователей¹. При этом их заинтересованность изданием связана главным образом с его направлением, местом в истории русской журналистики. Однако до сих пор остается в тени роль "Москвитянина", столичного журнала, в развитии литературы и культуры российских провинций, в частности Сибири, его значение в укреплении плодотворных связей региональной и общенациональной культур.

Между тем уже объявление о выходе в свет первого номера "Москвитянина" свидетельствует о стремлении редактора начать диалог столичной и провинциальной России, что, по его мнению, не только могло быть взаимно полезным, но и являлось необходимым в "великом деле" становления национальной культуры². М.П. Погодина слышали во многих уголках государства Российского и не в последнюю очередь в далекой от Москвы Сибири. Уже в № 3 за 1841 г. было опубликовано "Письмо из Нерчинска к издателю", написанное преподавателем Нерчинского уездного училища А. Мордвиновым, который обращался к Погодину с просьбой "сделать себя пренумерантом означенного журнала" и одновременно предлагал ему сотрудничество. В примечании к публикации редактор отвечал: "Прошу, прошу покорно от имени всех своих читателей. Очень рад, очень рад".

Этот образ провинциального сибирского учителя, открытого для диалога и готового к нему, прямо связан с погодинским пониманием Сибири в целом, которое, в свою очередь, органично входит в общерусский контекст осмысления важнейших для России 1840-50-х гг. проблем народного, национального, исторического. Целым рядом исследователей отмечена тенденция в русской общественно-литературной мысли начала прошлого века возводить отдельные историко-географические регионы до мас-

штаба категорий "народное", "национальное". Сибирь, наряду с Украиной, выделилась в такой регион в числе первых и мыслилась как некий цельный и самодостаточный микромир, верный русской старине, питающийся от самых корней народного духа и противостоящий в этом плане центру. К 40-м гг. представление об этой оппозиции осложняется пониманием разных культурных уровней, ее составляющих, откуда вытекало сложное толкование идеи развития отдельных регионов и их роли в развитии России.

Все это во многом определило и москвитянинскую концепцию Сибири. В ней характерная для журнала антитеза "Россия - Запад" обретала особый внутренний смысл. О Сибири говорилось в русле осмысления "европейской" и самобытной" основ русского бытия, и именно Сибирь, с ее нетронутой природой, бытом, с ее способностью хранить старину, с ее традиционной консервативной моралью и психологией, мыслится как своеобразный фундамент желанного общерусского жизнеустройства. Таким образом, утверждается право Сибири играть значительную роль в русском настоящем и будущем.

Но, с другой стороны, признается необходимость "обратной связи". Погодин твердо уверен в том, что, будучи изолированной, Сибирь и ее безыскусная культура потеряют всякую действенность и жизнеспособность. С этим связано стремление Погодина показать Сибирь и столице, и самим сибирякам как бы со стороны. К разговору о Сибири "Москвитянин" привлекает людей широко образованных, аналитически мыслящих, которых "судьба забросила в отдаленные от столицы места". Пересечением этих двух взглядов - "со стороны" и "изнутри" - определяется и погодинский отбор сибирских материалов для своего издания, и их проблематика, стиль, жанр, место, занимаемое в журнале.

Все годы, несмотря на неоднократные смены редакторов, сибирские материалы помещались в одном из самых почетных, по выражению Н.П. Барсукова, отделов "Москвитянина" - "Материалах для русской истории"¹. При этом сибирские публикации 1841-1843 гг., когда журнал редактировался самим Погодиным, были представлены научно-публицистическими описаниями, биографическими известиями и письмами, т.е. жанрами, являвшимися предметом дискуссии в большой русской литературе 40-х гг.

Наибольший интерес представляют письма-очерки М.М. Сперанского из Сибири от июня-сентября 1819 г. к дочери и П.А. Словцову (1842, № 1; 1844, № 7). Письма к Елизавете Михайловне объединены стремлением автора познакомить свою дочь с

нведомым ей краем. При этом очевидно желание Сперанского разрушить стереотипное представление о Сибири. "Сибирь есть просто Сибирь", - пишет он из Тобольска 14 июня 1819 г. Свои письма сам автор называет "уроками статистики", ибо они призваны были дать прежде всего объективную картину, чтобы "люди перестали превозносить Сибирь и находить в ней Индию". Однако представление Сперанского о Сибири поражает не столько своей объективностью, трезвым анализом, точным владением материалом, сколько пронзительной болью за недостойную человека жизнь сибиряка. В письмах из Томска от 17 и 24 июля он, например, сообщает: "Томск и вообще Томская губерния могла бы и по богатству, и по климату быть одною из лучших губерний в России. Но худое управление сделало из нее вертеп разбойников. Сие противоречие разрывает сердце". Видя все достоинства, возможности и беды сибирского края, Сперанский тут же берется за дело его преобразования. О своей активной деятельности в этом плане он регулярно сообщает дочери.

Вырастающий из писем образ Сперанского, активного просветителя, сеющего семена культуры на благодатную сибирскую почву, чрезвычайно дорог Погодину. Не случайно он так заинтересовывается судьбой этого человека. Известно, например, его горячее участие в предпринимаемом М.А. Корфом собирании материалов для биографии Сперанского⁴. Весьма примечателен и такой факт: в 1847 г. Погодин получает для своего Древлехранилища от И.П. Помазкина из Тобольска собрание собственноручных писем Сперанского к П.А. Словцову. Некоторые из них, доставленные тем же И.П. Помазкиным, были опубликованы в "Москвитянин" еще в 1844 г.

Погодину, очевидно, представляется чрезвычайно важным сам факт знакомства и дружбы Сперанского и Словцова. Опубликованные в журнале письма являлись ярким подтверждением подлинности взаимоотношения и диалога двух просветителей, представителей двух разных культур - столичной и региональной, являющихся в конечном итоге ликами единой национальной культуры России. Не случайно у Сперанского и Словцова, судя по их переписке, так много общего. В частности, они очень близки в понимании Сибири как особого пути, по которому Провидение провело обоих. "В миллионе веков, кои нам прожить остается, действительно, настоящая жизнь есть мгновенье: как же тут различить годы, месяцы и дни? Как найти в сей бездне расстояние Сибири от Петербурга?" Сибирь в понимании и Сперанского и Словцова - это не столько географическая область,

сколько особый мир и особый этап в духовном развитии человека и общества в целом.

Если письма Сперанского к дочери были снабжены биографической справкой об авторе, то его послания к Словцову окружены биографическими материалами об адресате. Это - "Биографические известия о П.А. Словцове", доставленные И.П. Помазкиным, и "Поправка и дополнение биографических известий", автором которых является Г.И. Сперанский. В первой из названных публикаций, по сути, создается образ идеальной русской личности. Спасский, в общем сохраняя пафос "Биографических известий" Помазкина, дополняет образ Словцова некоторыми конкретными, собственно сибирскими биографическими деталями и при этом возводит словцовский тип личности до общечеловеческого масштаба ("Историческое обозрение Сибири" Словцова, - пишет Г.И. Спасский, - должно быть известно каждому просвещенному и образованному человеку").

Другую группу сибирских публикаций 1841-1845 гг. составляют научно-публицистические очерки сибирских корреспондентов Погодина - А. Мордвинова и М. Зензинова. Публикации примечательны как образцы особой научно-художественной образности и стиля молодой сибирской прозы. Установка на документальность, объективность, с одной стороны, а с другой - множество лирических пейзажей, лирических отступлений, за которыми видится стремящаяся к самораскрытию авторская личность, - все это создает особый тип сибирского очерка, причудливо соединяющего элементы натуральной школы, романтического и даже сентименталистского искусства.

В 1845 г. редактором журнала, как известно, становится И.В. Киреевский, стремившийся ко многим принципиальным преобразованиям погодинского издания. Тем более показательно то немногое, "чем Киреевский следовал Погодину: ведущим в журнале остается раздел "Материалы для русской истории", и в нем по-прежнему помещаются сибирские публикации. Это, в частности, еще одно письмо Сперанского к Словцову от 6 августа 1813 г. (1843, № 3) и еще одно биографическое известие о Словцове, написанное неизвестным красноярским корреспондентом (1845, № 10). Внимания заслуживает, прежде всего, письмо Сперанского, в котором он делится с другом своими размышлениями о страдании. Судьбу Словцова, отправленного в Сибирь, Сперанский называет "болезненным и спасительным путем самопознания, возрождения духа Христова". Жизненный путь Словцова, волею Провидения проложенный через Сибирь, по убеждению

Сперанского, и есть путь разрешения общих проблем ("Люби, страдай и все узнаешь"). В сознании Сперанского органично сливаются, как взаимозависимые, понятия страдания, сострадания, самопожертвования, любви к Богу, к людям - и Сибирь.

Словцову все это, очевидно, было очень близко и понятно. Не случайно письма Сперанского были для него "главную подпорою и утешением в бедствиях жизни", по словам корреспондента из Красноярска. В той же красноярской корреспонденции приводится как главная мысль о большой любви Словцова к Сибири и сибирякам и, как следствие этого, - ко всему человечеству: "Сибирь и сибиряков любил он страстно ... он радовался благополучию и успехам их, как собственных детей ... Вся жизнь П.А. Словцова посвящена была человечеству".

С 1846 по 1851 г. в "Москвитяине" чуть не ежегодно меняются редакторы. В это время на его страницах появляются новые имена, жанры и т.д. В частности, в освещении сибирской темы, которая сохраняется в журнале и в "смутные" для издания времена, большую роль начинает играть путешествие - жанр, весьма распространенный в литературе 40-50-х гг.

Сибирские путешествия профессора Московского университета Г.Е. Щуровского, ученого А. Маркова продолжали открывать читателям "Москвитянина" Сибирь. Это были основательные и многосторонние исследования, в которых преобладали научно-документальные исследования. В путешествиях Щуровского и Маркова - множество цифр, дат, таблиц и т.п. Поток информации в какой-то мере подчинил такой важнейший конструктивный повествовательный принцип путешествия, как его композиционная свобода. Рассказы Щуровского и Маркова разворачиваются в соответствии со строгой логикой путешественника-ученого⁵. Этим их описания Сибири в значительной степени отличались от рассказов авторов-сибиряков, упоминавшихся Мордвинова и Зензинова. Хотя в ряде случаев и в строгих, похожих на научные, отчеты о путешествиях Щуровского и Маркова находилось место для пейзажей, описаний, приключений и т.д. Как будто сам материал, прежде всего, сибирская природа, грандиозная и самобытная, неожиданно пробуждал в авторах "старомодные эмоции и слог"⁶.

Последний этап существования "Москвитянина" связан с так называемой "молодой редакцией" (А.Н. Островский, А. Григорьев, Е.Н. Эдельсон, Б.Н. Алмазов, М.А. Стахович, Г.И. Филиппов, Л.А. Мей, Н.В. Берг), заметно его оживившей. Сказалось это и на сибирской тематике. В последние годы в журнале появляются

публикации Г. Спасского, Н.С. Щукина. Его постоянными корреспондентами становятся Н.А. Костров и Н.И. Пежемский.

Имя Спасского представлено в "Москвитянин" этого периода фрагментом из его "Описания сибирских древностей" и публикацией интереснейших документов Иркутского архива - письма "арапа" Ганнибала от 15 января 1728 г. из Тобольска и письма княгини Дашковой от 16 февраля 1789 г. И.А. Якоби, исправлявшему должность иркутского и колыванского генерал-губернатора. Пафос фрагмента "О двух неисследованных памятниках"; посвященного описанию Монгольской крепости при речке Иркуте и надписям на утесах на берегах реки Теси, определяется мыслью об уникальности сибирских древностей, которые, по словам Спасского, "важны почти столь же, как древности Рима и Греции". В этом плане органичным продолжением данного утверждения является публикация самим Спасским названных архивных материалов. Эти письма, интересные сами по себе, привлекают и комментариями, которыми снабдил их Спасский. В частности, публикацией письма пушкинского предка он, как видно из комментария, стремится уточнить самого Пушкина в толковании им "некоторых моментов истории их семейства".

Особого разговора заслуживает опубликованный в "Москвитянин" очерк Н.С. Щукина "Забайкальская область" (1852, № 14). Очерк, как и многие другие работы Щукина, посвященные Сибири, носит программно-обзорный краеведческий характер. В нем - разнообразные материалы, отражающие стремление к предельной точности описания. Вместе с тем названный очерк Щукина отличается от его ранних сибирских публикаций более пристальным вниманием автора к жителям Сибири, чем очерк Щукина вообще выделяется на фоне москвитянинских публикаций о Сибири. Пытаясь осмыслить коллективное сознание сибиряков, Щукин приходит к выводу, что оно явно неоднородно. Так рушится еще один традиционный и далекий от истины образ сибиряка. Автор очерка видит различия между жителями Восточной и Западной Сибири; он разделяет сознание сибиряка-инородца и сибиряка-русского, а последних, в свою очередь, рассматривает тоже как спектр нравственно-психологических, культурных, бытовых и т.д. особенностей старожилов и переселенцев. Наконец, особое место занимает в этой иерархии сознание сибирских каторжников и сибирских старообрядцев. Не останавливаясь на авторских характеристиках "разновидностей" сибирского сознания, подчеркнем главное: сибирское сознание всегда оценивается Щукиным и с точки зрения его региональных особенностей, и с

точки зрения общерусского национального типа сознания, когда прежде всего выделяются приметы, выражающие стихии русского народного духа (для Щукина это - вера в Бога, близость к земле, широта натуры). Так прокладывается путь к диалектике общенационального и регионального понимания Сибири.

В этом же направлении идут и другие сибирские корреспонденты "Москвитянина". Так, свою роль в самоутверждении сибирской культуры и вместе с тем в ее развитии, мыслящемся только в опоре на общерусский культурный прогресс, сыграли многочисленные публикации Н.А. Кострова и П.И. Пежемского, с именами которых связано появление в "Москвитянине" даже специального раздела "Сибирская хроника". Интересны и попытки создания этими авторами собственно художественной прозы. Они экспериментируют главным образом в области жанра повести. В таких публикациях Кострова, как "Заметки о бассейне реки Уса" (1852, № 20), "Сохатый" (1853, № 10) и др., совершенно очевидны, например, сюжетная организация повествования, ориентация не столько на объективно-документальное описание, что больше отвечало бы названиям публикаций, сколько на создание характеров, среди которых, впрочем, наиболее выписанным оказывается образ повествователя. Подобными поисками характеризуются и некоторые другие москвитянинские статьи о Сибири - "Письмо из Иркутска" (подписано: Ил. Сельский) (1855, № 1), "Бабинов - вожь Сибирской дороги" (автор неизвестен) (1855, № 11), что может свидетельствовать об определенной тенденции развития сибирской прозы 1850-х гг.

Наконец, "Москвитянин" последнего периода интересен своими критическими заметками о региональной, в том числе о сибирской литературе. Не делая их специального обзора, отметим, что общими главными требованиями, предъявляемыми критиками к подобного рода литературе, являлись, во-первых, "добросовестность", что было свойственно региональной критике с самого ее зарождения, и, во-вторых, "занимательность", другими словами, художественность, что начинает учитываться как критерий качества сибирской литературы в 40-50-е гг.⁷ Не случайно критические замечания теперь вызывают, как правило, не только неточности, незнание материала, но и формы его подачи, прежде всего тяжеловесный неразвитый слог.

Таким образом, пристальное внимание "Москвитянина" к Сибири очевидно. Оно вытекало и из собственных славянофильских устремлений журнала, и из тенденции общерусского культурного процесса, объективно двигавшегося к диалогу столичной

и провинциальной культур. Столь же очевидна и плодотворна роль "Москвитянина" в развитии сибирской культуры и литературы, его роль как органического этапа воздействия русской культуры на формирование культуры сибирской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983. С.221.

² "... Имея усердных корреспондентов во всех главных городах русских, я буду издавать учено-литературный журнал. Я надеюсь доставлять публике скорые и верные известия о важнейших явлениях в жизни литературной, ученой, художественной и гражданской во всех частях России и в главных государствах Европейских, распространять полезные сведения и понятия и тем содействовать по мере сил своих великому делу отечественного просвещения" (Московские ведомости. 1840. № 90).

³ Н.П. Барсуков, автор известного многотомного труда о М.П. Погодине, утверждает, в частности: "Отделу "Материалов для истории России" Погодин отвел в "Москвитянине" почетное место, и в этом отношении он явился родоначальником "Русского Архива" и "Русской Старины" (Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб б., 1893. Т. 6. С.123).

⁴ См. об этом в переписке М.П. Погодина с М.А. Корфом, а также в указ. соч. Н.П. Барсукова (Т. 9. С. 171-173).

⁵ Например, описание Г.Е. Щуровским Колывано-Воскресенских заводов выстраивается следующим образом: читателю сообщается история Чудских курганов - при этом автор опирается на историческую литературу, начиная с Геродота и кончая современными учеными-сибироведами. Далее даются сведения о семье Демидовых, положивших начало Колывано-Воскресенской заводской промышленности. После этого идут подробные справки об отдельных золотых промыслах, которые автору довелось посетить. См.: Щуровский Г.Е. Исторические и статистические сведения о Колывано-Воскресенских заводах: (Отрывок из "Геологического путешествия по Алтаю") //Москвитянин. 1845. № 4, С.74-96; "Обозрение казенных золотых промыслов Западной Сибири: (Отрывок из "Геологического путешествия по Алтаю") //Москвитянин. 1846. № 5.С. 100-133.

⁶ Показательно, например, описание лунной ночи из "Геологического путешествия" Г.Е. Щуровского: "Светлая лунная ночь и совершенно безоблачное небо обещали покойный ночлег. Как великолепно такая ночь посреди диких гор и на бере-

гу широкой объемистой реки ... В шести, семи местах зажжены костры ... вместе с луною они ярко освещают наш бивак ..." (1846. № 5. С. 108). И далее: "Какое величественное и грозное зрелище! Левый берег весь одет мрачным пихтовым лесом, исключая самые подошвы, заваленные огромными гранитными глыбами. Трудно решить издали, принадлежат ли они левому берегу или составляют отломки правого. Правый берег - это хаос разрушения ... Как будто еще недавно внутренняя сила взбросила его на воздух ... С трудом можешь отвести взоры от этой внизу кипящей пены, этих седых валов, в беспорядке скачущих и перегоняющих друг друга, в то же время боишься оступиться с лошадью в какую-нибудь бездну ..." (Там же. С. 114-113). Если первый фрагмент строится, как картина всеобщей гармонии, покоя, красоты, то второй вполне соответствует романтической поэтике контрастов.

⁷ См. об этом: Янушкевич А.С. Особенности сибирской краеведческой критики 1810-1830-х гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989. С. 21-34.

СИБИРЬ В РЕЦЕНЗИИ Ф.В.ВОЛХОВСКОГО

Одним из ярких периодов в культурной жизни Томска прошлого века были 80-е гг. Вокруг либеральной "Сибирской газеты", выпуск которой был осуществлен П.И. Макушиным, объединилась большая группа талантливых поэтов, прозаиков, публицистов радикально-народнического направления: С.А. Жебунов, Д.А. Клеменц, Г.А. Мачтет, И.Ф. Федоров (И. Омуревский), С. Шулеп (Ф. Безрукий) и либерально-областнического направления: А.В. Адрианов, А. Ефимов, В. Крутовский, Ф. Филимонов, Н.М. Ядринцев. К изданию газеты были привлечены также писатели со всероссийской славой: В.Г. Короленко, Н.И. Наумов, К.М. Станюкович.

Самым деятельным ее сотрудником, фактически негласным редактором был Феликс Вадимович Волховский. Его биография полна любопытных фактов, связанных с революционным движением России, развитием свободной печати. Уроженец Украины (3.08.1846 г.), дворянин по происхождению, он, еще будучи студентом Московского университета, во второй половине 60-х гг. XIX в. примкнул к революционно-народническому движению, стал одним из известных его участников. Немалой его популярности способствовала также слава поэта-гражданина. Многие стихи Волховского стали революционными песнями.

За свою деятельность Ф. Волховский четыре раза подвергался арестам и тюремным заключениям. Около четырех лет провел в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения, где совершенно поседел и частично потерял слух. Последний раз он был судим по процессу "193-х" в 1877 г. и приговорен к лишению всех прав и вечной ссылке в Сибирь. В Томск Волховский переехал из уездного городка Тюкалинска Тобольской губернии в 1882 г.

Одной из первых ролей, за которую взялся Волховский по приходу в "Сибирскую газету", была роль театрального обозревателя и критика. В автобиографии, представленной в Комитет общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, Волховский отмечает, что в "Сибирской газете" он "стал последовательно ее театральным рецензентом, фельетонистом, и наконец, принял участие во всех литературных и редакционных работах по изданию, отдавая ей все свободное время".

Непросто перечислить все амплуа, в которых выступал Ф.В. Волховский. С его зачислением в состав редакции заурядная провинциальная газета умеренно-либерального направления приобрела "лица необщее выраженье", стала газетой, известной во всей Сибири. Как вспоминал один из ее сотрудников С. Жебунов, "все обиженные, униженные и оскорбленные тайком, крадучись приходили к нам с жалобами, фактами, обличительными документами"².

Ко времени вхождения Ф. Волховского в состав редакции "Сибирской газеты" уже сложились его гражданские и нравственно-эстетические идеалы, связанные с осуждением социальных пороков и пробуждением самосознания у народа, воспеванием духовного подвижничества и гражданского подвига. Сам Волховский воплощал в своем облике черты своего нравственного идеала. Именно его особо выделил среди своих томских знакомых американский литератор и путешественник Дж. Кеннан, считая самым симпатичным среди всех томских ссыльных. "В мое время, - пишет Дж. Кеннан, - это был человек 30 лет (Кеннан ошибся: Волховскому тогда было около 40 лет), очень образованный, с благородным сердцем и высоко нравственными стремлениями. Он прекрасно знал английский язык, был близко знаком с английской историей и литературой и перевел на русский язык многие поэмы Лонгфелло... Он был одним из самых лучших и привлекательных людей, каких мне выпало счастье узнать"³.

Несмотря на вынужденное поселение в Сибири, Ф. Волховский суровый край изгнания не воспринял как совершенно ему чуждый, никогда не ощущал себя в нем изгоем. Адаптироваться Волховскому к новым обстоятельствам, обрести вторую родину помогла его гражданская позиция. Смысл своей жизни он видел в бескорыстном служении народу, нравственному, духовному и экономическому прогрессу, пробуждении в обществе дремлющей совести, защите достоинств и прав человека.

Эта тема прошла через все сибирское творчество и общественную деятельность Феликса Вадимовича. В первую очередь это касается сказок Волховского (Ивана Брута) с ярко выраженной политической и сатирико-дидактической направленностью. В этом плане очень показательна сказка "С Новым годом!", типологически восходящая к традициям радищевского "Путешествия из Петербурга в Москву"⁴. В ней автор создал поэтически-обобщенный образ полюбившейся ему Сибири, богатейшей по своим ресурсам земли, которые предстоит осваивать. Она появляется перед читателем в образе величественной, необыкновен-

ной красоты женщины, якобы встретившейся в канун Нового года рассказчику.

"Черты ее лица были суровы, но в глазах светилась безграничная доброта. На ней была горностаева шуба, подбитая соболем, но когда я, - пишет Волховский, - всматривался в эту богатую одежду, горностай представлялся мне по временам просто снежным пологом, на котором были раскинута села и города, казавшиеся за дальностию расстояния черными пятнами. Подол ее платья был спереди и сбоку окаймлен обшивкой цвета морской волны; роскошные гигантские ленты опоясывали ее и, словно гигантские реки, сбегали волнистыми пологими вниз. Голову ее венчала прелестная диадема, походившая очертаниями на профиль Алтая, посредине которой переливался всеми цветами радуги громадный овал, словно большое озеро. Ожерелье из всех горных пород Урала украшало ее шею..."⁵

В Сибири автор видит не только богатый край, но и страну, в которой нет национальной вражды, которая стала матерью для представителей разных народов. "Полосой своей богатой шубы она с равной любовью старалась укрыть и русского мужика, и купца, и переселенца-малоросса или поляка, и дикого тунгуса, и жалкого самоеда, остяка или якута"⁶.

Сказка Волховского полна аллюзий и намеков. Свою красавицу-Сибирь он не видит счастливой, безмятежной женщиной. Ее окружают "толпы жадных грабителей, отмеченных бесстыдством и надменностью". Они разговаривают ее богатства, принося ей физическую боль и страдания, стремясь не допустить света из ее глаз, "закрывать ей рот, чтобы не могла кричать".

Истинными защитниками Сибири и ее народа в сказке представлены революционеры-народники, люди "твердых убеждений", готовые пролить за правду последнюю каплю крови.

Тематически как бы продолжает эту сказку вторая сказка писателя, подписанная псевдонимом Фома. В ней автор повествует о том, как он в канун Нового года в компании чиновников Томска предлагает тост за "родную Сибирь", за что был всеми осмеян. "Кому нужна эта Сибирь? - рассуждает он, оскорбленный насмешками городских чиновников и их жен. - Эта многострадальная, безграничная страна. Кто о ней думает, кто ее любит?"⁸ Чувства автора сказки подвергаются своеобразной проверке. К нему является фея Сибири, напоминающая чем-то светлую красавицу из IV сна Веры Павловны (роман Н.Г. Чернышевского "Что делать?"), предлагая выбрать город или страну, где бы он хотел жить и был бы по-настоящему счастлив. Перед ним пооче-

редно являются страна вечного лета и беззаботной жизни, величественный город, где "бьется сердце человечества" (Париж), заморская страна золотого тельца. В последнем видении является страна безбрежных лесов, "широкого могучего приволья" с несметными богатствами. В ней он узнает свою Сибирь.

Весьма примечателен диалог автора - героя сказки с феей, в котором Волховский пытается объяснить причину нищеты народов богатейшего края. Он спрашивает фею, отчего так бедно живут люди в Сибири? Фея, точно плача, ответила: "Оттого, что дети ее, родные дети, прозревшие, живые, сильные, не несут ей жизни и света, а бегут от нее туда, где кипит широкая, шумная жизнь, где вечно плещет южное море и царит вечная весна".

Сказка заканчивается взволнованным авторским монологом, выражающим лучшие чувства Волховского к Сибири: "Я все понял. Странную болью, жгучим стыдом облилось мое сердце. Ведь я вправду собирался бежать, забыл ее, мою бедную, темную родину, которой так нужны жизнь и свет... Бежать от родины, вскормившей тебя, поставившей на ноги, от родины, которой так нужны твои силы, да ведь это измена!"⁹

Свои заветные мысли и чувства по отношению к новой родине Волховский старался подтвердить конкретной деятельностью в качестве сотрудника "Сибирской газеты". Продолжая лучшие традиции сатирических журналов 60-х гг. - "Искры", "Гудка", "Свистка", умело используя комедийно-сатирические образы и приемы Гоголя и Салтыкова-Щедрина, Волховский гневно обличал тупость и глупость обывателя, произвол городских чиновников, погрязших во взятках, казнокрадстве, лжи и обмане. В связи с цензурными гонениями ему все время приходилось говорить со своим читателем эзоповым языком, изощряться в придумывании новых жанров и приемов. Главную свою задачу журналиста, писателя он видел в защите "униженных и оскорбленных" жителей Сибири, в духовном просвещении ее народа, в воспитании в нем высоких гражданских и патриотических чувств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ямпольский И.Г. К биографии Ф.В. Волховского //Русская мысль и народничество. Ученые записки ЛГУ. № 349. Серия филолог. наук. Вып.74. 1971. С. 187.

² Жебунов С. Отрывки из воспоминаний //Былое. 1907. Май. С. 268.

³ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: В 2 ч. СПб., 1906. С. 44.

⁴ Сибирская газета. 1883. № 1.

⁵ Там же. С. 20-21.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Сибирская газета. 1883. № 6.

⁹ Там же.

СИБИРЬ И ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА

Поездка на Сахалин является едва ли не самым загадочным моментом в биографии Чехова. Недостаточно понятными остаются как ее причины, так и результаты. Предвидя это, Чехов не раз обстоятельно излагал мотивы, побуждающие его к этому рискованному путешествию, среди них встречается и непосредственно относящийся к проблеме фронта: "После Австралии в прошлом и Кайены Сахалин - это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников ...". Тема освоения пока пустующих земель неоднократно проскальзывает в его путевых письмах: "... Все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре"; "жизнь тут кипит такая, о какой Европа и понятия не имеет. Она ... напоминает мне рассказы из американской жизни" (П 4, 126-128). В книге "Остров Сахалин" анализируются социально-экономическое состояние края и возможности его улучшения. Книга вызвала общероссийский резонанс и несомненно внесла весомый вклад в развитие русского Дальнего Востока.

Однако ни проблема колонизации, ни вообще проблемы социальные основные для Чехова не являлись. Точнее было бы сказать, что он искал общезначимое обоснование для своих внутренних побуждений.

Существует устойчивое мнение о плавности, бескризисности творческого развития Чехова². Между тем во второй половине 80-х гг. он переживал подлинный кризис, касающийся самих основ его жизненного самоопределения. Глубокая неудовлетворенность, казалось бы, несомненными успехами окрашивает его письма в этот период. Тяжелейшим потрясением явилась смерть брата Николая. Серьезное ощущение жизненного рубежа прорывается в оброненной шутилой фразе: "В январе мне стукнет 30 лет ... Здравствуй, одинокая старость, догорай, бесполезная жизнь!" (П 3, 300). Главное же - о мучительных сомнениях и исканиях свидетельствуют произведения, созданные в это время.

Суть переживаемого Чеховым кризиса позволяет понять анализ пространственной организации в его творчестве.

В ранний период (до середины 80-х гг.) произведения Чехова в основном тяготеют к жанру комической сценки. И комический

характер, и локальность сюжетов наглядно выражают самосознание их автора. Молодой провинциал, силой таланта прижившийся в центральной прессе, полон уверенности в себе и, неосознанно принимая свое миропонимание за незыблемый критерий, освещает не совпадающих с ним персонажей отчужденно-комически. Смысл рассказов сводится к их демонстрации, для которой достаточно минимальной сценической площадки. Даже если сюжет получает какую-то протяженность, она не содержит развития, поступательного движения, а воспроизводит одну и ту же ситуацию ("Perpetuum mobile").

С середины 80-х гг. становятся очевидны процессы, разрушающие цельность позиции Чехова. Одобрительные отзывы Суворина и Григоровича укрепили его веру в себя, но внушили и новое сознание ответственности и серьезности его писательского участия в жизни. Сюжеты рассказов делаются объемнее и динамичнее: Чехов все смелее захватывает новые сферы действительности. Симптоматично появление целого ряда рассказов, фабула которых связана с дорогой ("Мечты", "На пути", "Встреча", "Перекасти-поле", "Почта", "Холодная кровь" и др.). Это свидетельствует о потребности писателя дать более широкие и объективные картины, расширить границы своей позиции. Но характерно, что даже "дорожные" сюжеты не содержат в этот период подлинного движения. В них по-прежнему преобладает статика, которая задается с первой же сцены, позволяющей подробно разглядеть персонажей - или вовсе неподвижных ("На пути", "Холодная кровь") или совершающих крайне замедленное движение, являющееся как бы растянутым состоянием ("Мечты").

Кроме того, "дорожные" рассказы обнаруживают тенденцию к кольцевому построению, исключая поступательность сюжетного действия, то есть сохраняется точечная концепция пространства, хотя и получающего теперь больший объем. Это хорошо видно в рассказах "Темнота", "Холодная кровь", "Встреча".

И даже если сюжеты не имеют явной циклической ограниченности, им все равно присуща пространственная замкнутость. Это демонстрируют рассказы "На пути" и "Перекасти-поле". Так, герой "На пути" Лихарев показан во время остановки, с явным преобладанием статики в изображении, в тесных пределах трактирной комнаты, из которой он выходит в финале, чтобы проводить Иловайскую, и там опять застывает в полной неподвижности. Его странствия, о которых он рассказывает, не имеют единства и целенаправленности ("шатаюсь по Руси", "таскался по Архангельским и Тобольским губерниям", "в моих скитаниях"); это хаоти-

ческое движение перекликается с кружением метели, составляющим пространственный фон рассказа. А перспектива, открывающаяся Лихареву (скудные шахты, "голая степь"), "это могила для живого человека" (5, 476). Пространство в рассказе становится трагической метафорой жизни героя: бессмысленные блуждания, заводящие в глухой тупик смерти. Смерть как единственный и абсолютный критерий, обесценивающий все жизненные движения героев, все отчетливее вырисовывается в творчестве Чехова к концу 80-х гг. Жизнь, понимаемая как абсурд, не выстраивается в "путь": герой рассказа "На пути" в действительности лишен пути.

В целом герои рассказов отчуждены от пространства - безразличием, враждебностью, страхом, глупостью и т.д. Это служит выражением начавшейся напряженной внутренней работы писателя, который именно теперь столкнулся с фундаментальной философской проблемой - проблемой смысла жизни.

Эту внутреннюю работу активизировала поездка в родной Таганрог летом 1837 г., которая показала Чехову, как неизмеримо вырос он над уровнем своего жизненного старта, и убедила его в огромности потенциала человеческой личности. Проблема смысла жизни встала перед ним в соответствующем аспекте: к чему приложить этот потенциал? Тема не востребованности, напрасности человеческих сил (о Таганроге и его жителях: "... Все это пропадает даром" (П 2, 54) становится для Чехова ведущей.

Может быть, единственный раз в жизни он написал: "Я переживаю кризис" (П 2, 187) именно в связи с повестью "Степь", на которую возлагал особые надежды как на начало качественного поворота в творчестве. Повесть полно обнаруживала результат тех процессов, которые накапливались с середины 80-х гг., и широко разворачивала волновавшую Чехова философскую проблематику, не находившую ответа. В знаменитом письме Григоровичу по поводу "Степи" от 5 февраля 1888 г. он сформулировал суть конфликта, организующего не только эту повесть, но и творчество всего этого периода. В самом общем виде он сводится к оппозиции "человек и природа"; дальнейшее разъяснение показывает, что речь идет скорее о человеке и мире - о соотношении внутреннего богатства и динамики личности и статичного, инертного и равнодушного мира. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой - необъятная равнина, суровый климат, серый,

суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч." (II 2, 290). В этой характеристике "человека" узнается сам Чехов, и конфликт, который он излагает, демонстрирует ту философскую ситуацию, которую он переживает. Характерно, что он прибегает здесь к пространственным образам ("мечты о широкой, как степь, деятельности", "широкий полет мысли" - "необъятная равнина"), которые концентрируются в резюме: "В Западной Европе люди погибают от того, что жить тесно и душно, у нас же от того, что жить просторно ... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться ..." (II 2, 190).

Сформулированный таким образом конфликт оказывается сложным и философски содержательным. Противопоставляются не две величины - большая и малая, а две непримиримые системы с различным соотношением большого и малого. В системе материальной действительности "маленькому человечку" противостоит "необъятная равнина"; в системе идеального именно человеку присущи "мечты" и "мысли", тогда как мир без человека примитивен и бездушен.

Здесь видно и метафорическое зерно сюжета повести, который строится именно на двух планах образа степи: идеально широкого, вольного, прекрасного - и реально чуждого, несоразмерного человеку. Особенно ярко это проявляется в пассаже о древней дороге, требующей сказочных гигантов: "И как бы эти Фигуры были к лицу степи и дороге, если бы они существовали" (7, 48). Степь разворачивается в метафору жизни, в которой резко и непримиримо расходятся идеально возможное и реально осуществляемое. В повести нет персонажей, соразмерных огромности степи, каждый из них объемлет лишь кусочек ее метафорического пространства, не случайно сюжетно доминирующим остается безвекторное, бессмысленное "кружение", выражающее смятение человека перед непостижимым миром. Сам Егорушка, несомненно близкий автору, не находится в привилегированном положении. Наделенный детски ясным (родственным художническому) восприятием мира, он по-детски же беспомощен и неспособен в нем разобраться, оказываясь и наиболее открытым для восхищения перед ним, и беззащитным, уязвимым. Немаловажно, что дальнейшая судьба Егорушки мыслилась Чеховым как трагический тупик - "история самоубийства 17-летнего мальчика" (II 2, 190).

Трагичность сюжета "Степи" заключается в разделенности че-

ловека как носителя духовного начала - и мира. Разнообразные личные позиции людей равно неадекватны миру, независимо от их качества, не охватывают и не постигают его; он безразличен и глух к любым усилиям человеческого сознания. Красноречив символически насыщенный образ неба с его непонятной далью", "необъятной глубиной и безграничностью": "Оно страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова" (7, 46). В "Стени" и вообще в этот период Чехову близко тургеневское представление о трагическом разладе между вечным и "равнодушным" миром и бьющейся в нем и неизбежно разбивающейся кратковременной жизнью человека. Время оказывается принадлежностью человека, соответствуя его изменению, движению его жизни. Мир же тяготеет к статической категории вечности. Пространство в произведениях Чехова на данном этапе чуждо человеку (не только героям, но и самому автору), а потому не "хронотопично" в полном смысле слова.

Эту трагическую суть повести ощутила неизвестная корреспондентка: "Что-то особенное поражает меня в ней: в каждой строчке сквозит какая-то тихая, сдержанная грусть и страстное желание искать чего-то ... Как будто Вы несчастливы" (7, 635-636). Это же уловил Михайловский, указавший на непростительную, с его точки зрения, бесцельность творчества Чехова: "Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем ..." (7, 634). Характерно, что критик безотчетно использовал пространственный образ как наиболее выражающий суть чеховского творчества. Он перекликается с собственными словами Чехова из письма этого же года по поводу начатой "Дуэли": "Мой мозг машет крыльями, а куда лететь - не знаю" (П 3, 78).

Ощущение кризиса обострила Пушкинская премия, подчеркнувшая для Чехова разрыв в его творческой жизни между идеальным и воплощенным: "Если говорить по совести, то я еще не начинал своей литературной деятельности, хотя и получил премию. ... Все, что я писал до сих пор, ерунда в сравнении с тем, что я хотел бы написать ... Мне кажется, что я ... обманываю своими произведениями, как обманываю своим серьезным или веселым не в меру лицом" (П 3, 47). Острое переживание своей жизненной ситуации органично соединяется с все более напряженным осмыслением широких философских вопросов. В творчестве до конца 80-х гг. такие вопросы прямо формулируются ("вздумал пофилософствовать" (П 2, 49) - прежде всего в "Огнях", где спор о пессимизме является сюжетным стержнем.

На первый взгляд Чехов обращается к основной традиции русской литературы, привыкшей открыто говорить свое слово в спорах вокруг значительных и больших проблем и указывать пути их решения. Но даже здесь он не дает ожидаемого решения, делая вместо него не удовлетворивший современников вывод: "...Ничего не поймешь на этом свете!" (7, 140), который он горячо отстаивает и в письмах по поводу "Огней". Чем полнее формулирует Чехов вопросы, тем с большей очевидностью убеждается в невозможности дать единственно правильные ответы. Решение, к которому приходит тот или иной герой, неизменно оказывается относительным и спорным; устойчивая повторяемость этой сюжетной ситуации свидетельствует о ее близости самому автору. Утверждения Чехова в письме Григоровичу от 9 октября 1888 г.: "Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня еще нет; я меняю его ежемесячно..." (II 3,17) - очень похоже на правду. Можно только уточнить, что нет "мировоззрения" в привычных формах идей и кодексов, формулирующих истину; сам же поиск истины "мировоззрением" считать было не принято.

Сила, лишаящая героев возможности найти четкие ответы и выстроить согласно им свое жизненное поведение, в рассказах этой поры выглядит двояко: это смерть, обесмысливающая все, что ни делается человеком (особенно явно это в рассказах-притчах - "Сапожник и нечистая сила" и "Пари"); и безграничное пространство (море, небо, степь), перед лицом которой человек со своими исканиями оказывается ничтожно мал. Эти силы, по сути, синонимичны.

Давящее воздействие пространства проявляется, например, в "Припадке", где Васильев страдает от своего бессилия перед глобальностью зла ("А куда девать 100 тысяч лондонских? Куда девать гамбургских?" (7, 16). Особенно значим пространственный фактор в сюжете "Огней". Изображение пространства в рассказе характеризуется чертами, которые появляются в начале кризисного периода. Пространство, открывающееся человеку, непостижимо, непроницаемо для него: степь со строящейся железной дорогой в начале рассказа - "ералаш", подобный "хаосу"; пустынное и бесконечное море и такое же небо в истории Ананьева и Кисочки. Между пространством, воплощающим вечность, и живущим во времени человеком лежит граница. Мир, закрытый для человека, порождает, по словам Ананьева, "ощущение страшного одиночества, когда вам кажется, что во всей вселенной, темной и бесформенной, существуете только вы один" (7,

125). В "темном и бесформенном" мире человек движется вслепую, блуждая и кружа: в начале рассказа заблудился, "кружась около линии" (7, 108), рассказчик; в конце кружит мужик, везущий на стройку котлы. Пространство, не увязанное с жизнью человека, представляется дискретным и безразличным: "Был я в Петербурге, теперь здесь в бараке, отсюда осенью уеду опять в Петербург, потом весной опять сюда ... Какой из всего этого выйдет толк, я не знаю, да и никто не знает ..." (7, 110); "...я ... знал, что по существу и результатам каторжная жизнь на острове Сахалине ничем не отличается от жизни в Ницце ..." (7, 114). О неразрешимости спора двух героев свидетельствует то, что в финале для уезжающего рассказчика пространство остается чужим и непонятным ("бесконечная, угрюмая равнина и пасмурное, холодное небо", "выжженная солнцем равнина, громадное небо ... туманная даль..." (7, 140). Автор уклонился от "ответа", показав лишь обреченность каждого человека на его поиски. Наиболее объективный пространственный каркас сюжета, являющийся его исходным "онтологическим" образом, моделью авторской картины мира, - степь со строящейся в ней дорогой - выражает больше потребность Чехова в протраивании бытия единым смыслом, чем уверенность в осуществимости этого.

По видимости противоположной, а по сути аналогичной является пространственная система сюжета в "Скудной истории". Если герои "Огней" спорят о самом наличии смысла жизни перед лицом бесконечного пространства, то Николай Степанович замкнут в своей квартире, на даче, в номере харьковской гостиницы, даже в дороге: "Мое превосходительство ведут на улицу, сажает на извозчика и везут. ... Еду лесом и опять полем. Ничего интересного" (7, 291-292). Но место, которое он занимает в мире, соответствует той же философской концепции, трагическую тупиковость, которой переживал Чехов в конце 80-х гг.: закрытости мира для человека. Отчуждение Николая Степановича от пространства отражает предельную степень безнадежности в его рефлексии, отказ от обреченных попыток изменить положение. Его капитуляция перед надвигающейся, смертью тоже имеет пространственное выражение: "Я побежден. Если так, то нечего же продолжать еще думать, нечего разговаривать. Буду сидеть и молча ждать, что будет" (7, 307).

Чехов приводит своего героя к ситуации, которую совсем скоро изобразит Метерлинк в своем "театре смерти" (он же "статический театр", "театр молчания", "театр ожидания" и т.д.), где человеческая воля и активность парализуются и устраняются

абсолютной властью Смерти. При этом Чехов, как и в "Степи", подчеркивает соответствующий трагической коллизии между человеком и миром другой, исходный трагический разрыв - между материальным и идеальным в человеке и в мире: громкое имя Николая Степановича ведет свою красивую и широкую жизнь, и в то время, как он сам, готовясь к физической смерти, все больше сжимается на убогом пятачке предельно чуждого пространства ("Сию я в чужом городе, на чужой кровати..." (7, 305), оно, не зная границ, входит в число духовных ценностей человечества. Материальное, физическое - и идеальное, духовное живут по разным законам, и "общая идея", отсутствие которой так болезненно ощущает в конце жизни Николай Степанович, - это то недостающее звено, которое необходимо для восстановления связи двух разрозненных сфер бытия. Нахождение этого "абсолюта" в сознании Чехова соотносится пока лишь со смертью.

"Скучная история" стала наиболее полным художественным высказыванием Чехова о своем мировоззренческом кризисе. Принятое после ее создания решение о поездке на Сахалин явилось попыткой разомкнуть тупиковую философскую ситуацию. И эта попытка оказалась успешной.

Успех бил обеспечен настоящим стремлением Чехова к выходу из трагического тупика. Как отметил В.Б. Катаев, "сама многократность появления героев, бьющихся над "вопросом", говорит об уверенности писателя в неизбежности и всеобщности таких попыток" - и, добавим, о жизненной важности этих попыток для Чехова³. Стремление человека к постижению смысла жизни было осознано им как закономерность человеческой природы. Требовалось уяснить, как она соотносится с миром в целом. Естественнонаучные воззрения Чехова, в которых он никогда не поколебался, давали ему представление о стройности, закономерности, гармоничности материального мира. Находится ли человек в трагическом положении "мыслящего тростника" или является неотъемлемым элементом целого, мировой гармонии? Вопрос стоял о соотношении человека и мира, и в поисках выхода Чехов предпринял отважный бросок в этот мир. Реальное пространство путешествия стало как бы экспериментальным философским пространством, временным выпадением из нормальных жизненных координат. Не случайны в письмах, пусть полшутливые, слова о полном отрыве от всей привычной жизни, о посещении ада и рая.

В ходе путешествия по этому почти незнакомому культуре огромному краю Чехов постепенно преодолевал свое отчуждение⁴.

Позиция туриста-созерцателя оказалась просто невозможной. Он был вовлечен в еще не испытанные физические, материальные трудности - и само их переживание дало ему широчайший спектр эмоций, вызвало небывалое ощущение полноты бытия: "Право, столько видел я богатства и столько получил наслаждения, что и помереть теперь не страшно" (II 4, 127).

Поездка коренным образом изменила мировосприятие Чехова. После возвращения он не раз писал о том, что теперь иначе смотрит на жизнь: "До поездки "Крейцера соната" была для меня событием, а теперь смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел - черт меня знает" (II 4, 147).

Философски значимыми итогами путешествия представляется следующее. Мир предстал Чехову в огромности и разнообразии, далеко превосходящих его прежние представления; но не оказался чужим и враждебным: Чехов неоднократно отмечает сходство увиденного и разительно нового с уже известным и любимым: "Днем скачешь по Кавказу, ночью по Донской степи, а утром ... Полтавская губерния - и так всю тысячу верст" (II 4, 117). При этом необходимым частью мира является человек, который оживляет пространство: "Берега у Шилки красивые, точно декорация, но увы! чувствуется что-то гнетущее от этого сплошного безлюдья. Точно клетка без птицы" (II 4, 120). Мир спускается в человеке, как в некой незаменимой инстанции, дающей ему смысл, соединяющей в своем переживании его "прозу" и "поэзию", его материальное и идеальное начала. Человек как бы достраивает собой мир, органично входя в него.

Путешествие на Сахалин стало мощным импульсом к выработке самостоятельной философской позиции Чехова. Он "на практике" испытал возможность того, к чему раньше стремился умоглядно, говоря, например, по поводу романа Бурже "Ученик" о недопустимости противопоставления материализма и идеализма. Новая позиция Чехова стала органичным этапом развития его прежних воззрений, но, что нельзя переоценить, внесла в них недостающее положительное, утверждающее начало. Известный тезис об "абсолютной свободе человека" (II 3, 186) давал представление об идеале только "от противного", теперь же появились позитивные критерии. На протяжении 90-х гг. он развертывает в своем творчестве небывалую философскую систему, суть которой в отказе от завершенности взгляда на мир и, напротив, в постоянном развитии его, в постоянном диалоге. Не создание человека как утрата личности, "я", а подвижность, проницаемость границы, на которой непрерывно, процессуально

осуществляется смысл жизни. "Фронтир" становится как бы сущностной метафорой философии Чехова.

Такая позиция по сути снимает вопрос о религиозности Чехова, устраняя смущающее многих чеховедов противоречие: противоречие между неуклонным отмежеванием его от религии - и удивительной одухотворенностью его творчества, источник которой связывается только с религией⁵.

Новая философская позиция получила в зрелом творчестве Чехова соответствующее пространственное выражение. Отныне в его художественной системе ценностей наличие "хронотопичности" или обретение ее становится неотъемлемой "положительной" характеристикой героев (Лаевский, Татарин, Яков Бронза, Гуров, Студент, Архиерей и др.), а неспособность к взаимодействию с миром в его пространственно-временном движении - свидетельством омертвения героя, отчуждающего его от автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1983. Т. 4. С. 32. Далее произведения Чехова цитируются по этому изданию, в скобках указываются том и страница; для писем перед номером тома ставится буква "П".

² Громов М.П. Чехов. М., 1993. С. 229; Катаев В.Б. Проза Чехова: Проблемы интерпретации. М., 1979. С. 218.

³ Катаев В.Б. Указ. соч. С. 43.

⁴ Разумова Н.Е. Место очерков "Из Сибири" в творчестве А.П. Чехова // От Карамзина до Чехова. Томск. 1992. С. 189-205.

⁵ Зайцев Б.К. Далекое. М., 1991. С. 282.

РУССКАЯ КАТОРГА И СИБИРСКИЙ ФРОНТИР (по материалам произведений Феликса Толля)

Одна из форм освоения и заселения Сибири носила исключительно вынужденный характер - это русская ссылка и каторга. В "Настольном словаре" Феликса Толля, пробывшего в течение семи лет в положении человека фронтира, хотя и невольного, сказано: "Каторжные работы, наказание, коему присуждаются лица, обвиненные в преступлениях, состоящие в тяжелой принудительной работе. В России эти работы разделяются на три разряда: 1) работа в рудниках, 2) работа в крепостях и 3) работа на заводах, преимущественно винокуренных и солеваренных. Каторжные работы обыкновенно соединяются с лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь и продолжаются большее или меньшее число лет, смотря по приговору суда"¹.

Сам Феликс Густав Эммануил Толль был в 1850 г. осужден по делу петрашевцев в каторжные работы на винокуренный Керевский завод Томской губернии, где пробыл 2 года 3 месяца, а затем, благодаря хлопотам Г.С. Багенькова, определен на поселение в село Жарково, позднее в город Томск. Оставленное Толлем публицистическое, художественное и научное наследие (очерки "Два года в К-м заводе", рассказы, "Настольный словарь" в 3 томах, груды по воспитанию детей и образованию) составляют, как и "Записки из Мертвого дома" Достоевского, опубликованные позже очерков Толля, своеобразную художественную летопись русской каторги и сибирской ссылки, увиденной глазами невольного человека фронтира, привезенного в Сибирь и пересекшего границу Европы и Азии закованным в кандалы.

Книга Толля, как и "Записки из Мертвого дома" Достоевского, поразила современников новизной открывшейся жизни и глубиной художественного обобщения. Произведения Толля, как и Достоевского, помимо уникальности самого материала, художественного изображения его, обладают большой научной ценностью как с точки зрения информации, так и глубины исследования и выявления закономерностей в освоении Сибири людьми русского европейского Запада, созданию представления о национальном характере в сибирских условиях.

Опираясь на работы Толля и включая его собственную судьбу в контекст поставленной проблемы, можно выделить три группы

"людей фронта", для которых поселение (ссылка в Сибирь как самостоятельный род наказания) могло превратиться в "последствие ссылки на каторгу, по истечении положенных"². Практически эту классификацию Толль дал в "Необходимом предисловии" к "Очеркам", а в самих очерках продемонстрировал типы на судьбах отдельных героев.

Прежде всего Толль указал на то, что сама каторга, а именно Керевский завод с его удаленностью от губернского города, при отсутствии школы и церкви, при общей промышленной неразвитости Сибири ("в ремесленниках же разного рода в Сибири вообще довольно ощутительный недостаток") способствовала к поощрению рабочих заняться всевозможными ремеслами: "Оттого завод представлял самую разнообразную картину ремесленной деятельности. В нем были тележники, слесаря, плотники, столяры, мельники, экипажные мастера, токари, золотых дел мастера, он же часовщик, наконец, даже портные и сапожники из рабочих"³.

Особенностью сибирской каторги (речь идет о Томской губернии) была и относительная свобода - возможность жить вне острога, что ускоряло процесс поселения каторжан и закрепления их на этой земле: "Но ссыльные, оказавшиеся смирными и хорошего поведения, вскоре по приходе, по усмотрению смотрителя, выпускались из острога, причем им дозволялось строить из казенного леса избы и обзаводиться хозяйством. Многие рабочие приносили с собой с родины деньги, и поэтому устраивались с некоторым сельским комфортом. Голые бедняки, напротив, довольствовались на первое время землянками. За некоторыми рабочими добровольно приходили их жены и дети, другие женились по приходе в завод на ссыльных или окрестных крестьянках, которые не находили ничего предосудительного в том, чтобы выходить замуж за зажиточных ссыльных, отчасти потому, что уже присмотрелись к ним, а отчасти и потому, что деньги все скрашивают". "По выходе из заводов, они (каторжники. - Э.Ж.) приписываются к волостям и носят название *поселенцев*, или, как они сами называют себя, *пропитанных*"⁴. Так Сибирь принимала огромную массу новых обитателей, влияя на них и, в свою очередь, испытывая на себе воздействие новых сил.

Первую группу невольных поселенцев можно определить, по мысли Толля, теми "несчастливыми", которых сибирская глушь, темнота, беззаконие перемалывали, как жернов. Это бесконечные случаи пьянства, разгула. Толль пишет: "Завод не мог почитаться исправительным заведением для ссылаемых в него преступников.

Даже священника, как я уже сказал, в заводе не было; а о школе никто еще и не думал. Пьянство было сильно распространено в заводе, в котором откуп держал поверенного для надзора за тем, чтобы часть выкуриваемого вина не сбывалась на сторону, мимо рук откупа. Но как в заводе не было ни выставки, ни кабака, то смотритель и разрешал рабочим позажиточнее покупать водку ведрами из ближнего кабака и продавать в заводе в розницу. Оттого почти в каждом доме рабочего был кабак. Карты, орлянки и другие игры в деньги также были в большом ходу (...) Вступая впоследствии в крестьянские общины, они вносили в них яд порчи, почерпнутой из завода. Статистика преступлений, совершаемых в Сибири, доказывает, что огромное число этих сыновей и дочерей ссыльно-каторжных и сами идут по дороге своих отцов и матерей⁴. В очерках Толль, как и Достоевский, создает галерею портретов и судеб людей, погубленных в силу жестоких обстоятельств. Такова история "полковницы" Надежды Жемчужиной, попавшей на каторгу из-за невольного участия в убийстве нелюбимого мужа. В Керевске она встречает барона Паскевца, служившего лесничим, который, как и она, был отмечен незаурядной и страстной натурой. Но их разлучили - и Надежда Жемчужина трагически погибла, а лесничий стал жертвой непорядочных томских чиновников.

"Грустное впечатление производил завод на всякого свежего человека" - это авторское признание носит более общий смысл: Сибирь была жестока и беспощадна к характерам неустойчивым, неупорным, к зависимым и бедным.

И вместе с тем, как продолжает Толль, "сколько уроков, сколько великих психологических указаний мог наблюдатель почерпнуть в этом резервуаре общественного зла! Сколько типов могучих, целостных, непочатых натур встречалось ему тут! Как моралист, он мог собрать обильную жатву знаний для нравственной патологии общества. Как художник, он получал в распоряжение целые альбомы образов и событий. Как общественный деятель, он имел под рукою материалы для изучения всех сторон нашего общества"⁶. Стремясь раскрыть в каждом очерке живую душу в так называемом преступнике, Толль дал представление о целом пласте невольных поселенцев, которые своими незаурядными характерами, чувством человеческого достоинства, сохраняемым даже в экстремальных условиях каторги, определяли и закрепляли нравственные основы сибирского духовного климата. Очерк "Жорнов" Толль посвящает плотнику Федору Тихову, внешне менее всего отвечающему своему прозвищу: "Он не ве-

246

лик ростом, не очень плечист, лицо его не выражает ни особенной самоуверенности, ни большой энергии, напротив, на нем написана кротость, доброта, мягкость, уступчивость нрава. Небольшие голубые глаза его почти всегда бывают потуплены. Тихая поступь, мерные телодвижения, исполненные обдуманности. Самая речь никогда не возвышается до тона крика или брани, всегда кроткая, миролюбивая. Человек частный и смиренный. С чего же взяли - дать ему такое прозвище?" Рассказанная Федором история его жизни даст объяснение. Федор попал на каторгу за правое дело: он вступился в своей деревне за интересы мужиков, и за то был наказан. На каторге, а потом на вольном поселении в Керевске, где он обзавелся семьей, Федор остается нравственной опорой для слабых, сильным и справедливым человеком, которого побаиваются начальники и уважают мастера.

Большинство из встреченных на каторге Толлем обзаводилось семьями, оседало на сибирской земле, пополняя слой сибирского населения, отмеченного вольным и сильным характером. Рядом с такими, как Федор Тихов, жизнь не казалась совсем беспросветной. Не случайно в очерках о сильных людях Толль описывает чувство удивления и восторга, которое охватывало душу каторжанина при наступлении весны в этом суровом краю: "Весна коротка, но зато как хороша эта северная красавица! Сколько очарования в этом почти мгновенном пробуждении природы из восьмимесячного оцепенения! Как блистательна здесь победа жизни над смертью!"

Третью группу сибирского населения, осевшего не по своей воле, но группу чрезвычайно важную по активности её воздействия на духовный климат сибирского региона, составляют сосланные по политическим мотивам - из среды русского и польского дворянства и разночинцев. При жизни Толля в Томске сошлись три поколения, сохранявших связь и традиции просветительской мысли и культуры, поддерживающих друг друга, создающих атмосферу духовного общения в среде томичей: это декабрист Г.С. Батеньков, петрашевец Ф. Толль и сосланный на поселенье в Томск за революционную деятельность М.А. Бакунин.

Переписка Толля с Батеньковым, Бакунина с Герценом, наконец, труд, предпринятый Толлем в Томске и развернувшийся в создание фундаментального "Настольного словаря для справок по всем отраслям знаний", свидетельствуют об огромной просветительской деятельности ссыльного петрашевца на ниве сибирского образования.

Интерес Толля к педагогике шел в русле общего подъема нау-

ки о просвещении и образовании. Находясь в далеком от столицы сибирском Томске, Толль в статье "О первоначальном (элементарном) обучении как исходном моменте основательного образования" высказывает идеи, созвучные исканиям ведущих педагогов-ученых России. Статья открывается объяснением целей предпринятой работы, называется главный мотив - тревога за равнодушное общества, школы и науки к "внутреннему человеку": "Рутинная, которой мы беспрекословно вверяемся, поглотит нас, лишив последней тени самоопределения, сгладив самобытные черты нашей нравственной физиономии, убив благородные стремления, возвышенные побуждения наших поступков, сделав из нас одну из безличных личностей, одно из существ безразличных, почти бессознательно, во всяком случае, без малейшего призвания, помогающих вертеться колесам общественной машины"⁷. Это выдержка из статьи, написанной Толлем в Томске в 1855 г. и отправленной в журнал "Русское слово". Здесь важен и гуманистический характер педагогической системы Толля, ориентированного на "естественное образование", на следование развитию "натуры ребенка, а не зубрежки". Не менее значим общий пафос всей просветительской деятельности Толля и ему подобных, связанных с развитием образования и просвещения в Сибири.

Невольные "люди фронта" - Батеньков, Толль, Бакунин - возвращались из Сибири с новым опытом, обогатившим их духовно и навсегда связавшим с суровым краем. По цензурным условиям Толль в "Настольном словаре" не мог написать о своих опальных друзьях, но о Томске и Сибири напоминают статьи, посвященные Аносову, далеким предкам томских жителей Бекмана, Квятковских. Статьи о Сибири снабжены обширной библиографией работ Миллера, Щукина, Небольсина, Шелгунова, Потанина.

Таким образом, Сибирь обживалась, укоренялась как часть России и материально и духовно необычным для других государств способом - ссылкой и каторгой. Процесс этот, как показывают жизнь и творчество одного из ссыльных - Густава Эммануила Феликса Толля, был драматичным, и одновременно он воплотил и выразил важнейшие исторические реалии и закономерности жизни всей России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям

знаний :В 3 т. СПб., 1863. Т. 2. С. 426.

² Там же. Т. 3. С. 179.

³ Толль Ф. Два года в К-м заводе: Сибирские очерки. СПб., 1861. Гл. УШ.

⁴ Там же. Гл. IX, XIV.

⁵ Там же. Гл. XII.

⁶ Там же. Гл. XIII.

⁷ Толль Ф. О первоначальном (элементарном) обучении как исходном моменте основательного образования. Томск. 1855 //Русское слово. 1859. № 7. Отд. III.

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦЫ В СОЗНАНИИ СИБИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ-ОБЛАСТНИКА: НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Н.И. НАУМОВА

Социокультурное движение сибирской интеллигенции второй половины XIX в., получившее название областничества, было сосредоточено на проблемах развития родного сибирского региона и возможностях равноправного существования "периферии" и "центра". В этом контексте закономерно возникает такая проблема, как фактор границы сибирского региона; однако специфика "областнической" позиции обусловила достаточно оригинальную ее интерпретацию.

А именно: "областник" остро осознает себя представителем самобытной сибирской культуры; и в то же время, в силу полученного в российских столицах воспитания и образования, он является носителем идеалов и ценностей "общероссийского" образца - и прежде всего ценностей западнически ориентированной российской интеллигенции второй половины XIX в.; таким образом, своей основной задачей он полагает цивилизаторское развитие Сибири на основе ее социокультурной специфики. Иначе говоря, ключевыми понятиями областничества становятся понятия "периферия" и "центр", "самобытность" и "цивилизация", "развитие", которые находятся в сложных взаимосочетаниях.

В этом контексте закономерно возникает и понятие границы - как в широком, так и в более узком, специальном понятии "фронттира".

На первый взгляд может появиться следующий вопрос: а правомерно ли вообще говорить о наличии такой характерной позиции, как позиция "фронттира", в сознании областника, т.е. человека, отчетливо рефлексирующего свою принадлежность к периферии и тем самым, очевидно, находящегося "по другую сторону" границы, "внутри" нее? Но в том-то и дело, что специфика областничества состоит именно в удержании двух противоположных позиций, обычно конфликтно противостоящих друг другу с "этой" и "той" стороны границы: ценность региональной самобытности и ценность цивилизующего влияния центра; и это при отчетливом понимании конфликтности двух данных систем ценностей, при осознанности самого фактора гра-

ницы между ними прежде всего. Снять этот "пограничный конфликт" своим конкретным социокультурным действием, своим творчеством - вот в чем в конечном счете была жизненная цель областников.

Характерным выражением этой позиции стало творчество писателя-областника Николая Ивановича Наумова (1838-1901). Сибиряк по происхождению, проведенный в Томске детство и юность и последние пятнадцать лет своей жизни, он вошел в историю русской литературы как глубокий знаток сибирской культуры, более того, как родоначальник оригинальной сибирской прозы. И в то же время основной проблемой творчества Наумова всегда оставалась проблема социокультурной изоляции Сибири и ее духовной отсталости. Цивилизаторское развитие края на основе знания его внутренних законов и специфики - эта позиция не казалась Наумову прекрасной, но невыполнимой утопией, она сформировала его реальное жизненное кредо, которому он следовал на протяжении всей своей долгой и достаточно трудной жизни как в своем художественном творчестве, так и в разнообразной социально-политической и культурной деятельности.

Тема фронта вполне закономерно возникает в подобном круге интересов, но наиболее глубокую разработку она получает в творчестве писателя на таком характерном материале, как материал переселенческого движения.

На основании анализа находящегося в Томске архива писателя можно утверждать, что с проблемами переселенцев Наумов столкнулся по роду своей службы в Сибири "чиновником по крестьянским делам", и в результате этого у него скопился огромный конкретный "переселенческий" материал, который сначала оформляется им в служебные докладные записки, а затем - в художественные произведения¹. Так проблема переселения - пересечения границы - стала и точкой встречи двух разных профессиональных функций Наумова: службы сибирским чиновником и призвания сибирского писателя, - и тема границы разрушила проявлявшуюся в некоторых других ситуациях границу между социальной и творческой ипостасями личности Наумова.

Первое художественное обращение Наумова к теме переселенцев - рассказ 1888 г. "Роковая встреча". Конфликт произведения организован как столкновение симпатичных, вызывающих глубокое сочувствие автора, но совершенно наивных переселенцев о колоритным сибирским разбойником "Гуляем Незеваичем", который легко их обманывают и в конце концов убивает. Смысл

рассказа - действительно "роковая встреча" переселенцев с Сибирью, не знающих ее внутренних жестоких и своеобразных законов и поэтому обреченных в ней на скорую и страшную смерть. Пересечение сибирской границы губительно для человека, не адаптированного к жизни в этом регионе, - такова здесь интерпретация проблемы фронтира сибирским писателем-областником, который четко фиксирует свое место "внутри" Сибири и вместе с тем принципиально готов к ее размыканию.

Углубление и развитие этой позиции демонстрирует очерк 1898 г. "Картинка о натуре". В нем на конкретном материале своего сибирского служебного опыта Наумов показывает, как переселенческое движение, в целом для края предельно плодотворное, обретает страшные формы для конкретных переселенцев, не приспособленных к сибирской жизни и гибнущих в ней. Очерк выстроен как полилог коренных сибиряков, которые с симпатией и жалостью обсуждают тяжелую судьбу переселенцев. Иначе говоря, Сибирь у Наумова принципиально открыта для пересечения ее границы, она нуждается во влиянии извне, однако ее собственная специфика пока доминирует - и доминирует, беспощадно и бездумно тормозя начавшиеся перспективные социокультурные процессы. В этой ситуации задача сибирского интеллигента-областника состоит, по мнению Наумова, в том, чтобы всеми силами разрушать границу между Сибирью и культурным центром; в решении данной задачи именно он, знаток жизни и по "ту", и по "эту" сторону границы, необходим и незаменим; для ее выполнения Наумов концентрирует все свои возможности и сибирского чиновника, и сибирского писателя.

И наступает момент, когда эти усилия приносят свои плоды. В томском архиве Наумова хранится незаконченный очерк, озаглавленный "По новоселам", который воплотил замысел третьего произведения писателя о переселенцах². Отчасти он возвращает нас к первому произведению - "Роковой встрече": опять произведение отойдет как конфликт талантливого сибиряка (здесь - богатого сибирского крестьянина) с переселенцами - "новоселами"; однако исход конфликта намечен принципиально иной, поскольку основной смысл данного отрывка состоит в изображении такой силы и мощи "новоселов", перед которой вынуждены сдаваться даже самые талантливые сибирские старожилы. При этом все симпатии Наумова - на стороне переселенцев, которым наконец-то, с его точки зрения, удалось приспособиться к специфическим сибирским условиям.

Итак, можно утверждать, что проблема границы в сознании

сибирского писателя-областника Н.И. Наумова оформилась как настоятельная внутренняя потребность региона в разрушении собственных границ, как ожидание и даже требование социокультурного влияния центра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив НБ ТГУ. Описание рукописей Г.Н. Поганина. Л. 114 б.

² Там же. Л. 10897 - 10897 об.

E.G. Novikova

THE PROBLEM OF FRONTIER IN THE NOVELS OF THE PROVINCIAL WRITER: N.I. NAUMOV

Social and cultural movement of the Siberian intelligentsia in the second half of the 19th century, called "provincialism", was centered on the problems concerning the development of their native region and possibilities of equal rights for "the provinces" and "the center". The factor of the "Siberian region frontier" appears in this light, the peculiarities of the "provincial position", however, were the cause of its specific interpretation.

To make it clear, a "provincial writer" considers himself to be a representative of the original Siberian culture; at the same time, being educated and brought up in the capitals, he is a bearer of the ideas and values of the whole Russia - and in the first place, of the values of those 19th century people, who patterned their behavior on the West. Thus, such a writer thinks that his main task is to make for civilization of Siberia, which has its social and cultural peculiarities. In other words, the notions "province", "center", "originality", "civilization", "development", which are interrelated in a complicated manner, will be the key notions of "provincialism".

In the above context the notion of "frontier" results naturally. On the face of it, one can ask if it is right to talk about this characteristic position - the position of "frontier" in a provincial writer's mind, that is the mind of a man who realizes his belonging to the province and thus his being "on the other side" of the frontier, inside it. The matter is that the specific character of "provincialism" is to adhere to these contrary positions, which usually contrapose each other at the either

side of the frontier: the values of provincial originality and those of the civilized center. In addition he clearly sees the conflicts of both systems of values and realizes the factor of the frontier between them. To eliminate this "frontier conflict" with the use of a sociocultural action became in the end the final aim of the "provincial writers".

The work of one of such writers - N.I. Naumov (1838-1901) expressed the above position specifically. A native Siberian, he spent his childhood, youth, as well as the last 15 years, in Tomsk. He went down in history of Russian literature as a connoisseur of Siberian culture; and, moreover, as a forefather of the original Siberian prose. At the same time, the main problem of Naumov's work was the problem of social and cultural isolation of Siberia as well as its spiritual backwardness. Naumov realized these peculiarities, but they did not seem to him just a fine but unreal dream. The position of his region following the civilized world formed Naumov' credo, which he adhered to both in his work and various social and cultural activities. In this sphere of the writer's interests the theme of "frontier" appears inevitably. But it is worked out to the full in his works, devoted to migration.

From the Tomsk archives of the writer¹ one can conclude, that Naumov came across the migrants' problems when he worked as a clerk with peasants' problems. Eventually, he gathered a considerable amount of material on "migration", which he initially put in the form of reports. Later this material was represented in his works. Thus the problem of migration-crossing the frontier-expressed two different professional functions of Naumov: his work as a clerk and that of a Siberian writer; the theme of frontier "crossed" the demarcation line between the social and creative personality of Naumov.

Naumov turned his attention to the theme of migrants for the first time in his story "Fatal Encounter" (1883). There are two forces in the story that come into conflict: the naive and good-natured migrants and the imposing robber, who cheats and murders them in the long run. The central message of the story is the "fatal encounter" of the migrants with Siberia, their utter ignorance of its internal cruel laws, and as a result they are doomed to violent death. Crossing the Siberian frontier turns out to be fatal for any man who is not used to living in this region-such is the interpretation of the "frontier" problem by the "provincial" writer, who, on the one hand, feels himself to be "inside" Siberia, and is ready to open the frontier, on the other.

The development of this position is seen in the essay "Picture from Nature" (1893). Here on the basis of his own personal Siberian experi-

ence Naumov shows how the migration, which is beneficial for the region on the whole, turns into a nightmare for the migrants, who are not used to living in Siberia and are doomed to die in it. The essay is written as a polylogue of aboriginal Siberians who sympathize with the migrants while discussing their fate. In other words, according to Naumov, the Siberian frontier is in essence open, Siberia needs influence from without, but its own specific character prevails, hindering a progressive sociocultural process.

In this situation, according to Naumov, the task of a Siberian intellectual consists in opening the frontier between Siberia and the center of it, the connoisseur of life at both sides of the frontier, who is able in solving the task. In order to solve the task Naumov does his best as a Siberian clerk and a Siberian writer. And then comes a moment, when these efforts bear fruit. There is an unfinished essay in the Tomsk archive of Naumov, which is titled "About New Settlers"², in which the writer realizes his conception of the third work about migrants. The essay has something in common with the first work - "Fatal Encounter" again the plot is based on the conflict of a talented Siberian (here-a well-to-do Siberian peasant) with the migrants-"new settlers". However, the outcome of the conflict tends to be completely different, for the purpose of given extract is to show the "new settlers", whose might and power are invincible for the most talented Siberian old residents. Naumov sympathizes with the migrants, who, from his point of view, managed at last to get accustomed to the specific Siberian conditions.

Thus, one can assume that the problem of frontier in the mind of the provincial writer N.I. Naumov was formed as an urgent inner need of the region to open its frontiers; as an expectation or even a demand of the center's social and cultural influence.

¹ Archive of the Tomsk Scientific Library of the Tomsk University. Description of Potanin's manuscripts, 114b (archive compiled by Naumov)

² Archive compiled by Naumov, II. 10897-10897 back.

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

М.Я. Пелипась
Томский госуниверситет

СОВРЕМЕННЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ДИСКУССИИ О "БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ" США

Соединенные Штаты Америки впервые столкнулись с необходимостью определения глобальной стратегии в конце XIX в., когда была практически завершена экспансия в пределах континента и, по выражению американского историка Ф. Тернера, был "закрыт фронт". Стратегия США формировалась с учетом географического положения страны, ее экономического и военного потенциала. С начала XX в. Соединенные Штаты обладают крупными военно-морскими силами. Вторая мировая война дала толчок к созданию мощного военно-воздушного флота. В XX в. США неоднократно демонстрировали способность к проведению военных операций с использованием крупных сухопутных сил. Важнейшей частью осуществления глобальной политики являлось обеспечение внутривнутриполитического консенсуса, который достигался, как правило, на основе призывов сконцентрировать усилия нации на борьбе против враждебной США державы. В период "холодной войны" основой внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов было "сдерживание" Советского Союза.

Изменение геополитического ландшафта в конце 80-х - начале 90-х гг. поставило вопрос об изменении парадигмы международных отношений. Президент США Дж. Буш заявил о наступлении "нового мирового порядка". Известный американский обозреватель Ч. Краутхаммер определил ситуацию в мире после Кувейтского кризиса и распада СССР как "однополярный момент" или "однополярную гегемонию" США¹. Как отмечает профессор Чикагского университета С. Уолт, в общественном мнении США проявляется стремление изменить систему межгосударственных отношений. Часть американского общества считает возможным создание гуманитарного мирового порядка с помощью разоружения, повышения общественной морали, соблюдения международного законодательства и действий международных миротвор-

ческих сил. В США стали популярными изоляционистские лозунги. Изоляционисты доказывали, что в новых международных условиях союзники США в случае необходимости смогут защитить себя сами, поэтому следует пересмотреть договорные обязательства страны, сократить военные расходы и вернуться к концепции континентальной обороны или обороны Западного полушария².

Эрозия, а затем крушение биполярной модели международных отношений, вопреки ожиданиям, не уменьшили количества международных кризисов. Развернувшаяся в США в 90-х гг. дискуссия в научных и политических кругах касается последствий окончания "холодной войны", места Соединенных Штатов в современном мире и перспектив складывания новой модели международных отношений.

Исторический опыт показывает, что возникновение и изменение системы международных отношений, осознание ее характеристик не могут иметь характера кумулятивного процесса. Методологически и политически вполне понятно то обстоятельство, что участники дискуссии пользуются набором дефиниций биполярной парадигмы. Ведущий представитель школы "реальной политики" Г. Киссинджер подчеркивает определяющее влияние на международные отношения фактора "силы" и национальных интересов. И в будущем, считает Киссинджер, мировой порядок будет также строиться на балансе национальных интересов государств. Как и прежде в истории, распад даже крупной державы не может изменить самой природы международных отношений³. Вместе с тем "реалисты" считают, что само распределение "силы" в конце XX в. носит более сложный характер. Военная "сила" - однополярна. США являются единственной страной, обладающей межконтинентальными ракетами в сочетании с крупными воздушными, морскими и сухопутными силами, способными к операциям по всему миру. Экономическая "сила" - трехполярна. Она в основном распределена между Соединенными Штатами, Европейским Союзом и Японией, которые производят до 2/3 объема мирового продукта. На уровне отношений, не контролируемых правительствами, "сила" значительно распылена⁴.

Вектор складывания новой парадигмы международных отношений будет определяться способностью человечества предотвращать возникновение глобальных и региональных конфликтов. Исследователи довольно невысоко оценивают эту способность. Профессор института стратегических исследований Гарвардского университета С. Хантингтон считает, что на смену международ-

ной системе противостояния силовых блоков приходит новый мировой порядок, основу которого составят конфликтные отношения восьми крупнейших "цивилизаций": Западной, Японской, Индуистской, Исламской, Конфуцианской, Славянско-Православной, Латиноамериканской и Африканской. Возникновение конфликтов в будущем наиболее вероятно по линиям "цивилизационных разломов". Политика Запада с необходимостью должна быть ориентирована на достижение мировой гегемонии с использованием дипломатических и военных методов борьбы против враждебных цивилизаций⁵. Оппоненты Хантинтона считают, что схема "конфликта цивилизаций" проникнута духом "холодной войны", а основной "цивилизационный разлом" проводится по линии "Запад против всех". При замене в качестве основного субъекта международных отношений "государства" на "цивилизацию" воспроизводится традиционная модель "баланса сил"⁶.

Один из ведущих американских специалистов по истории "холодной войны" профессор университета штата Огайо Дж. Гэддис считает, что главным содержанием международных отношений в конце XX в. стало противоборство сил интеграции и дезинтеграции. Под интеграцией Дж. Гэддис понимает прежде всего процесс снятия различного рода барьеров, которые исторически разделяли государства и народы в таких диверсифицированных сферах, как политика, экономика, технология и культура. Для развития интеграционных процессов, по мнению Гэддиса, особенно важно значение невоенных факторов "силы". К дезинтегрирующим факторам относятся протекционизм в политике государств, национализм, религиозная рознь и сохраняющаяся в ряде регионов племенная вражда. Гэддис считает, что и в новых условиях, когда на смену "советской угрозе" пришли новые опасности глобального (проблема окружающей среды, СПИД и др.), регионального (национализм, социальное неравенство, и т.д.) и внутривластного (оппозиция американского общества политике правительства США, смешивающего "функции глобального полицейского и глобальной няни") характеров, дипломатия Соединенных Штатов должна продолжать исходить из концепции "баланса сил", уравнивать и "регулировать интеграционные и дезинтеграционные процессы в мире"⁷.

Известный специалист в области теории международных отношений Дж. Ни также является сторонником концепции баланса сил. Суммируя некоторые итоги теоретических поисков и практики международных отношений первой половины 90-х гг., Дж.

Ни анализирует пять гипотетически возможных вариантов развития международных отношений: 1. Возврат к биполярной модели. 2. Установление многополярной системы, функционирование которой будут определять отношения пяти центров силы - США, ЕС, России, Китая и Японии. 3. Возникновение системы трех экономических блоков - вокруг американского доллара, японской иены, единой европейской валюты либо немецкой марки. 4. Установление однополярной гегемонии США. 5. Создание системы многоуровневой взаимозависимости. С точки зрения Ни, с учетом современной ситуации в России, возвращение к биполярной системе чрезвычайно гипотетично. Установление многополярности также вряд ли возможно. Российские реформы потребуют десятилетий. Китай является развивающейся страной и, несмотря на экономический рост, останется таковой и в начале следующего столетия. Европа не располагает той степенью политического единства, которая позволяла бы ей выступать в роли глобальной державы. Создание трех четко очерченных экономических блоков также невозможно из-за сопротивления транснациональных корпораций, которые вряд ли удовлетворятся возможностью действий лишь в части мирового рынка. Дж. Ни отрицает вероятность однополярной гегемонии США, так как ни одно государство не в состоянии разрешить многообразные мировые проблемы. Формирование системы многоуровневой взаимозависимости представляется наиболее вероятной перспективой развития международных отношений. Но это не означает, что основным лозунгом становится "назад в будущее" (такое определение "нового мирового порядка" стало популярным после опубликования в 1990 г. журналом "Национальный интерес" статьи Дж. Мершеймера под таким же названием). Мировой порядок, устанавливающийся после "холодной войны" своеобразен, считает Ни и этот порядок не будет определяться только соотношением военных сил.

Директор центра международных исследований Калифорнийского университета Р. Розенкранц является сторонником системного анализа международных отношений. Он считает, что реально после окончания "холодной войны" сложился новый "концерт держав", состоящий из США, России, ЕС, Японии и Китая. Перспективы сохранения этой системы зависят от развития ситуации в России и Европе. В задачи Соединенных Штатов входит сохранение этого "концерта". Попытки же играть роль мирового гегемона обречены на неудачу⁹.

Доводы Розенкранца не снимают вопроса о перспективах ме-

ждународных отношений в начале XXI в., так как исторически "концерт держав" существовал около десяти лет.

Президент центра стратегических и международных исследований Массачусетского технологического института Д. Абшайр считает некорректной постановку вопроса о новой парадигме, так как мир переживает период стратегической неопределенности, который, как показывает исторический опыт, может длиться до 15 лет. В мировой политике происходят процессы, исход которых далеко не ясен. С равным основанием можно предполагать как новое обострение международной напряженности и возрождение противостояния Востока и Запада, так и создание "концерта держав". Поэтому для США речь должна идти о стратегии именно переходного периода. Эта "гибкая стратегия" должна включать восемь компонентов: 1. Правильное использование мощи США. 2. Определение национальных интересов. 3. Выработку четких критериев американского вмешательства в дела других регионов. 4. Обеспечение американских позиций в Европе. 5. Сохранение баланса сил на Ближнем Востоке. 6. Укрепление стабилизирующей роли США в районе Тихого океана. 7. Разработка концепции оборонных расходов. 8. Обеспечение лидерства США в мире. На базе военно-политической стратегии следует разработать принципы глобальной экономической политики США. Именно в этой сфере, считает Абшайр, наиболее очевиден тот факт, что "новый мировой порядок" на деле оказался "мировым беспорядком". Следующим шагом должна стать реформа американских вооруженных сил, которые должны быть готовы как к ведению активных боевых действий, так и к участию в гуманитарных акциях. В течение переходного периода американское общество должно преодолеть стереотипы политики "устрашения" или "изматывания" внешнеполитического противника. Страна, считает Д. Абшайр, должна быть готова к быстрому достижению успеха на международной арене в открытом столкновении с враждебными силами¹⁰.

Пути сглаживания негативных для Соединенных Штатов последствий распада биполярной системы активно обсуждаются в американском обществе. Во второй половине 80-х гг. в США стало широко известно имя британского историка П. Кеннеди, с 1983 г. живущего в Соединенных Штатах. Его книга "Подъем и упадок великих держав" стала национальным бестселлером 1988 г. В ней П. Кеннеди, в частности, подчеркивал, что сохранение международных позиций США будет в немалой степени зависеть от способности сохранить "разумный баланс между потребно-

стями обороны и средствами, которыми страна располагает для удовлетворения этих потребностей" и избежать "имперского перенапряжения"¹¹. Развивая точку зрения П. Кеннеди, Ч. Краутхаммер высказал мнение, что США уже находятся перед опасностью превращения "во второстепенную державу" в результате "экономического перенапряжения". Полемика, вызванная такими прогнозами, оказала влияние на формирование предвыборной платформы Клинтона в 1992 г.

Придя к власти, администрация Клинтона провозгласила лозунги распространения демократии и принципов свободного рынка. Но полемика в правящих кругах страны о способности США играть роль мирового гегемона продолжается. В мае 1993 г. заместитель государственного секретаря США по политическим вопросам П. Тарнофф заявил, что Соединенные Штаты не располагают необходимыми ресурсами для руководства миром. Тот же вывод содержался в докладе центра стратегических и международных исследований под руководством сенатора-демократа С. Нана и сенатора-республиканца П. Доменичи. Лидер сенатского большинства, будущий кандидат на пост президента от республиканской партии Боб Доул в начале 1995 г. призвал к изменению стратегии иностранной помощи и военных расходов. В свою очередь, ряд высших членов американского правительства высказали решительное несогласие с Тарноффом и его сторонниками¹².

Реальное соотношение изоляционистских и интернационалистских настроений в американском обществе является предметом спора исследователей¹³. Но несомненно одно, что в своем большинстве американцы не усматривают в современном мире таких "сил зла", какие существовали в период "холодной войны". Попытки же правительства указать на опасность, например, исламского фундаментализма встречают вялую реакцию. Как подчеркивает профессор Сватморского колледжа Д. Курт, для сторонников "реального" подхода к международным отношениям внешнеполитическая опасность ассоциируется с крупным государством, поэтому исламский фундаментализм не может служить организующим принципом внешнеполитической стратегии. По мнению Курта, в первой половине следующего века "источником тревоги" для США будут Россия и Китай. Главной страной, к "сдерживанию" которой США должны быть готовы, профессор Курт считает Россию¹⁴. Таким образом, Россия вновь провозглашается географическим центром истории - хартлендом.

Традиции геополитики развивает профессор Йельского уни-

верситета П. Кеннеди, предлагая определить, какие государства являются "центральными". Предложения Кеннеди восходят к концепциям Х. Макиндера, нашедшим развитие в "теории домино". К "центральному государству" П. Кеннеди относит страны с большой численностью населения и важным геополитическим положением: Мексику, Бразилию, Алжир, Египет, Турцию, Индию, Пакистан, Индонезию и ряд других государств. П. Кеннеди считает, что отношения с такими государствами важны для США¹⁵.

Часть государств, определяемых как "центральные", относится к периферии Евразии, которой отводилась важная роль в "сдерживании" Советского Союза. Его распад увеличил глубину этой периферийной зоны вблизи границ России. Исторически значительное число международных конфликтов было связано с нарушением сферы интересов государств. На современном этапе для американской дипломатии представляется сложной задачей определение реальных сфер влияния Китая и России. С точки зрения Дж. Курта, сфера интересов России включает страны, имеющие традиции культурных и религиозных связей с русским государством, и те регионы, в которых Россия исторически отстаивала свои геополитические интересы - Закавказье и Центральную Азию¹⁶.

Объединение Германии и распад Советского Союза привели к резкому изменению границ, сложившихся в Европе по итогам второй мировой войны, к возрастанию стратегической роли Североатлантического блока в мире. Развитие военно-политической и экономической интеграции в Европе без участия России, расширение НАТО на восток в том случае, если не будут найдены способы преодоления экономической катастрофы страны, может привести к реальным дезинтеграционным процессам в Российском государстве. Это беспокоит американских аналитиков. Дж. Гэддис ставит вопрос о пределах ослабления России с точки зрения глобальных интересов США¹⁷.

Дж. Курт пишет, что расширение НАТО на восток приведет к вторжению Запада в сферу традиционных интересов России. Он предлагает создать между Россией и НАТО пространственный континуум, подобный существовавшему в период "холодной войны" на северном фланге НАТО. Подобно Финляндии, Беларусь и Украина могут быть нейтральны в военно-политическом отношении, но входить в сферу безопасности России. Страны Вышеградской группы - Польша, Чехия, Словакия и Венгрия, подобно Швеции, могут в культурном и экономическом отноше-

ниях ориентироваться на Запад, но быть нейтральны в военном плане и сохранять национальные вооруженные силы. Германия, подобно Норвегии, является членом НАТО, но объединенные силы Североатлантического блока не должны дислоцироваться в восточной части страны, на территории бывшей ГДР¹⁸.

Сотрудники исследовательской корпорации РОНД и Гарвардского университета предлагают создать механизм консультаций между НАТО и Россией. Интересы Североатлантического блока могли бы представлять три страны - США в качестве постоянного члена, Великобритания, ФРГ и Франция по очереди и одна из стран из числа остальных членов блока на основе принципа ротации¹⁹. На пути реализации этой, как и других форм взаимоприемлемых для заинтересованных сторон отношений НАТО и России, есть немалые политические сложности. Это демонстрирует продолжающийся переговорный процесс.

Осмысление изменений геополитической ситуации в мире в конце XX в. является сложной задачей для аналитиков США. Эйфория в американском обществе по поводу победы в "холодной войне" заканчивается. Американский правящий класс убедился, что мощь США трудно реализовать в дипломатической практике. Тем более что существует опасность, что Соединенные Штаты могут пострадать, поддерживая эту мощь. Дискуссии о глобальной военно-политической доктрине страны пока в основном сосредоточены на поисках исторических прецедентов и аналогий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Jordan A., Taylor W. Jr., Kolb L. American National Security. Policy and Process. Balt. and L., 1993. P. 8.

² Walt S. US Grand Strategy for the 1990's: The Case for Finite Containment //US National Security for the 1990's /Ed. by D. Kaufman, D. Clark and K. Sheehan. Balt. and L., 1991. P. 136-137.

³ Kissinger H. Diplomacy. NY, 1994. P. 805-806.

⁴ Nye J. Jr. What New World Order //Foreign Affairs. Spring 1992. P. 833; Idem. Conflict after the Cold War //The Washington Quarterly. Winter 1996. P. 9.

⁵ Huntington S. The Clash of Civilizations? //Foreign Affairs. Summer 1993. P. 21-49.

⁶ Rubinstein S. and Croker J. Challenging Huntington //Foreign Policy. Fall 1994. P. 113-128.

⁷ Gaddis G. Toward the Post Cold War World //The Future of

American Foreign Policy /Ed. by E. Witkopf. NY, 1994. P. 16-35.

⁸ Nye J. Jr. What New Order? //The Future of American Foreign Policy... P. 50-60; Idem. Conflict after the Cold War. P. 5-24.

⁹ Rosencrance R. A New Concert of Powers and US Foreign Policy //The Future of American Foreign Policy... P. 61-75.

¹⁰ Abshire D. US Global Strategy: Toward a Agile Strategy //The Washington Quarterly. Spring 1996. P. 41-61.

¹¹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. NY, 1989. P. 514-515.

¹² Maynes Ch. A Workable Clinton Doctrine //Foreign Policy. Winter 1993-1994. P. 3; The Future of American Foreign Policy... P. 7; Dole Bob. Shaping American's Global Future //Foreign Policy. Spring 1995. P. 38.

¹³ Witkopf E. What Americans Really Think about Foreign Policy //The Washington Quarterly. Summer 1996. P. 91-106.

¹⁴ Kurth J. Americans Grand Strategy. A Pattern of History //The National Interest. Spring 1996. P. 3-19.

¹⁵ Chase R., Hill E., Kennedy P. Pivotal States and US Strategy //Foreign Affairs. January-February 1996. P.33-51.

¹⁶ Kurth J. Op. cit.

¹⁷ The Future of American Foreign Policy... P. 25.

¹⁸ The National Interest. Spring 1996. P. 16.

¹⁹ Asmus R., Blackwill R., Larrabee F. Can NATO Survive //The Washington Quarterly. Spring 1996. P. 16.

АМЕРИКАНСКИЕ МИССИОНЕРЫ В КИТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В отношениях между США и Китаем особое место занимают протестантские миссионеры, деятельность которых в Китае продолжалась в течение 100 лет: с 40-х гг. XIX в. до 40-х гг. XX в. Первый американский миссионер Э. Бриджмен прибыл в Кантон в 1830 г., но только "открытие" Китая в результате двух "опиумных" войн создало благоприятные условия для деятельности миссионеров в Китае. В 90-е гг. XIX в. Китай выходит на первое место, опережая Османскую империю и Индию, по числу американских миссионеров.

Отношение к миссионерам в Китае в различные периоды складывалось по-разному. В XIX в. конфуциански образованная элита, защищая традиционную идеологию, нередко являлась инициатором антимиссионерских выступлений, вершиной которых явилось восстание ихэтуаней в 1900 г. В то же время поражение Китая в войнах с Францией в 1884-1885 гг., с Японией в 1894-1895 гг., а также подавление восстания ихэтуаней объединенными вооруженными силами семи держав заставили прогрессивно мыслящих представителей китайского правящего класса обратиться к западному опыту. Поскольку именно протестантские миссионеры, в первую очередь американские, являлись представителями наиболее динамично развивающихся государств, период после подавления восстания ихэтуаней до первой мировой войны считается "золотым" веком для христианских миссий в Китае.

Итоги первой мировой войны, революция 1917 г. в России способствовали подъему националистического движения в Китае, пик которого пришелся на резолюцию 1925-1927 гг. В это время миссионерское движение в Китае понесло большие потери. Так, если в 1925 г. в Китае было 8300 протестантских миссионеров, из которых 5 тысяч - американских, то в 1928 г. их численность сократилась до 4376¹.

Пришедшее к власти в Китае в 1927 г. правительство Чан Кайши решило опереться на поддержку Запада, в первую очередь США, поэтому период нанкинского десятилетия 1927-1937 гг. можно назвать вторым "золотым" веком для миссионеров в Китае. К 1936 г. число протестантских миссионеров уве-

личилось до 6 тысяч, из них половина была представлена миссионерами из США².

Период японо-китайской войны 1937-1945 гг. и последовавшая затем гражданская война в Китае были неблагоприятным временем для деятельности миссионеров, а победа коммунистов в 1949 г. привела к окончательному "исходу" христианских миссионеров из Китая. Так завершилась столетняя эпопея протестантских, в том числе американских миссионеров в Китае.

Каковы же итоги миссионерского движения в Китае? Если брать во внимание результаты проповеднической работы, а они таковы, что к 1949 г. в Китае насчитывалось 2,7 млн. христиан, из них протестантов 500 тысяч, то с этой стороны деятельность миссионеров можно считать полным провалом³. Как пишет американский автор П. Варг, "христианская церковь осталась экзотикой на китайской земле, только небольшая часть китайцев приняла христианство и еще меньшая поняла христианские догмы"⁴. По его мнению, для китайцев чуждо понятие греха и любви к Богу во имя искупления греха. У китайцев главным было понятие стыда, боязнь "потерять лицо".

Помимо неприятия христианских догматов, многие американские авторы указывают еще на одну причину, которая, по их мнению, привела к провалу миссионерских усилий по христианизации Китая. Это то, что христианство не было политическим учением, которое могло указать эффективные пути и способы решения стоящих перед китайским обществом проблем преодоления отсталости. Миссионеры в первую очередь стремились к преобразованиям в душах своей паствы. Их совместные с лидером гоминдана Чан Кайши усилия в реформаторской деятельности в период нанкинского десятилетия не принесли ощутимых результатов. В конце концов понадобилась революция во главе с КПК для осуществления революционных преобразований в Китае. Оценивая роль миссионерского движения в Китае, нельзя ограничиваться только одной стороной их деятельности, проповеднической.

Американский историк Т. Бэйтс приводит такие данные: в межвоенный период от 1200 до 1500 миссионеров занимались проповеднической деятельностью, столько же - образовательной, около 600 миссионеров были задействованы в медицине, оставшиеся несколько сотен занимались издательской деятельностью, работали в ассоциациях молодых христиан и христианок на сельскохозяйственных станциях и т.д.⁵

Вклад миссионеров в модернизацию Китая не подвергается

сомнению в американской историографии. Вот что пишет по этому поводу А. Шлезингер-младший: "Вызов, который миссионеры бросали традиционной китайской структуре и ценностям, подчеркивая приоритет личности перед семьей, равенства перед иерархией, их мужественная борьба с опикурением, бинтованием ступней и в целом с унижением женщины, их самоотверженная работа в деле создания очагов модернизации, таких как университеты, школы, госпитали, сельскохозяйственные станции, издание газет и журналов, их высокий моральный облик и социальные чаяния, примеры личного героизма - все имело революционизирующий эффект"⁶.

По мнению крупнейшего американского сиолога Дж. Фэрбэнка, главным вкладом, который внесли миссионеры в модернизацию Китая, была их деятельность в области образования. В середине 30-х гг. в 13 христианских университетах и колледжах в Китае обучалось 5800 студентов, в 255 христианских средних школах - 44 тысячи учащихся⁷.

Христианские учебные заведения, а в основном они были созданы американскими миссионерами, служили образцом для китайских государственных и частных учебных заведений. Они преобладали в преподавании сельскохозяйственных наук, медицины, журналистики, социологии. Особое внимание уделялось образованию женщин. В 1937 г. в Китае насчитывалось 11 тысяч выпускников христианских колледжей и университетов. Из них 41% были заняты в образовании, 11% занимались религиозной деятельностью, 13% - медицинской, 11% - коммерцией и бизнесом, 6% состояли на общественной службе⁸. Более 200 китайцев - христиан занимали правительственные посты в период пребывания Чан Кайши у власти, который сам в 1931 г. принял протестантскую веру.

Помимо образования, миссионеры внесли заметный вклад в развитие современной медицины в Китае, в 1938 г. в Китае имелось 6 медицинских христианских колледжей, 3 из которых входили в состав университетов, 3 были самостоятельными. В них обучалось 555 студентов⁹. Самым крупным был Пекинский объединенный медицинский колледж. Фонд Рокфеллера направил 37 млн. долл. в период с 1913 по 1933 г. на развитие медицины в Китае, главным образом на финансирование деятельности вышеназванного колледжа¹⁰. В конце 30-х гг. в Китае имелось 300 протестантских госпиталей, 594 диспансера. Американские миссионеры содержали 169 госпиталей на 11713 мест, в них работало 356 врачей и сестер¹¹.

Миссионеры в Китае активно занимались издательской деятельностью. В 1936 г. они издавали 237 периодических изданий, включая 3 ежедневных, 24 еженедельных, 104 ежемесячных. В Китае существовало 114 христианских библиотек, в основном при учебных заведениях, насчитывавших в своих фондах около 2 млн. томов. Только Американское библейское общество издавало ежегодно более 40 тысяч экземпляров Библии и более 2 млн. отрывков из нее¹².

Говоря о деятельности протестантских миссионеров в Китае, нельзя не упомянуть их участие в середине 30-х гг. в проектах сельской "реконструкции" в провинциях Цзянси и Фуцзянь, на что фондом Рокфеллера было выделено 1,9 млн. долл.¹³ Поскольку все усилия миссионеров были направлены на технологические преобразования и не затрагивали арендных отношений, реформаторам не удалось добиться ни "реконструкции", ни "возрождения" деревни.

Американские миссионеры были вовлечены в "движение за новую жизнь", начатое Чан Кайши в 1934 г. и вызванное стремлением соединить конфуцианские традиции с христианскими духовными ценностями. Американский миссионер Джордж Шефферд получил пост в правительстве, будучи назначенным руководителем специальной комиссии, занимавшейся проблемами "движения за новую жизнь". К концу 30-х гг. американские миссионеры в Китае владели значительной собственностью. Около 50 различных обществ и фондов финансировали деятельность миссионеров. Ими было вложено в Китае около 50 млн. долл. в собственность, связанную с миссионерской и образовательной деятельностью. Ежегодно предоставлялось более 4 млн. долл. для выплаты жалования 2,5 тысячам миссионеров и на их деятельность¹⁴.

Американское миссионерское движение нужно оценивать не только с позиции вклада в модернизацию Китая, необходимо также учитывать его влияние на общество и политику США.

В работах американских авторов подчеркивается, что миссионеры способствовали формированию у граждан США дружелюбного отношения к Китаю - стране, которой Америка должна помочь стать "объединенным, демократическим и христианизированным государством". Г. Стимсон, бывший госсекретарем США в начале 30-х гг., писал в своей работе "Дальневосточный кризис": "На протяжении многих лет почти в каждом американском населенном пункте, особенно в северо-восточных и среднезападных штатах, одна или более церковь посылала миссио-

неров в Китае. Письма миссионеров становились достоянием огромного числа американцев"¹⁵.

Не только в письмах, но и в рассказах миссионеров по их возвращении в США, в их публикациях содержалась информация о жизни в Китае. Миссионеры способствовали формированию благоприятного по отношению к Китаю общественного мнения в США по таким вопросам, как передача боксерской контрибуции на нужды образования, "21 требование" Японии к Китаю, Шаньдунский вопрос, отмена неравноправных договоров, захват Японией Манчжурии в 1931 г., нападение на Шанхай в 1932 г. и война, развязанная Японией против Китая в 1937 г. Многие миссионерские организации в 1937-1939 гг. выступали с требованием прекратить американские поставки сырья и вооружения Японии.

Миссионеры внесли огромный вклад в развитие синологии в США. Они изучали китайский язык, историю и культуру Китая, положили начало систематическому изучению в США этих наук. Институт тихоокеанских отношений возник по инициативе ассоциации молодых христиан. Гарвардский университет превратился в крупнейший центр синологии благодаря сотрудничеству с Яньцзинским христианским университетом в Пекине. По инициативе миссионера Э. Феноллози Бостонский музей изобразительных искусств начал приобретать произведения китайских мастеров, создав богатейшую коллекцию. Миссионеры широко использовались на дипломатической службе США.

Во встрече двух цивилизаций, западной и восточной, миссионеры сыграли ведущую роль. Они несли в Китай научно-технические достижения, передовую систему образования и западную медицину, американскую культуру и образ жизни. Их вклад в модернизацию Китая способствовал росту националистических настроений, направленных против иностранного присутствия в Китае, частью которого являлись миссионеры. Поскольку их появление в Китае было связано с навязыванием ему неравноправных договоров, миссионерское движение рассматривалось как составная часть империалистической экспансии.

Не отрицая данного обстоятельства, тем не менее надо помнить главное при оценке миссионерской деятельности. Пугем христианизации миссионеры пытались помочь китайскому народу преодолеть отсталость и связанные с ней морально-этические, социально-экономические проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Varg P. *Missionaries, Chinese and Diplomats*. Princeton, 1958. P. 248.

² Thomson J. *While China Faced West*. Cambridge, 1969. P. 35.

³ West P. *Teaching University and Sino-West Relations, 1916-1952*. Cambridge, 1976. P. 3.

⁴ Varg P. *Op. cit.* P. 319.

⁵ Bates M. *Missions in the Far Eastern Cultural Relations*. N.Y., 1942. P. 8.

⁶ Schlesinger, jr. *The Missionary Enterprise and Theories of Imperialism //The Missionary Enterprise in China and America*. Cambridge, 1974. P. 372.

⁷ *The Missionary Enterprise in China and America* /Ed. by J. Fairbanks. P. 13.

⁸ Bates M. *Op. cit.* P. 10.

⁹ *Ibid.* P. 11.

¹⁰ Thomson J. *Op. cit.* P. 140.

¹¹ Bates M. *Op. cit.* P. 11.

¹² *Ibid.* P. 12.

¹³ См.: А.А. Писарев. Гоминдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20-30-е годы XX в. М., 1986. С. 146-147.

¹⁴ Masland J. *Missionary Influence upon American Far Eastern Policy //Pacific Historical Review*. 1941. № 3. P. 279.

¹⁵ Стимсон Г. *Дальневосточный кризис*. М., 1938. С. 153.

ПРОЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг. И ПОЗИЦИЯ США

Первые послевоенные годы для Соединенных Штатов были временем осознания себя в роли одной из двух мировых сверхдержав, обладающих ядерным оружием и способных влиять на судьбу не только своих соседей по континенту, но и всего мира. Происходила адаптация внешнеполитического механизма США к функционированию в условиях глобального противостояния двух систем.

В этой ситуации разрушенная войной Европа, где уже ясно наметилось два центра притяжения - США и Советский Союз, приобретала особое значение. Соединенные Штаты были заинтересованы в максимальном расширении своего влияния на страны Старого Света, чтобы "сдерживание коммунизма" было бы действительно эффективным. Стабильные политические режимы и успешно функционирующая экономика позволили бы этим государствам эффективно и долговременно сотрудничать с США, а также стать членами единого "Атлантического сообщества".

Соединенные Штаты прилагали все усилия для возрождения и объединения Западной Европы - начиная от плана Маршалла, направленного на восстановление европейской экономики, и создания в апреле 1948 г. Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) до активной поддержки плана Шумана, увенчавшегося созданием в 1952 г. Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), учредителями которого были Франция, Германия, Италия и страны Бенилюкса.

Приход к власти республиканской администрации Эйзенхауэра не изменил стратегической линии США на поддержку европейской интеграции. Однако было решено избрать "более осторожную тактику, чем в прошлом"¹.

Убедившись в контрпродуктивности прямого давления на европейские правительства и осознав также, что на данном этапе развитие политической, а особенно военной интеграции не может быть форсировано, США с большим интересом отнеслись к возможности объединения Европы на иной, экономической основе. Так, незадолго до встречи в Мессине в июне 1955 г. министров иностранных дел стран-участниц ЕОУС, на которой было решено начать создание Европейского союза в сфере экономики, испол-

няющий обязанности госсекретаря Гувер послал телеграмму в посольство США в Италии, в которой, в частности, говорилось, что госдепартамент с "интересом и симпатией наблюдает за европейскими инициативами... по поддержке или ускорению нынешнего развития интеграции"².

По нашему мнению, за поддержкой интеграционных начинаний Соединенными Штатами стояли соображения военно-политического характера. Предполагалось, что успехи интеграции позволят должным образом оградить Западную Европу от нежелательного влияния Советского Союза. Кроме того, процессы объединения в Западной Европе позволили бы окончательно "снять" вопрос о политической ориентации Западной Германии, решить проблему давнего франко-германского антагонизма и укрепить экономическую базу НАТО. Следует отметить то сильное влияние на американскую политику в этой области, которое оказал Жан Монно - французский государственный деятель, автор проекта Европейского объединения угля и стали, ставший впоследствии президентом высшего руководящего органа ЕОУС. Его идеи о создании на основе наднациональных интеграционных образований Соединенных Штатов Европы пользовались в США достаточно большой популярностью.

В то же время США предполагали при поддержке европейской экономической интеграции использовать все свое влияние для того, чтобы направить данное развитие по пути, который "кажется желательным" для Америки. Так, Даллес в телеграмме в посольство США во Франции 1 сентября 1955 г. по поводу планов создания "Общего рынка" отмечал, что "мы не видим необходимости в еще одной и меньшей ОЕЭС". Объясняется это тем, что ОЕЭС, в отличие от проектов Общего рынка, возникнув в 1948 г., стала немногим более, чем просто "средством межправительственного сотрудничества, а не наднациональной организацией, как надеялись американцы". Поэтому Даллес специально в этом документе разделяет "наднациональное Сообщество шести и ОЕЭС, основанную на сотрудничестве более широкой группы правительств и работающую на основе "национальных инструкций"³. Однако США были заинтересованы в привлечении к реализации идеи Общего рынка еще одного важного участника - Великобритании, что не только бы существенно усилило "Западное сообщество", но и, учитывая "особые отношения" между Англией и Америкой, дало бы возможность облегчить наведение "моста через Атлантику" между США и Европой.

Правительство Великобритании имело свою точку зрения по данному вопросу. Уже в ноябре 1955 г. британский посол довел до сведения помощника госсекретаря США, что его правительство "приняло решение не вступать" в Общий рынок. Объяснялось это возможным конфликтом между Содружеством наций с его системой имперских преференций и поставками дешевого продовольствия с возможными ограничениями на ввоз продукции из третьих стран в рамках ЕЭС. К тому же Великобритания не хотела становиться одним из участников Сообщества, поступаясь свободой действий в мировой экономике и "особыми отношениями" с США. Британия не отрицала полностью необходимость европейского сотрудничества, но без создания каких-либо наднациональных структур. Даллес в январе 1956 г. в телеграмме послу США в Бельгии, отметив холодность Британии относительно планов создания Общего рынка, высказывал мнение, что для решения таких серьезных проблем, как установление нормальных франко-германских отношений и вхождение Германии в Западное сообщество, недостаточно просто "договоров о сотрудничестве"⁴.

Лондон не собирался отказываться от попыток повлиять на ситуацию в Европе и в июле 1956 г. предложил на основе стран-участниц ОЕЭС создать в Европе более широкую Зону свободной торговли (ЗСТ) с вступлением в нее стран Общего рынка на правах ассоциированного члена. Примечательно, что проект предусматривал соглашение только по промышленным товарам, не затрагивая продукты сельского хозяйства. Реализация плана ЗСТ позволила бы Британии укрепить свои позиции на европейском рынке и сохранить свои обязательства перед Содружеством. Общий рынок же в этом случае мог просто "раствориться" в более обширной организации. Даллес достаточно позитивно оценил инициативу Лондона, указав 1 сентября 1956 г. в беседе с Генеральным секретарем ОЕЭС Серджентом, что налицо "существенный поворот в британском подходе к делу"⁵.

В июле 1956 г. Совет министров ОЕЭС учредил специальную рабочую группу для изучения возможности ассоциации между "шестеркой" и другими странами ОЕЭС, в том числе и для образования Зоны свободной торговли в Европе. В октябре 1957 г. Совет министров ОЕЭС заявил о своей решимости обеспечить учреждение ЗСТ, которая бы включала всех членов ОЕЭС. Для этого был образован Межправительственный комитет на министерском уровне во главе с британским представителем Модлингом. Но переговоры оказались нелегкими. С одной стороны, Бри-

тания была связана обязательствами перед Содружеством, с другой - выступавшая единым фронтом "шестёрка" - рамками Римского договора. Особенно невыгодным стало положение британской стороны после сближения позиций ФРГ и Франции по проблеме протекционистских тарифов. Вскоре после того как французская делегация на переговорах, опираясь на солидарное мнение всех континентальных участников, заявила о невозможности принятия английского плана ЗСТ, переговоры были прерваны. "Шестерка" продолжила работу в рамках Римского договора, а Англия приступила к основанию альтернативной группировки - Европы "семи".

Перед тем как приступить к оценке роли США в данных событиях, в частности в переговорах по ЗСТ, следует иметь в виду, что американский представитель на переговорах обладал только статусом наблюдателя, а количество официальных заявлений, сделанных американской стороной, ограничено.

Еще до начала официальных переговоров по ЗСТ и до подписания Римского договора, в ноябре 1956 г., Совету по внешнеэкономической политике был представлен подробный доклад, посвященный проблемам европейской экономической интеграции. В документе отмечалось, что кооперацию и интеграцию необходимо поддерживать. Однако подчеркивалось, что поддержку должны получить те европейские инициативы, которые найдутся бы в соответствии с главными целями американской внешнеэкономической политики: "развитием многосторонней торговли, достижением конвергенции основных валют и избежанием повышенных тарифов или широкомасштабной дискриминации наших товаров". В связи с английским проектом отмечалось, что намечаемая ассоциация Великобритании в ЗСТ с Общим рынком могла бы "более тесно связать Англию с континентом". В докладе содержится также примечательное замечание, говорящее, на наш взгляд, о том, что в конце 1956 г. Вашингтон не был однозначно настроен в пользу одного из проектов. Так, следующий подобный доклад Совету рекомендовалось подготовить тогда, когда "проекты Общего рынка и/или Зоны свободной торговли будут вполне готовы"⁶. В январе 1957 г. появилось официальное заявление госдепартамента США, касающееся Общего рынка и ЗСТ, в котором выражалась надежда, что результаты интеграции не нанесут ущерба остальным странам ГАТТ и ОЕЭС созданием единых высоких тарифов. По поводу плана Великобритании организовать ЗСТ со странами Общего рынка в качестве ассоциированного члена было выражено одобрение.

Следующим важным документом, который содержал предварительные соображения по поводу планов европейской интеграции, была циркулярная телеграмма Даллеса главным дипломатическим миссиям в Европе от 6 марта 1957 г. Особый интерес для нас в этом документе представляют слова Даллеса о том, что США поддерживают ЕОУС, Евратом и Общий рынок не только ради ожидаемых экономических выгод, но "даже более из-за надежды, что это развитие представляет шаги в направлении политического союза..." Даллес также выразил сомнение в отношении британской способности в более тесной, чем ассоциация, форме интеграции с Общим рынком. Выступая за безоговорочную поддержку "организации в рамках ОЕЭС ассоциации... с Евратомом и Общим рынком", Даллес вместе с тем отмечал, что успех этого проекта "зависит преимущественно от позиции непосредственно заинтересованных правительств, особенно шестерки"⁷.

В марте 1957 г. во время Бермудской встречи президента Эйзенхауэра и премьер-министра Британии Макмиллана также затрагивался вопрос о европейской интеграции. Подходы сторон не совпадали, но тем не менее в коммюнике по итогам визита говорилось о подтверждении "общего интереса в развитии европейского единства в рамках атлантического сообщества" и о признании "важности более тесной ассоциации Великобритании с Европой"⁸.

На встрече послы США в странах Северной Европы, проходившей с 19 по 21 сентября 1957 г. в Лондоне, много говорилось именно о британской политике. Так, отмечалось, что, несмотря на утрату части своей мощи, "Британия остается важным союзником" и проявляет желание "восстановить англо-американское сотрудничество". Однако невзирая на движение в сторону Европы, Британия, по мнению американских дипломатов, все-таки не может "принять наднациональных структур" (интеграционных. - С.Л.). Наряду с этим в данном документе не отдавалось предпочтение какому-либо интеграционному проекту и утверждалось: "Учреждение Общего рынка, Евратома и ЗСТ экономически и политически усилит Западную Европу и Атлантическое сообщество". В то же время высказывалось пожелание о том, что это не приведет к "протекционизму против внешнего мира и даже, возможно, к его снижению".

Незадолго до встречи министров стран-участниц ОЕЭС Даллес отправил телеграмму послу США во Франции, содержащую инструкции и рекомендации для американского представителя на переговорах по ЗСТ, который имел лишь статус наблюдателя. В

связи с этим представителю США предписывалось принимать "ограниченное участие только в важных дискуссиях на открытых заседаниях", заявляя тем не менее о поддержке Соединенными Штатами идеи создания ЗСТ. Главной проблемой, которая могла бы возникнуть на переговорах, Даллес считал коренное различие между английской и континентальной концепциями ЗСТ.

Успех переговоров мог бы иметь "важное значение для политики США по укреплению европейского единства и расширить зону экономических преимуществ, ожидаемых от Общего рынка. Провал же переговоров смог бы неблагоприятно воздействовать на "политические и, возможно (через НАТО), стратегические цели США" и "нанести ущерб многосторонней системе торговли". В то же время Даллес, по нашему мнению, давал понять, что успешное завершение переговоров необязательно будет большим дипломатическим успехом Вашингтона. Так, он пишет: "Следует... иметь в виду, что... США тесно связывают политическое значение европейской интеграции, стремящейся к прочному решению вековых франко-германских проблем, с успехом европейского Общего рынка и стремятся избежать любых промедлений в его осуществлении по причине возможных расхождений относительно ЗСТ".

Вашингтон не склонен был ради принципиального успеха самой идеи ЗСТ допустить, во-первых, чтобы переговоры пошли по невыгодному для США руслу (например, чтобы комплекс компромиссных решений достигался путем ущемления интересов третьих стран), а во-вторых, чтобы это не повредило Вашингтону и не смогло лишить Соединенные Штаты тех преимуществ, главным образом политических, которые обещало становление Общего рынка. Однако 17 февраля 1958 г. американский представитель на переговорах напомнил, что его правительство надеется на успешное завершение переговоров по ЗСТ. Несколько позже, когда в марте 1958 г. Париж выступил с предложением протекционистского характера, Вашингтон сделал специальное заявление, адресованное всем членам ОЕЭС. В нем указывалось, что США будут поддерживать ЗСТ в случае ее полной совместимости с ГАТТ и учета еко интересов третьих стран. Естественно, что французское предложение было признано "неприемлемым". Отмечалось, что переговорный процесс по ЗСТ не должен создавать угрозы реализации договора об Общем рынке, так как "Сообщество Шести обеспечило начальный этап подлинной *политической* (курсив наш. - С.Л.) интеграции"¹⁰. С другой сторо-

ны, Вашингтон опасался краха переговоров, который сможет неблагоприятно повлиять на ситуацию в Европе и НАТО.

Таким образом, Вашингтон не собирался упорствовать в своей поддержке идеи ЗСТ в том случае, если бы это противоречило принципам ГАТТ и вдобавок могло бы пагубно отразиться на создании наднациональных структур в рамках Римского договора. Раскол между английской и единой континентальной позициями был все более очевиден, что делало шансы на успех переговоров все более призрачными. Но американская дипломатия и позже выражала свою благожелательность относительно ЗСТ. На официальной церемонии, посвященной десятилетию ОЕЭС, заместитель госсекретаря Гертер заявил о поддержке переговоров и пожелал им успеха. Далее в ноябре 1958 г., отвечая на вопрос журналиста, заявил, что идея создания зоны низкотарифной торговли, созданной "на более широкой, чем шестисторонняя, основе, находится в полном соответствии с нашей точкой зрения"¹¹.

В то же время перед крахом переговоров в середине декабря 1958 г. некоторые делегации обращались к американскому наблюдателю с просьбой о посредничестве, но получили отказ. Вашингтон не сделал ничего, что могло бы предотвратить крах переговоров.

После этих событий Британия форсировала создание альтернативного Общему рынку интеграционного объединения, приведшее в 1960 г. к образованию Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Официальная реакция США была довольно доброжелательной. Так, в мае 1960 г. заместитель госсекретаря по экономическим вопросам на сессии в рамках ГАТТ заявил, что Конвенция о ЕАСТ представляет собой "важный шаг" в области устранения торговых барьеров и достижения "гармонии" с духом и "целями ГАТТ"¹². Однако, по мнению некоторых авторов, в действительности создание ЕАСТ было встречено Вашингтоном с "холодностью, временами переходящей во враждебность"¹³. Еще более настороженно США относились к идее "наведения моста" между европейскими экономическими группировками, так как возможное создание всеевропейской торговой системы означало нарастание трудностей для американского экспорта и усугубление проблемы платежного баланса США. Более того, образование такого союза не только не сулило каких-либо политических выгод, но могло помешать и проявлению политического потенциала, заложенного в Общем рынке. В целом США предпочли поддерживать ЕЭС, осознавая в то

же время угрозу потенциального раскола Западной Европы на две соперничающие экономические группировки, поэтому Вашингтон счел приемлемым такой вариант развития событий, при котором отдельные страны - члены ЕАСТ и прежде всего Великобритания стали членами Общего рынка. Кроме того, американцы предприняли ряд мер по преобразованию в 1960 г. ОЕЭС в ОЭСР, что позволило Соединенным Штатам наряду с остальными более эффективно влиять на решение проблемы "Шести" и "Семи", так как, по словам заместителя госсекретаря Дугласа Диллона, эти проблемы могли бы "ослабить единство свободного мира"¹⁴.

Оценивая роль Вашингтона в переговорном процессе по ЗСТ и в дальнейших событиях в целом, мы не склонны считать, что американцы изначально были настроены против создания в Европе экономической группировки, придерживающейся принципов свободной торговли. Об этом, в частности, свидетельствуют как официальные заявления, так и служебные документы госдепартамента. Более того, в Вашингтоне прекрасно понимали, что функционирование Общего рынка с его единым таможенным тарифом скорее всего приведет к затруднениям для американского экспорта в эти страны, объем которого (1447 млн. долл.) в 1953 г. составлял только около 9% от общего объема американского экспорта (15616 млн. долл.)¹⁵.

Основная причина поддержки Вашингтоном ЕЭС в ущерб ЕАСТ кроется, на наш взгляд, в другом. Последняя была объединением, нацеленным на решение каких-либо конкретных экономических задач, не предполагавшим решений по образованию наднациональных структур, и казалась чисто коммерческим предприятием. Иное же направление в европейской экономической интеграции предполагало наличие наднациональных органов с передачей им части национального суверенитета в экономической, а затем в военной и политической областях. Общий рынок представлял собой структуру с солидным политическим потенциалом и развитым бюрократическим аппаратом. Вашингтон сделал ставку на Общий рынок, прежде всего исходя из военно-политических планов по укреплению политического единства своих союзников по атлантическому сообществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Winand P. Eisenhower, Kennedy and the United States of Europe. NY, 1993. P. 65.

²Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). 1955-1957. Vol. 9. Wash., 1987. P. 290.

³Ibid. P. 25; FRUS. Vol. 4. Wash., 1986. P. 329; Winand P. Op. cit. P. 17.

⁴FRUS. Vol. 4. Wash., 1986. P. 399.

⁵Ibid. P. 465.

⁶Ibid. P. 484-485.

⁷Ibid. P. 127, 535-536.

⁸Anglo-American Relations since the Second World War. L., 1974. P. 133.

⁹FRUS. Vol. 4. Wash., 1986. P. 634, 638, 640, 564-565.

¹⁰Цит. по: Beloff M. The United States and Unity of Europe. Westport, 1976. P. 93.

¹¹American Foreign Policy. Current Documents. 1958. Wash., 1962. P. 534, 538.

¹²American Foreign Policy. Current Documents. 1960. Wash., 1964. P. 352-353.

¹³Camps M. Britain and European Community. 1955-1963. Princeton. 1964. P. 236.

¹⁴Documents on American Foreign Relations. 1960. NY, 1961. P. 328.

¹⁵Krause L. European Economic Integration and the United States. Wash., 1968. P. 29.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПОДДЕРЖКЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В США И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Как показал мировой опыт, малый бизнес является питательной средой для среднего класса общества, который, в свою очередь, служит основой стабильности любого государства. В этом смысле достаточно интересна попытка проведения сравнительного анализа роли государства в поддержке малого бизнеса в одной из самых развитых капиталистических стран - США и в стране, которая пытается сегодня возродить богатейшие традиции предпринимательства прошлого, - России.

В США, как правило, фундированные государством организации обеспечивают поддержку и информационные услуги для предприятий малого бизнеса. Их основными задачами являются экономическое развитие (создание и поддержка новых рабочих мест) и облегчение управления деловым предприятием. Сюда входят различные услуги: специальные информационные телефонные линии, универсальные информационные центры, обучение и информационные форумы, помощь и консультационные услуги, финансирование автомобилей и т.д. Они держатся в стороне от политических кампаний и не пытаются воздействовать на членов Конгресса. Однако они организуют форумы и помогают бизнесменам сообщить свои интересы государству. Наиболее крупные организации - администрация малого бизнеса США и департамент торговли Соединенных Штатов, консульство частной промышленности.

В России существующий на государственном уровне комитет поддержки предпринимательства с 1992 г. рассматривает и утверждает региональные программы развития малого бизнеса как составные части общероссийской программы. На сегодняшний день подобные программы приняты в 36 регионах России. Их основная цель - содействовать развитию инфраструктуры бизнеса, в частности созданию бизнес-парков, бизнес-инкубаторов, предпринимательских центров, научных парков, агентств поддержки предпринимательства. В 69 регионах созданы фонды поддержки предпринимательства и развития конкуренции. Организационно - правовая форма региональных фондов разнообразна: государственное учреждение, государственное предприятие, некоммерческая организация, общественное объединение,

товарищество с ограниченной ответственностью, акционерное общество закрытого типа, акционерное общество открытого типа.

Наибольшего внимания в США заслуживает практическая деятельность администрации малого бизнеса. Общая программа займов этого федерального агентства представляет большую часть работы агентства по займам. Программа способствует формированию и росту предприятий малого бизнеса, гарантируя до 90% сумм, предоставленных коммерческими кредиторами. За период с 1980 по 1990 г. агентство обеспечило гарантии для 180 тысяч займов общей стоимостью более 31 млрд. долл.

Программа инвестиционной компании малого бизнеса сочетает частный капитал с гарантированными агентством фондами для обеспечения капитала, а также для основания или расширения предприятий. Эти компании инвестировали более 10 млрд. долл. почти 70 тысячам предприятий малого бизнеса. Программа агентства по микрозаймам предоставляет небольшие займы, чтобы помочь предпринимателям в небольших городских районах основать предприятия.

Администрация малого бизнеса обеспечивает экспортное финансирование предприятий по обычным и специализированным программам гарантированного займа, которые предлагают рабочий капитал и долгосрочное финансирование с целью развития экспорта.

Программы по развитию предприятий являются основным стимулом для развития и роста современного малого бизнеса, предоставляя информацию о маркетинге и обучении. Программы уделяют особое внимание консультациям, обучению управляющих кадров, международной торговле, мероприятиям для ветеранов, инициативам женщин и ресурсным партнерствам.

Важную роль в поддержке малого бизнеса играют неприбыльные организации, в которых работает около половины всех американцев. К неприбыльным организациям относятся частные школы и церкви для меньшинства, отделы развития общества, торговые палаты, благотворительные учреждения, клубы, кондоминиумы, фонды, больницы, трудовые объединения, библиотеки, музеи, религиозные организации, исследовательские институты, организации общественных услуг, торговые ассоциации и т.д.

Торговые и профессиональные ассоциации - неприбыльные деловые организации, которые обычно соревнуются между собой и работают вместе из желания улучшить экономическое положение.

Основными источниками финансирования региональных фондов в России являются соответствующие бюджеты, средства от приватизации государственных предприятий, имущество учредителей, доходы от деятельности фонда, возврат кредитных сумм от заемщиков, добровольные взносы юридических и физических лиц.

В целом региональные фонды поддержки предпринимательства в 1993 г. профинансировали предпринимательские проекты на сумму 29,2 млрд. руб., в 1994 г. выделено из бюджетов регионов на поддержку малого бизнеса до 52 млрд. руб., а в 1995 г. эта сумма составила 240 млрд. руб. (по данным Фонда поддержки предпринимательства и развития конкуренции).

Ряд региональных фондов в настоящее время располагают достаточно значительными средствами на поддержку малого бизнеса, сопоставимыми с объемом средств, выделяемых на эти цели на федеральном уровне. Например, Нижегородский фонд поддержки предпринимательства и развития конкуренции получил из областного бюджета в 1993 г. 2 млрд. руб., в 1994 г. - 4,7 млрд. руб.

Объем средств, направленных на поддержку малого бизнеса, поступает в основном из 4 источников: из бюджета субъектов РФ (43,4%) без учета кредитов банков; внебюджетных источников (16,1%); из фондов занятости населения; бюджетного фонда поддержки предпринимательства (12,2%).

Одним из основополагающих вопросов в системе поддержки малого предпринимательства является вопрос о критериях предприятий малого бизнеса. В настоящее время в Российской Федерации действуют критерии, изложенные в постановлении Совета Министров РСФСР от 18 июля 1991 года №406 "О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР". В соответствии с п.3 данного постановления к малым предприятиям относятся предприятия всех организационно-правовых форм, установленных Законом РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности", как вновь создаваемые, так и действующие, со среднесписочной численностью работающих не превышающей 200 чел., в том числе: в промышленности и строительстве - до 200 чел., в науке и научном обслуживании - до 100 чел., в других отраслях производственной сферы - до 50 чел.

До декабря 1993 г. в РФ единственным критерием предприятий малого бизнеса являлась среднесписочная численность работающих на них.

Однако 22.12.93 г. вышел Указ Президента РФ №2270 "О не-

которых изменениях в налогообложении и во взаимоотношениях бюджетов различных уровней", в котором указывается, что под малыми предприятиями понимаются предприятия со среднесписочной численностью работающих, не превышающей 200 человек, доля государственной, муниципальной собственности, собственности общественных организаций в уставном капитале которых составляет не более 25 процентов.

Таким образом, в настоящее время в РФ существуют два критерия предприятий малого бизнеса - среднесписочная численность работающих и доля частной собственности в уставном капитале предприятия.

В целом же надо отметить, что если в США организации, поддерживающие малый бизнес, опираются в основном на частный капитал, прибегая лишь к государственным гарантиям по возврату денег, то наши структуры живут преимущественно за счет бюджетного финансирования, планируя выход на частичную самоокупаемость к 1997-1998 гг. В России более заметна зависимость этих организаций от государственных структур, недостаточно четко оформлена, в отличие от США, нормативно-правовая база их деятельности. Кроме того, если в США инфраструктура малого бизнеса более или менее равномерно распределена по всей территории страны, то у нас несомненными лидерами являются - Москва и Санкт-Петербург. Но в последние годы достаточно быстрыми темпами растет малый бизнес и за Уралом. Рост бизнес-инфраструктуры за Уралом объясняется наличием более дешевой, но в то же время достаточно высококвалифицированной рабочей силы, широтой рынка, достаточно большой номенклатурой выпускаемой продукции и услуг.

**ДИСКУССИИ В США О СТРАТЕГИИ В
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА "AMERICAN POLITICAL SCIENCE REVIEW"**

Главным фактором, вызвавшим необходимость изменения внешней политики США, явилось окончание "холодной войны", которому предшествовали развал Берлинской стены и распад СССР. Развал Советского Союза означал ликвидацию биполярной структуры международных отношений, нарушение традиционных связей и путей решения разного рода международных конфликтов. В период "холодной войны" выход из осложнившихся международных ситуаций всегда искали одна или обе супердержавы.

После ликвидации советской супердержавы США остались одни на международном политическом Олимпе. Россия занялась решением внутренних социально-экономических и политических проблем, ее роль в урегулировании конфликтных международных ситуаций упала. В то же время окончание "холодной войны" отнюдь не способствовало прекращению локальных, этнических конфликтов в мире.

Изменения в расстановке международных сил поставили в США ряд вопросов относительно определения стратегии на будущее и выработки механизмов решения международных конфликтов. За выполнение этих задач взялись госдепартамент, представители вооруженных сил, ученые - политологи, международники, экономисты. На страницах журнала "American Political Science Review" - одного из ведущих изданий Американской ассоциации политических исследований, объединяющей политологов страны, представлены статьи и обзоры выходящей в США литературы по внешнеполитическим проблемам.

Ведущая роль в процессе выработки стратегии в международных отношениях в условиях окончания "холодной войны" принадлежит госдепартаменту. Ему предстояло разработать стратегию в отношении к России, новым независимым государствам и структуру будущего мирового порядка.

Известно, что администрация Буша считала, что США играют ведущую роль в процессе перехода мира к демократической системе государств с открытой экономикой. Заявления Б. Клинтона в ходе президентской предвыборной кампании свидетельствова-

ли о приверженности тем же позициям при определении стратегии внешней политики: "Защита свободы и продвижение демократии по всему миру не только отражают наши самые большие ценности; они служат также нашему национальному интересу"¹. Однако в среде неоконсервативных кругов стали высказываться сомнения относительно целесообразности следования курсу экспорта демократии ввиду сложности, длительности и высоких затрат этого процесса и склоняться к осуществлению идеи поддержания экономического и военного превосходства США². После возникновения ряда международных конфликтов пришло осознание того, что США стало сложно с ними справляться, что подобные конфликты будут более вероятными, выйдя из подчинения супердержав.

Среди американских политологов разгорелись дебаты относительно определения новой стратегии внешней политики США. Одна группа ученых отмечает, что конец "холодной войны" ознаменовал признание сильных позиций США в мировой системе. Однако эта система находится в беспорядочной, противоречивой ситуации, очень опасной для США, что затрудняет определение американской оборонной политики. В книге С. Симбалы ("Collective Unsecurity: U.S. Defence and the New World Disorder") отмечается, что "коллективная безопасность" не является более ведущим направлением американской внешней политики, что США могут стать жертвой "коллективной небезопасности", тем самым подчеркивая и сложность, и значимость определения основного направления внешней политики³.

В некоторых работах обосновываются претензии США на гегемонию в международной системе. Так, в книге Л. Брилмейера ("American Hegemony: Political Morality in One-Super-power World") высказывается идея о предоставлении стране-гегемону права создания международных принципов и норм для обеспечения легитимности действий, что, по мнению автора, явится мощной защитой многосторонних решений. Как в свое время члены Совета Безопасности давали согласие на действия в рамках коллективной безопасности, а государства, не являвшиеся членами Совета Безопасности, соглашались с этими решениями⁴.

Авторы других работ обращаются к идее усиления роли международных организаций, таких как ООН или региональные организации (прежде всего НАТО), в деле разрешения конфликтных ситуаций. В связи с этим вновь поднимается вопрос о необходимости создания международных норм для легитимности действий таких организаций⁵. Очевидно, что последние две идеи

неразрывно связаны друг с другом, США должны стать той страной, которая установит правила игры для функционирования и принятия решений в конфликтных ситуациях международными организациями. Обновление структуры НАТО, укрепление позиций военно-политического блока в Европе в последнее время свидетельствуют о намерениях реализовать эти идеи.

Другая позиция американских исследователей связана с опасением разделить в будущем участь развалившегося Советского Союза в том случае, если США не изменят своего внешнеполитического курса. Авторы убеждены в том, что первостепенное значение в современном мире имеет здоровая экономика. Скорее всего появление этих тенденций в настроениях американских исследователей связано с усилившимся ощущением неуправляемости транснациональных экономических процессов, а также осознанием того, что лидерство в мире смогут обеспечить прежде всего экономическая и военная мощь государства.

Итак, основные расхождения в позициях американских политиков и политологов можно свести к стремлению избежать дальнейшего вовлечения в решение мировых проблем, с одной стороны, и желанию взять процессы становления международных отношений в изменившихся условиях под свой контроль - с другой. По сути дела, различие позиций напоминает известные дебаты изоляционистов и интернационалистов в прошлом.

Судя по действиям США на международной арене в последние годы, представляется очевидным, что госдепартамент определенно стоит на интернационалистских позициях, хотя его стратегия в области внешней политики пока недостаточно ясна. Однако очевидными представляются важнейшие проблемы, которые активно обсуждаются ведущими американскими политиками и учеными: определение роли США в мировой политике; расширение функций международных организаций и усиление в них позиций Соединенных Штатов; изучение перспектив в развитии российско-американских отношений.

Относительно стратегии в отношении России специальных работ в данном издании не оказалось. Однако по отдельным замечаниям разных авторов создается впечатление, что неопределенность приоритетов России во внешнеполитической деятельности в значительной степени затрудняет Соединенным Штатам процесс определения стратегии в международных отношениях. В то же время в работах американских ученых отмечается популярность националистических программ в России, что объясняется неудовлетворенностью простого населения падением пре-

стижа и прежнего статуса страны⁶. Один из авторов определяет характер государственного строя будущей России следующим образом: "Сильное, авторитарное, бюрократическое, централизованное государство, стоящее над обществом и социальными изменениями, разновидность коммунизма без коммунистов"⁷. Можно предположить, что в среде американских политиков остаются те, кто сохраняет опасения по поводу непредсказуемости России и не сбрасывает со счетов ее активного влияния на международной арене, а также появляются лица, спешащие вычеркнуть Россию из числа великих держав мира.

После непродолжительной эйфории по поводу одержанной победы в "холодной войне" имела место некоторая растерянность в военных кругах, оказавшихся перед необходимостью определения новой стратегии для вооруженных сил, типов войн и конфликтов, в которые американская армия может быть вовлечена. Политика "сдерживания" Советского Союза, подкрепляемая большими военными расходами, исчерпала себя. "На смену доктрине сдерживания должна прийти стратегия расширения - расширения мирового сообщества свободных рыночных демократических государств. В стратегии расширения должны сочетаться широкомасштабные задачи по укреплению демократии и рынка с традиционными геополитическими интересами США" - так заявлял глава Совета национальной безопасности Энтони Лейк⁸. В ходе предвыборной президентской кампании Б. Клинтон отмечал необходимость пересмотра общей концепции развития американских вооруженных сил "с обороны против советского вторжения в Западную Европу на переброску их туда и тогда, где и когда возникнет угроза национальным интересам". "же в то время будущий американский президент говорил о необходимости дальнейшего совершенствования и создания новейшей техники".

В сентябре 1994 г. состоялась конференция по проблемам отношений гражданских политических кругов с военными, подготовленная Центром стратегических и международных исследований и Институтом стратегических исследований военного колледжа сухопутных сил США. На этой конференции обсуждался вопрос об определении роли и функций вооруженных сил в изменившихся условиях. Известно, что некоторые консерваторы рассматривали варианты расширения и усиления роли военных в решении внутренних и внешних проблем (например, в борьбе с наркотиками или выполнении функций посредника в этнических конфликтах по всему миру). Подобная позиция находила

поддержку вооруженных сил, обеспокоенных поиском серьезного основания, которое не позволило бы Конгрессу резко сократить военный бюджет. В этой ситуации необходимо было либо найти нового врага (в качестве этого варианта рассматривалась и Россия), либо предложить новую стратегию. Таким основанием стала стратегия необходимости сохранения сильных и подвижных американских вооруженных сил, способных принять участие в потенциальных конфликтах в "третьем мире" и в конфликтах с участием развитых индустриальных стран. Новая стратегия давала возможность заявить о потребности в новейших технологиях, а значит, сохранить военный бюджет. Поэтому достаточно логичным является мнение авторов книги "U.S. Civil-Military Relations: In Crisis or Transition?", вобравшей материалы вышеуказанной конференции, о том, что начиная с президентской кампании 1992 г. влияние военных кругов на президента США стало возрастать¹⁰. Судя по всему, фактор силы остается важнейшим инструментом для решения международных проблем американской администрации.

Таким образом, обзор материалов ведущего политологического журнала США позволяет сделать вывод о том, что ликвидация биполярной международной системы ввергла Соединенные Штаты в сложный, длительный и рискованный процесс формирования структуры международной системы, ее основных механизмов, процесс, сравнимый по значимости и масштабам с важнейшими периодами в истории XX в., связанными с окончанием обеих мировых войн.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ США: экономика, политика, идеология. 1993. № 5. С. 5.

² Там же. 1996. № 2. С. 29.

³ American Political Science Review (Далее: APSR). Sept. 1996. P. 691.

⁴ APSR. March. 1996. P. 231.

⁵ APSR. Sept. 1996. P. 694-695.

⁶ Ibid. P. 692-693.

⁷ APSR. June. 1996. P. 460-461.

⁸ Лейк Э. Новая стратегия США: от доктрины "сдерживания" к "расширению" // США: экономика, политика, идеология. 1994. №3. С.31.

⁹ Там же. 1993. № 5. С. 11.

¹⁰ APSR. Sept. 1996. P. 706.

KRESY OR THE EDGE OF EUROPE*

It is not my desire to transform the idea of the Kresy (or Borderland) into a political construct-into a kind of Poland's "near abroad". Vytautas Landsbergis, who is fond of such quips, once equated the two. Landsbergis reflects a general view of nationalist politicians who I think seriously misread postcommunist Poland's initial fondness for its eastern neighbor as "romantic" nostalgia for *Rzeczpospolita obojga narodow'* -assuming that Poland needed Lithuania more than Lithuania needed Poland. Poland's renewed interest in the former Kresy is not a relic of "imperial" thinking - or of Soviet feudalism, as Gintautas Vysniauskas has suggested. Virtually no one in Poland is seriously interested in expanding east. After half a century of domination by the East, the turn towards the liberal West, or "joining Europe," has been a priority in Poland since 1989. It is pursued with unprecedented zeal colored by the "myth of freedom" that the West represented for years. To be sure, widespread romanticization of the Kresy - an ethnic mosaic on the fringes of "Latin" culture - exists but the Kresy is no longer. The Red Army put an end to the Kresy on September 17, 1939.

The Kresy in my sense is not Poland's eastern border, nor are Vilnius, or Grodno, or Minsk, or Lvov or Kiev for that matter border towns by any stretch of imagination. Nor is it my intention to reawaken prewar self-perceived visions of Poland as a stronghold of civilization by which to gauge the "less developed" lands to the East. Polish influence in the Kresy was to a certain extent a myth even before the outbreak of World War II, even though significant Polish populations existed in the region at the turn of the century. They often represented social elites, not only in Kaunas, Vilnius and Lvov, but also in Minsk (20%) and even Kiev (14%). Until the holocaust, the mass resettlements, border changes and the elimination of East Prussia, the region was a blend of cultures--Balt, Yiddish, Karaim, Ukrainian, Belorussian - dotted by Polish pockets--which even then were never really secure in their leadership role.

I am raising the idea of the Kresy, this time as the frontier of new Europe, to test the myth of the cultural divide between the West and the East in the postcommunist context:

- What, if anything, remains of that "world on the edge" of imagi-

nation that for so long has been central to shaping Polish national identity?

- Is that cultural myths superimposed on the emerging rift that seems to be running roughly along Poland's eastern border?

- How much of the nostalgia for the *Kresy* in Poland is an obstacle to developing relations with its neighbors, particularly with Lithuania which - perhaps because of a common romantic past - came to represent in postwar Polish opposition literature the incarnation of the *Kresy* ideal?

- Is the myth a factor in the debate over European integration and NATO's expected enlargement to Poland's eastern border?

The *Kresy* historically has been seen as a region without strong national traditions, as the multi-ethnic lands squeezed between Europe and "Eurasian" Russia. That the national traditions were stronger on the western tier of the Soviet empire than elsewhere, as Professor Alfred Senn's recent book, *Gorbachev's Failure in Lithuania* illustrates, dispels that myth of the *Kresy*. It is no accident that the moral fissure in Soviet mentality occurred in the Baltic states, and particularly in Lithuania, because of strong nationalist feelings.

By contrast, the fall of communism in Poland brought on a revival of the interest in the *Kresy* - a taboo subject for nearly half a century of communist rule. If there was some room for discussion in Germany, the border shifts that occurred in Central Europe in the aftermath of World War II are a deep, not well understood wound in the Poland's national psychology. In a different way, the border shifts and the underlying human tragedy have also had a profound impact on the psychology of the newly independent states on the western tier of the former Soviet empire, Lithuania, Belarus and Ukraine. Moving Poland West to the Oder and Nysa line and the elimination of German East Prussia has reshaped the mentality of generations in Central Europe. The *Kresy* has been the repressed image of the PRL-Poland ideology which is why its articulation became important iconography for the culture of the opposition to the regime.

The Soviet policy that brought on the vast post-war shifts in population was, as Czeslaw Milosz observed, a continuation of the centuries-old tsarist expansionism westward. Milosz even suggests that the uncertainty brought on by the shifting of borders and the uprooting of peoples underlies the violence in the region, contributing to the holocaust. Certainly the bloody postwar confrontations between Poles and Ukrainians can be understood in the light of mass displacement of populations in the region. If during the war Polish nationalists threatened Ukrainians with mass deportations, the post-

war period, according to Ryszard Torzecki, saw a mass exodus of 350,000 Ukrainians from Poland, even before the Rzeszow action, which deported 140,000 Ukrainians to the Soviet Union (300-301).

The holocaust, massive deportations into the Gulag in the aftermath of World War II, the resettlement of Poles and Sovietization of the region have altered its character forever. The population figures affected are staggering. Before the war more than a quarter of a million Jews lived in Lithuania, now they number a few thousand. In the Ponary forest on the outskirts of Vilnius alone, anywhere from 70,000 to 120,000 of mostly Jews but also Poles were slaughtered by the Lithuanian special units on orders of the Gestapo. In the Kaunas region over 100,000 Jews were exterminated or executed. According to Bohdan Skaradzinski's demographic estimates, between 1939 and 1959 Lithuania may have lost almost entirely at the hands of the Soviets as much as 1/4-1/5 [about 670,000] of its ethnic Baltic population. Albin Glowacki estimates that in 1940-1941 alone more than 325,000 Polish citizens were deported East from the *Kresy* region by the NKVD(24). Lithuania's capital Vilnius, which, according to the 1942 census, was 71.9% Polish, is today about 18.6%. Important to underscore is the human tragedy that underlies these figures and the impact it had on the psychology of the region. The Soviet experience wiping out or ideologically distorting historical memory, as I have argued elsewhere, had a deeper effect on the mentality in the region than the postcommunist elites are willing to admit.

What is the *Kresy* for this period of postcommunist development when Europe and Western values have been pushed East? Is there a gap between the former Soviet satellites and the former Soviet republics? The rhetorical divide between "us" and "them" to reinforce national identity leans emotionally on the fault line that runs across Europe in this region separating "the haves" from the "have-nots" which half a century of communist regimes only deepened. Today, the fault line, as Andrew C. Janos has argued, runs Northwest to Southeast, separating the Visegrad-four and Slovenia from their Southern and Eastern neighbors, to which I would add with much reservation, the states which have emerged from the former Soviet region. The fault line manifests itself in the region in the conflict between the Euroenthusiasts and Eurosceptics - on the one hand, the advocates of civil society open to European integration; on the other, the proponents of ethnocentric states based on common bloodlines, cultural traditions, and language.

Admittedly, the fault line separating Europe from the "ill-defined" East is deeper in some places than in others. It is not as clear-cut with

regard to the Baltic states, Slovakia (or for that matter Croatia) and will likely be pushed East with potential future development of the region. The geographical center of Europe is marked with a slab of black marble 10 miles north of Vilnius, but the country where the marker is located is really on Europe's edge. Poland's prime minister recently proposed expanding CEFTA to include Lithuania. If NATO enlargement to include the Baltic states in the near future seems unrealistic to most Western analysts, nonetheless some Lithuanian politicians expected Poland's defense minister Zbigniew Okonski to support Lithuania's NATO bid during his recent Washington visit. Even in Moscow the fault line is implied in reactions to NATO enlargement into Central Europe. In short, the fault line does exist, the question is - who is on the edge?

I would argue that, at least for the time being, there are significant differences between the former satellites and the former republics and that the sense of economic and political uncertainty is broadly speaking significantly deeper in the former republics. In countries where urbanization of the countryside came late, communist ideology anchored itself in peasant ethos and traditional egalitarianism of village life. The communist system supplanted patriarchal authority with state apparatus and distorted familial bonds by a larger than life appeal to the human community.

Religious communalism and ideals of social justice were turned into instruments of social repression and individual mind control. In the states on the western tier of the former Soviet empire, the migration from the country to the city was helped along by the carnage of the holocaust and the mass deportations of the population in the aftermath of World War II which virtually emptied towns and cities of the former *Kresy*.

The fault line is expressed by the ethnic rift and the resurfacing of nationalist ideologies. Subjectively, de-Sovietization has been more successful than decommunization in the former Soviet states. Even in Lithuania, where comparatively small minority populations should not be a threat, the deeply ingrained Soviet mindset manifests itself in nationalist sloganeering and ritualized patterns of behavior that mimic the prescribed roles of the old order. The dependence on the paternalistic state, which for years asserted its control by policing institutions and an elaborate patronage network, bred authoritarian patterns of behavior and created a "supervised" individuality, a publicly conformist and self-censuring persona. Arguably, the ideological mind freeze cracked, but how deep is the fissure? While living under communism did not always demand individuals to play the role, it

nonetheless did involve a great deal of accommodation in public and private lives. Decreasing coercion after Stalin's death did permit a degree of self-expression, but the residual effects of state terror and control affect the psychology of the region, particularly in the former Soviet Union where the repression was more intense. Small wonder that the old ideology resurfaces in postcommunist rhetoric. It affected home life and ethical behavior as well.

By contrast in Poland, Lithuania became an image of overcompensating for a wounded psychology of post-war years. Czeslaw Milosz writes of the biological need to have roots and of the tragedy of exile, which in the Polish conscience is indelibly bound up with the *Kresy* and the Grand Duchy of Lithuania. For Czeslaw Milosz, Lithuania is the mythic northern land where all is an anachronism, a timeless memory. This image of Lithuania is mythic and stands apart from history and locality--as a deeply felt personal locality and an ambivalent symbol. On the one hand, it is a sort of lost Eden, a homeland; on the other, it is a strange land where no trace of you remains. The sense of being uprooted leads to personalization of history and clinging to recollections from childhood. The counterpoint to the objective fact of exile is internal self-exile.

Similarly, Tadeusz Konwicki is caught between there and then (in Lithuania) and here and now (in Poland). He expresses a sense of self-exile from a world which is gone. "I don't remember of where I came from and where I'm going". He cannot quite adapt or accept and finds himself feigning his Polishness on the edge of sleep and revelation. It is not so much that the dreams block out contemporary realities. Konwicki acknowledges the wound and expresses the vulnerability of exile cast adrift in an alien world. For all the detailed descriptions of the Kolonia (Pavilnius) landscape, the sense of rootlessness is deeply felt: "I don't aim at anything. I wait firmly at the awakening which will be my final sleep". He no longer belongs to the experience which nonetheless is a part of him and moves him. The "gone with the wind" nostalgia for lost youth, the longing for the homeland and values which are no longer, I believe, are a critique of romantic myths, an attempt to come to grips with the end of the *Kresy*. It has more to do with the human dimension of that line of demarcation that made that "other Europe" "Eastern," that is to say, less and less European with the Molotov-Ribbentrop pact, Yalta and the Berlin Wall.

The sense of alienation expressed by *Kresy* writers is not an expression of a psychological condition but a symbolic expression of something ill-defined and immeasurable - a struggle to accept the

modern world where it is impossible to go back. And if there is a nostalgia for the lost home in the *Kresy*, that remembered world contains within it the kernels of future postcommunist transformation. For the *Kresy* writers, such as Miłosz and Konwicki, that recollection of their Lithuania, that shattered dream, was a n invective against an ideological world that lost its values, sense of history and roots. The emigre muse was divided: 1) the outer persona adopted and even accepted the locality to which it was damned; 2) the inward gaze of the person turned to the familial homestead. Even Poland became a strange land. The *Kresy* writers expressed that sense of finding no place in communist Poland. And really they expressed the fear of becoming, shadowless and ahistorical, like the new Soviet man, unburdened by the past or memory. In part, even the neo-absurdist trend in Polish culture - as for example in Witold Gombrowicz - can be understood in the context of the Nazi invasion and communist realities sending the exile as far as Argentina - really to another planet.

The idealization of the *Kresy*, and of Lithuania in particular, continues to present day. Over time, the *Kresy* as a cultural image changed from the romantic legend of frontier outposts in which knights guarded the gates of Christendom, to lands under Russian occupation, to "the region on the edge" with some cultural affinities. For centuries, Lithuania, not unlike the agrarian South for the United States, was a source of inspiration for Poland, a birthplace of many of its greatest historical figures: Adam Mickiewicz, Juliusz Slowacki, Eliza Orzeszkowa, Tadeusz Kosciuszko, and in this century, Josef Pilsudski, Czeslaw Miłosz and Tadeusz Konwicki. In Czeslaw Miłosz's writing but also in Lithuanian writers like Tomas Venclova, the multi-lingual, multi-cultural and multi-religious Grand Duchy is the land of tolerance, the alternative to xenophobia and provincialism that plagues many of the newly independent states.

The romantic mythologizing of Lithuania in Poland is often perceived as a threat to national integrity of the Baltic state. Moreover, the resistance to the agreements with Poland in Vilnius is not political claptrap or an anomaly but still a way of making a political career. If the threat from Poland isn't real, it nonetheless has affected relations between the two countries. The myth of the Grand Duchy is very real in the region. If Lithuanians have pulled back from the "tough" stands of the Landsbergis government to a posture of caution, proponents of independence in Belarus often invoke the traditions of the Grand Duchy when looking for regional cooperation (for example, Stanislaw Husak's proposed Intersea league as a way out of

dependence on Russian markets and energy sources). Such appeals to common history and cultural heritage fall on deaf ears in Lithuania.

For a Lithuanian, the Polish Kresy myths is residual imperialism, not unlike Soviet imperialism. For a Pole, it represents a reawakening of a cultural roots in the struggle for independence and European values which Poland represented stifled by communism. The views are in fact not in conflict. The perceived conflict is a misapprehension rooted in different postwar histories of a former republic and a former satellite. The future of Central Europe depends on whether the Kresy will join Europe. The emerging elites in Lithuania are slowly recognizing that antagonistic nationalist rhetoric is a thing of the past, and not the way to Europe. By the same token, a more pragmatic approach to its eastern policy by Poland, now perceived as the leader in Central Europe and likely NATO member, is likely to force Vilnius to rethink its geopolitical role more realistically. While Lithuania, like the other Baltic states, has looked to Scandinavia for models, it is also slowly opening up to Poland and Central Europe with which it shares a common history, overcoming past complexes and edging West.

* The views expressed in this article are the author's and do not represent the position of the Library of Congress or United States government.

Lyubov Kitchigina
*Deputy Director of the American Information Resource Center,
adviser*

THE EDUCATIONAL ADVISING CENTER IN TOMSK

The USIS Educational Advising Center (EAC) is one component of the USIS/Moscow - sponsored American Centers. The other component is the American-style, English Language library. The whole structure is called the American Information Resource Center. The EAC in Tomsk is one of four Russian Mini-centers that were created by contract between USIS-Moscow and a local establishment, such as a library, institute, or university. In all cases, the Russian side provides the staff, adviser salary, and a secure space for the center. At all 4 Russian Mini-centers, USIS provides staff training and the centers' equipment. The Tomsk EAC is located in the American Information Resource Center on the premises of the Scientific Library at the Tomsk State University.

HISTORY. The Contract to organize such a center was signed between USIS/ Moscow and the Scientific Library of the Tomsk State University in September 1993. According to the Contract, USIS/Moscow was going to send information resources, computers, printers, fax, Xerox, TV and VRC. As for the Scientific Library, it was planning to give premises for the center, a room for the American Library and a room for the EAC. The space given needed much repair work. Besides whitewashing, painting, and putting in parquet floors, we had to change the electric wires. The building of the Library was constructed at the beginning of the century and it needed much repairing works. Neither of the parties could offer any sums of money. It was difficult to believe that somebody would come and give us the necessary sum of money to organize the center, but we had to try. Ideas are incredibly powerful things when mixed with clarity of purpose, persistence, and a burning desire for translation into reality. We had our goal, and we needed to determine how to realize our idea. We began to think who could give us necessary sum of money. We were trying to find powerful people who had money, who could and would donate some of it. The first on our list were the banks and city administration, as they both really had money and might be persuaded to donate some of it. Then we compiled the set of documents that could help us to attract the attention of the important people in our city to our problem. Not all of our attempts were successful, as not all people we contacted could understand how they could benefit by helping us.

But in the long run we managed to get money to repair the premises, to buy furniture. The process of opening the center took half a year. We opened the doors of the center for visitors in May 1994. The Grand Opening Ceremony took place in February 1995. We are promoting the EAC and trying to develop. In October 1995 we organized the First Siberian Educational Advising Workshop for advisers, representatives of the Tomsk Universities, students. Everything that is connected with the EAC is done for the first time. So, the First Students' Fair was conducted in April 1996.

GOAL. The EAC provides information and advice to individuals who wish to study in the USA.

Our center gives intensive, comprehensive information to understand the US Education System and to apply to US Universities individually and through the USIA Programs or to prepare for further study and career opportunities to individuals with highly qualified and experienced advisers utilizing the latest information and techniques.

The center has established formal links with a number of US universities, colleges, ELS Centers, USIS/Moscow, IREX, ACTR IIE/Moscow and so on. Through the center support, students can be enrolled and accepted into some of US Universities.

RESOURCES. Resources include an intensive collection of University prospectuses, Undergraduate, Graduate and Postgraduate reference materials, Test preparation guides and audio materials, Test Bulletins, CD information about US universities, a collection of University videos.

EAC GROUP ADVISING ACTIVITIES. The EAC offers individual advising sessions by appointment, weekly group advising sessions on various topics such as: System of the US education; Application Process to US Universities; Funding for US study and financial aid; Standardized Tests: TOEFL, GRE, SAT, GMAT; Statement of Purpose, USIA Fellowship Programs; How to write a resume. In addition to individual and group advising activities we organize lectures conducted by American Professors, video shows, Students' Fair. Our friendly staff are always on hand to help students to get information, to analyze it, to use it for their needs.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГЛАК - Государственный архив Алтайского края
ГАИО - Государственный архив Иркутской области
ГАКК - Государственный архив Красноярского края
ГАКО - Государственный архив Кемеровской области
ГАОО - Государственный архив Омской области
ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации
ГАТО - Государственный архив Томской области
ГАЧО - Государственный архив Читинской области
ИИ СО РАН - Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук
ЗСО ИРГО - Западносибирское отделение Императорского Российского географического общества
НБ ТГУ ОРК - Научная библиотека Томского госуниверситета
Отдел редких книг
ООЦДНИ - Омский областной центр документации новейшей истории
РГБ - Российская государственная библиотека
РГИА - Российский государственный исторический архив
РГНФ - Российский гуманитарный научный фонд
ТОДРЛ - Труды отдела древнерусской литературы
ТОЦХДНИ - Томский областной центр хранения документации новейшей истории
ТфГАТО - Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. Пути и формы освоения Америки и Сибири	
А б р а м с Р. Аляска: последний евро-американский фронтир	7
А г е е в А. Д. Американский "фронтир" и сибирский "рубеж" как факторы цивилизационного разлома	30
Б е л а ш Н.Ю. Образ фронта в США и России	37
Ж е р а в и н а А. Н. Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения Сибири в конце ХУП - первой половине ХІХ в.	45
Н и к у л и н П.Ф. Особенности аграрной колонизации Сибири и Северной Америки во второй половине ХІХ - начале ХХ в.	54
А н д р е е в В. П., Д е м е ш к и н В. А. Спецпереселенцы и хозяйственное освоение Среднего Приобья в 30-е гг. ХХ в.	60
Р а з у м о в О. Н. Иностраннный капитал в горнопромышленном развитии Сибири в конце ХІХ - начале ХХ в.	65
Ш а б а н о в М. П. Роль ссыльных в земледельческом освоении Сибири в ХУП-ХІХ вв.	76
Т р и б и ц о в Ю. М. Техас и Приморье: рывок США и России к "теплым морям"	90
Г у з а р о в а Н. И. Информационное освоение фронта (американская и сибирская пресса и ее роль в освоении новых территорий)	93
Раздел II. Конфессиональный фактор в освоении фронта	
Б а х т и н а О.Н. Книга в системе ценностей переселенца в Сибирь (на материале старообрядческой книжности Сибири)	98
Д у т ч а к Е. Е. Старообрядческие поселения Америки и Сибири: спыт сравнительной историко-культурной характеристики	106
Ч е р н а я М. П. Роль христианизации в русской колонизации Сибири (ХУП-ХІХ вв.)	115
С о с к о в е ц Л. И. Конфессиональные особенности Западной Сибири в 50-е гг. ХХ в.	125

Раздел III. Коренные этносы и этнодисперсные группы

М а м с е и к Т. С. Община на фронтире: Сибирь и Северная Америка XVIII - XIX вв.	132
Ш е р с т о в а Л. И. Переходные этносы и формы этнической самоидентификации (Южная Сибирь, начало XX в.)	144
О к т я б р ь с к а я И. В. Казахи Южного Алтая (фактор границы в этнической истории)	157
Н а у м о в а Н. И. Поляки Сибири. 1918-1920 гг. (к вопросу об особенностях национального самосознания)	168
К у т и л о в а Л. А. Школа на родном языке как фактор сохранения этнической целостности в среде меннонитов-переселенцев в Сибири	174
Н а м И. В. Формирование этнодисперсных групп в составе населения в Сибири (XIX - начало XX в.)	182
С м о к о т и н В. И. Традиционная культура и современность: возможен ли диалог?	192

Раздел IV. Человек фронтира: миф и реальность

К а н у н о в а Ф. З. Вопросы историко-культурной концепции Сибири у Г.С. Батенькова (Батеньков как человек фронтира)	198
П о п л а в с к а я И. А. Лицейсты пушкинского выпуска и Сибирь (к проблеме формирования сибирской культуры)	208
А й з и к о в а И. А. Сибирская тема на страницах "Москвитянина"	220
Д о м а н с к и й В. А. Сибирь в рецепции Ф.В. Волховского	229
Р а з у м о в а Н. Е. Сибирь и эволюция философских воззрений А.П. Чехова	234
Ж и л ь к о в а Э. М. Русская каторга и сибирский фронтир (по материалам произведений Феликса Толля)	244
Н о в и к о в а Е. Г. Проблема границы в сознании сибирского писателя-областника: на материале творчества Н.И. Наумова	250

Американские исследования в Сибири

П е л и п а с ь М. Я. Современные американские дискуссии о "большой стратегии" США	256
Цы г а н к о в а С. П. Американские миссионеры в Китае в первой половине XX в.	265
Л и п о в С. Ю. Проекты европейской интеграции второй половины 1950-х гг. и позиция США	271
Н и к и ф о р о в О. А. Роль государства в поддержке малого бизнеса в США и Российской Федерации	280
С м о л я к о в а Л. Н. Дискуссии в США о стратегии в международных отношениях на страницах журнала "American Political Science Review"	284
S z p o r e r M. Kresy of the Edge of Europe	289
K i t c h i g i n a L. The Educational Advising Center in Tomsk	296
Список сокращений	298

CONTENTS

Introduction	3
Part 1. Ways and Forms of Settlement on New Territories	
A b r a m s R. Alaska: The Euro-Americans' Last Frontier	7
A g e e v A. American and Siberian Frontiers: the Factors of Civilizations's Clash	30
B e l a s h N. The Image of Frontier in the United State and in Russia	37
G e r a v i n a A. Features of Siberian Agrarian Colonization (the late 17 th - first half 19 th century)	45
N i k u l i n P. Features of Siberian and North American Agrarian Colonization (in the second half 19 th - early 20 th century)	54
A n d r e e v V., Demeshkin V. Deportees and Economic Mastering of New Lands along the Central Part of Ob-River in the 1930's	60
R a z u m o v O. The Foreign Capital in the Developing of Siberian Industry in the late 19 th - early 20 th century	65
S h a b a n o v M. The Role of the Exiles in Siberian Agriculture (the 17 th - 19 th century)	76
T r i b i t s o v Y. Texas and the Amur-River Territories: the USA and Russia in Gaining Access to "Warm Seas"	90
G u z a r o v a N. The Role of American and Siberian Newspapers in the Development of New Territories	93
Part 2. Religious Factor in Settlement of the New Historical Space	
B a h t i n a O. The Book as a Guardian of Everlasting Values for the Frontier Man (Based on Siberian Oldbelievers' Literature)	98
D u t c h a k E. Oldceremonial Settlements of America and Siberia: the Experience of Comparative Historical and Cultural Characterization	106
C h e r n a y a M. Role of Christianization in the Russian Colonization of Siberia (the 17 th - 19 th century)	115

S o s k o v e t s L. Confessional Features of West Siberia in 1950 ⁹	125
Part 3. Aborigines and National Minorities	
M a m s i k T. Settlements of Frontier: Siberia and North America in the 18 th -19 th century	132
S h e r s t o v a L. Transmitting Ethnoses and Forms of Ethnic Selfidentification (South Siberia, the beginning of the 20 th century)	144
O k t i a b r s k a y a I. The Kazakh Population in the Southern Altai: the Essence of the Border in Ethnic History	157
N a u m o v a N. Poles in Siberia. 1918-1920. (Features of National Self-awareness)	168
K u t i l o v a L. School as the Factor of Ethnical Entirety among the Mennonites-Settlers in Siberia	174
N a m I. National Minorities in Siberia (the 19 th - early 20 th century)	182
S m o k o t i n V. Traditional Culture and Modernity: Is It Possible the Dialog?	192
Part 4. People of the Frontier: Myth and Reality	
K a n u n o v a F. Batenkov as a Man of Frontier	198
P o p l a v s k a y a I. The Lyceum Graduates of Pushkin Lyceum Days and Siberia (About the Problem of Creating Siberian Culture)	208
A i z i k o v a I. Siberian Subject on the Pages of "Moscovitianin"	220
D o m a n s k i y V. Siberia in the Perception of F.V. Volhovskiy	229
R a z u m o v a N. Siberia and the Evolution of Anton Chehov's Philosophical Views	234
G i l i a k o v a E. The Penal Servitude and Siberian Frontier (Based on Works of Felix Toll)	244
N o v i k o v a E. The Problem of Frontier in the Novels of the Provincial Writer: N.I. Naumov	250

American Studies in Siberia

P e l i p a s M. Contemporary American Discussions about "Great Strategy"	256
T s i g a n k o v a S. American Missionaries in China in the first half of the 20 th century	265
L i p o v S. European Integration' Projects in the second half 1950' and the U.S. Position	271
N i k i f o r o v O. The Government and Small Business in the USA and the Russian Federation	280
S m o l y a k o v a L.N. American Discussions about the Strategy in International Relations in the Journal "American Political Science Review"	284
S z p o r e r M. Kresy of the Edge of Europe	289
K i t c h i g i n a I. The Educational Advising Center in Tomsk	296
List of Abbrevations	298

Американские исследования в Сибири
Выпуск 2

АМЕРИКАНСКИЙ И СИБИРСКИЙ ФРОНТИР
AMERICAN AND SIBERIAN FRONTIER

Материалы международной научной конференции
"АМЕРИКАНСКИЙ И СИБИРСКИЙ ФРОНТИР
(фактор границы в американской и сибирской истории)"
4-6 октября 1996 г.

Редактор Т.В. Зелева

Технический редактор Р.М. Подгорбунская

Компьютерный набор и верстка В.М. Малютин, Л.Н. Смолякова

Лицензия ЛР 040749 от 18.03.96 г.

Подписано в печать 20.08.97 г. Формат 60x84^{1/16} Бумага офсетная

№1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. П. л. 19; усл. п. л. 17,67;

уч.-изд. л. 18,4. Тираж 300 экз. Заказ 243

Издательство ТГУ. 634029. Томск, ул. Никитина, 4.